

В. П. Пачулиа

ЛЕГЕНДЫ ЛАЗУРНОГО БЕРЕГА

В. П. Пачулиа

ЛЕГЕНДЫ
ЛАЗУРНОГО БЕРЕГА

Издательство «Наука»

Москва

1973

В народной памяти абхазов до наших дней сохранились многочисленные легенды и предания, связанные с историко-культурными памятниками, топонимикой, содержащие любопытные истолкования природных явлений и т. д.

Легенды, вошедшие в настоящую книгу, в большинстве своем записаны в течение последнего времени и, за небольшим исключением, на русском языке публикуются впервые. Все тексты снабжены авторскими комментариями, дающими представление об элементах историзма и степени исторической достоверности легендарных сюжетов, событиях и явлениях, о которых говорится в легендах. В конце книги приводится список рекомендованной литературы.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Ш. Д. ИНАЛ-ИПА

АБХАЗСКИЕ ЛЕГЕНДЫ И ИСТОРИЯ

*

Апсны — «страна души» — называют свою родину абхазы. Этот небольшой народ издревле обитает в северо-восточном Причерноморье, где возвышаются отроги Кавказского хребта и плещутся о берег ласковые морские волны.

Бесчисленные рубцы оставила на этой земле история, свидетелями многих событий были седые вершины гор. Предки абхазов с незапамятных времен вели здесь упорную борьбу за свое историческое существование сначала с силами дикой природы, а затем с нашествиями врагов. Только ценой огромных усилий удалось им выстоять в этой неравной борьбе. И не только выстоять, но сохранить свой язык и обычаи, создать большую духовную культуру, памятники которой до сих пор поражают своей самобытностью, силой эмоционального воздействия и разнообразием форм. Значительную часть этого наследия составляют замечательные произведения фольклора — исторические сказания, сказки, легенды, предания, притчи, песни, пословицы, поговорки.

До сравнительно недавнего времени абхазы не имели своей письменности, поэтому устное народное творчество было для них единственной возможностью выразить свое отношение к явлениям и событиям действительности, свои чаяния и надежды, безграничную любовь к жизни и свободе, жгучую ненависть к врагам.

Каждое новое поколение обогащало сокровищницу фольклора новыми ценностями, отсюда черпало щедрые россыпи народной мудрости, коллективного опыта, правила нравственности и морали, брало примеры из героического прошлого своего народа.

Устное народное творчество абхазов поистине неиссякаемо. Не случайно, что именно эта сторона их духовной жизни, как и чудесная природа края, вызвала восхищение А. П. Чехова, посетившего Абхазию впервые в 1888 г. «Если бы я пожил в Абхазии хотя бы месяц, — писал он издателю «Нового времени» А. С. Суворину, — то, думаю, написал

бы с полсотни обольстительных сказок. Из каждого кустика, со всех теней и полутеней, на горах, с моря и с неба глядят тысячи сюжетов»¹.

Возникая в различные периоды истории, многие произведения фольклора донесли до нас приметы своего времени, а в некоторых случаях в той или иной мере и черты исторической достоверности. Даже в наиболее древних пластах устного народного творчества, несмотря на мифологическую оболочку, своеобразную символику и приемы типизации, возможно отыскать определенные исторические корни, найти связи с многими событиями и явлениями истории. Как справедливо отмечает советский ученый-фольклорист В. В. Пименов, «в конечном счете любое фольклорное произведение содержит в себе отражение исторической действительности... Весь вопрос в том, какова степень этой историчности, зависящая в свою очередь от того, с каким фольклорным жанром мы имеем дело; мера историзма, присущая волшебной сказке, несомненно неодинакова со степенью его, свойственной былинам, рунам или историческим преданиям»².

Конечно, даже в исторических сказаниях, легендах и преданиях меру достоверности не следует преувеличивать, но нет сомнения в том, что определенные элементы историзма в них содержатся и могут быть использованы наукой в качестве вспомогательного источника. В одном случае это могут быть сведения об определенной исторической личности, в другом — указание на историческое событие, в третьем — на место, где происходило событие, и т. д. Немаловажную роль здесь играет и время создания фольклорного произведения, так как в архаичных пластах исторические приметы, как правило, в гораздо большей степени растворяются в фантастической стихии, чем в памятниках, к примеру, средневековья, где нередко выступают в реально повествовательной форме. Из дошедших до нас памятников устного народного творчества абхазов героические сказания, предания и легенды составляют наиболее значительную часть фольклорного фонда.

Особое место в фольклорном наследии абхазов занимают так называемые сказания о нартах — цикл эпических произведений о ста братьях, их единственной сестре Гунде и матери Сатаней Гуаши. Нартовский эпос носит «интернациональный» характер: кроме абхазов, он широко бытовал у адыгов и осетин, в разной степени имел распространение среди карачаевцев, ногайцев, балкарцев, чеченцев, ингушей, сванов и других народностей Кавказа. В своих наиболее древних частях абхазский вариант эпоса хронологически восходит еще к VIII—VII вв. до

¹ А. П. Чехов. Собрание сочинений в XII томах, т. II. М., 1963, стр. 236.

² В. В. Пименов. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.—Л., 1965, стр. 129—130.

н. э., а формирование его в основном закончилось в период средневековья (XIII—XIV вв.)³.

«Нартовский эпос», — отмечал известный советский кавказовед В. И. Абаев, — это поэтизированная и фантастическая автобиография народа в древнейшей, овеянной мифами и легендами, период его жизни. В нем отразилась история народа, но история не внешних событий и датированных фактов, а история древнего быта и мировоззрения, народных доблестей и идеалов»⁴.

Формирование нартского эпоса началось в период поздней бронзы, когда на территории Абхазии, как и во всей Западной Грузии, получила развитие так называемая колхидская культура. В погребениях этого времени археологи находят бронзовые топоры, покрытые гра- вированными орнаментами, бронзовые наконечники копий, разнообразные предметы украшений, уникальную керамику. Поселения древних абхазов находились на берегу моря, где существовал соляной промысел, или на пологих склонах холмов. Одновременно они стали осваивать вершины холмов, где строили небольшие, главным образом деревянные, укрепления. Этот период характеризуется ожесточенными межродовыми усобицами и межплеменной борьбой, нашедшими яркое отражение и в сказаниях о нартах.

Главный герой эпоса — Сасрыква (абхазы называют его «афрыхца» — «мужественный из мужественных»). Он совершает множество подвигов: укрощает диких коней, сражается с драконами, со страшными великанами. Величайший его подвиг — овладение огнем, который он затем приносит своему народу. Наиболее ярким является образ матери нарт — Сатаней Гуаши — воплощение разума и совести народа. Она — родоначальница и хранительница семейного очага, прорицательница рода и его волшебница. В эпосе наряду с культом Великой Матери — дань матриархату — отразился также культ кузницы, возникший в период освоения железа. Значительный след в эпосе оставили представления о правящем миром всеобъемлющем и всепроникающем духовном начале, о божествах — покровителях лесов и дичи (древний

³ См. об этом подробнее: Ш. Д. Инал-ипа. Слово о нартах (Предисловие). «Приключения нарта Сасрыквы и его девяносто девяти братьев». М., 1962, стр. 5—12; он же. Абхазы. Сухуми, 1965, стр. 595—605; Е. М. Мелетинский. Происхождение героического эпоса. М., 1963, стр. 156—247; В. И. Абаев. Нартовский эпос. «Изв. Северо-Осетинского научно-исследоват. ин-та», т. X, вып. 1, 1945.

Нартовский цикл состоит из множества небольших по размеру прозаических и стихотворных сказаний. К сожалению, систематическое собрание их началось недавно, поэтому ряд частей эпоса оказался безвозвратно потерянным. Наиболее полное собрание сказаний об абхазских нартах на русском языке находится в книге «Приключения нарта Сасрыквы и его девяносто девяти братьев» (М., 1962).

⁴ В. И. Абаев. Нартовский эпос, стр. 94.

охотничий культ «ажвейпша»). Исторически нартские сказания «в значительной степени отразили процесс перехода от матриархата к патриархату, зарождение военной демократии в условиях сильных матриархальных пережитков»⁵.

С нартами по одной из легенд связана огромная крепость Нарчхоу, мощные стены которой протянулись далеко над скалистым обрывом к югу от Ткварчели, а также крепость Гуинтвинт в Западной Абхазии (см. публикуемые тексты). Существует также предание, что нарт Сасрыква был похоронен возле сел. Цмур в верховьях р. Гумиты.

Конец этого периода ознаменован частыми военными столкновениями с проникшими с Северного Кавказа кочевыми племенами.

Одним из наиболее крупных нашествий на Абхазию было вторжение киммерийцев в конце VIII в. до н. э. В груды развалин обратили они многочисленные поселки предков абхазов, кровью и трупам был отмечен путь жаждавших добычи завоевателей. Как полагают исследователи, именно события киммерийского и последовавшего за ним скифского нашествий легли в основу другого замечательного произведения абхазского фольклора — героического эпоса об Абрскиле.

Как утверждает один из современных исследователей абхазского эпоса Ш. Х. Салакая, это сказание «выступает как бы связующим звеном между двумя разновидностями эпического творчества кавказских народов: с одной стороны, всем своим внутренним строем, идейным содержанием оно предстает перед нами как дальнейшее развитие нартского эпоса, с другой — оно неразрывно связано с циклом кавказских преданий о великанах, прикованных к горам или заточенных в пещеры, к героям типа греческого Прометея»⁶.

В ряде вариантов сказания особенно подчеркнуты богоборческие действия героя. Поскольку древнейшие из них хронологически можно датировать переходным периодом от первобытнообщинного строя к классовому обществу, то в этих действиях Абрскила, по-видимому, нашел отражение процесс самоутверждения человеческой личности, впервые противопоставляющей себя сверхъестественным силам. Дальнейшее углубление и переосмысление этого образа находим в значительно более поздних версиях, где Абрскил символизирует борьбу народа за свободу и социальную справедливость.

Во всех вариантах «Абрскила» герой совершает три подвига: борется с дикой природой (ее отождествлением являются папоротники и виноградные лозы, в иных случаях — лианы), некими рыжими голубоглазыми людьми и, наконец, с двумя местными родами — Кацба и Эшба.

Рассказ о первом подвиге представляет собой наиболее древний пласт эпоса и отражает период зарождения и развития земледелия.

⁵ В. М. Мелетинский. Указ. соч., стр. 162.

⁶ Ш. Х. Салакая. Абхазский народный героический эпос. Тбилиси, 1966, стр. 114.

Наиболее интересен своим историческим содержанием второй пласт — борьба героя «против рыжих голубоглазых людей». Еще известный советский кавказовед Г. Ф. Чурсин указывал, что в ней следует видеть, вероятно, «отдаленное воспоминание об упорной борьбе абхазского народа с каким-то чуждым народом, голубоглазыми блондинами... Борьба эта кончилась не в пользу абхазов, так как в конце концов Абрскил был заточен в пещеру, а «рыжие и голубоглазые» по-прежнему продолжали жить в Абхазии»⁷.

Описание внешнего облика этих неведомых врагов заставляет обратить внимание на свидетельство Гиппократа, относящееся к V—IV вв. до н. э.: «...Все скифское племя рыжее вследствие холодного климата, так как солнце не действует с достаточной силой, и белый цвет как бы выжигается от холода и переходит в рыжий»⁸.

Очевидно это были киммерийцы или скифы, нашествие на Черноморское побережье Кавказа которых подтверждается многими археологическими, ономастическими, литературными и иными данными.

По сведениям археологических исследований и других источников, скифы, продвигаясь по территории Колхиды, частично оседали здесь⁹. Это дает основание считать, что «в борьбе Абрскила против «рыжих и голубоглазых» и отражена борьба аборигенов с нежелательными пришельцами, т. е. киммерийцами — скифами»¹⁰.

Много сказаний и легенд связано со временем греческой, а затем римской колонизации северо-восточного Причерноморья — территории исторической Колхиды.

Колхида, издавна населенная предками грузин и абхазов, послужила фоном для одного из самых замечательных мифов древности — греческого мифа об аргонавтах. Рассказы первых путешественников о плодородной земле и благодатном климате восточного побережья Черного моря достигли древней Греции задолго до греческой колонизации этих мест. Полагают, что греки знали о Колхиде еще до Троянской войны. Сюда устремлялись греческие моряки и купцы, среди которых ходили слухи, что в Колхиде дворцы строятся из меди, а в местных реках много золота и что жители добывают его при помощи просверленных корыт и бараньих шкур. 2500 лет назад греки основывают вблизи бухт, удобных для стоянки судов, в местах, уже обжитых местным населением или поблизости от них, свои города-колонии — Диоскурию (совре-

⁷ Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957, стр. 244.

⁸ Цит. по: В. В. Латышев. Сведения древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. «Вестник древней истории», 1947, № 2, стр. 297.

⁹ См.: М. Н. Погребова. Железные топоры скифского типа в Закавказье. «Советская археология», 1969, № 2, стр. 179—188.

¹⁰ Г. В. Цулая. Мифологические тайны пещеры Абрскила. «Труды Абхазского ин-та языка, литературы и истории», т. XXXIII. Сухуми, 1963, стр. 327.

менный Сухуми), Гюэнос (Очамчире), Питиунт (Пицунда), Триглант (Гагра), Фазис (Поти), Батус (Батуми) и др.

По преданию, связанному с мифом об аргонавтах, Диоскурия в (некоторых источниках — Диоскуриада) была основана братьями-близнецами Кастором и Полуксом, принимавшими участие в походе аргонавтов. Однако это предание в античный период не укоренилось в Абхазии. Вторично оно распространилось здесь уже во второй половине XIX — начале XX в.

К этому же времени следует, видимо, отнести и «Легенду о легкомысленной Питисе», заложившей якобы пицундскую сосновую рощу.

Греческие города-колонии вскоре после своего основания превратились в важнейшие культурные и экономические центры Черноморского побережья. Греческие купцы привозили сюда соль, оружие, украшения и обменивали их на доставляемые местными племенами кожи, воск, мед и древесину. Экономическое и культурное влияние греков в Абхазии длилось около 500 лет и заметно сказалось на культуре местных племен. Оно проявилось, в частности, в усовершенствовании домашней утвари, в обряде погребения, в чеканке в Диоскурии местной монеты и т. д.

В первой половине I в. до н. э. территория Абхазии, как и всей Колхиды, входила в состав Понтийского царства, воевавшего с Римом. Понтийский царь Митридат VI Евпатор провел зиму 66/65 г. до н. э. в Диоскурии. В этот период Диоскурия переживала свой расцвет. Подобно упомянутым выше мифам, в сравнительно недавнее время в Абхазию проникла любопытная легенда о последних днях Митридата, в частности о его пребывании в Диоскурии¹¹.

На рубеже нашей эры вся территория Абхазии была охвачена межплеменной борьбой. некогда процветавшие города Питиунт и Диоскурия были опустошены и разрушены местными племенами генихов. В начале нашей эры здесь укрепились римляне. Сначала в Севастополисе, возникшем на месте погибшей Диоскурии, а затем и в нескольких других пунктах побережья разместились римские гарнизоны. Гибель Диоскурии нашла отражение в смутных отрывочных преданиях о какой-то катастрофе, постигшей город чужестранных купцов¹².

¹¹ Легенда эта впервые опубликована Е. Д. Картавиным под названием «Смерть царя Митридата Евпатора» в «Черноморском альманахе» за 1914 г. Как и другое сказание на эту же тему, приведенное в этом альманахе под названием «Гнев Диоскуров», оно, очевидно, представляет собой не подлинное произведение фольклора, а литературно обработанный фольклорный мотив.

¹² Относительно гибели Диоскурии в разное время было высказано несколько предположений. В 1876 г. краевед В. И. Чернявский пытался обследовать остатки древних сооружений на дне Сухумской бухты, но из-за примитивного технического оснащения экспедиции ему не удалось осуществить свой замысел, получить удовлетворительные результаты. Затем возникла гипотеза, что Диоскурия оказалась на дне моря в результате опускания берега или грандиозного ополз-

Римляне, утвердившиеся на побережье, придавали исключительно большое значение Абхазии и всему Закавказью как барьеру против северных кочевников, сооружали здесь военные укрепления, старались поддерживать мирные отношения с местными племенами, на помощь которых они рассчитывали.

В этот период на территории Абхазии проживали древние абхазские племена санигов, абазгов и апсиллов. Часть последних, разместившихся в горных долинах Цебельды, образовала так называемую цебельдинскую позднеантичную культуру, характеризующуюся разнообразными памятниками — крепостями, поселениями и могильниками. Исследования могильников дало богатейший материал для выявления исторической картины жизни местных племен в I—VI вв. н. э.¹³

Питиус в это время служил местом ссылки христиан. Так, согласно существовавшей легенде, один из семи братьев антиохийских христиан, посланных при Диоклетиане, был сюда отправлен, но по пути скончался и погребен в Пицунде.

В начале VI в. территория современной Абхазии входит в состав Византийского государства, выросшего на развалинах Восточно-Римской империи. С IV до середины VI в. этот край номинально подчинялся Лазскому царству, также зависимому от Византии.

Систематические исследования затонувшего города начались с 1951 г., когда экспедицией Абхазского НИИ им. Д. Гулиа Грузинской АН под руководством М. М. Трапша было установлено, что Диоскурия находилась на месте современного Сухуми и что значительная часть города покоится на дне Сухумской бухты, о чем свидетельствуют обнаруженные остатки зданий, старинная утварь и т. д. Наиболее интересная находка — хорошо сохранившаяся мраморная стела весом около 500 кг с рельефными фигурками двух женщин и мальчика, некогда украшавшая некрополь Диоскурии. В 1957 г. ученому и аквалангисту Л. А. Шервашидзе удалось составить гидроархеологическую карту памятников древности, находящихся на дне Сухумской бухты. С лета 1962 г. были предприняты новые гидроархеологические исследования под руководством автора этих строк. Обследование привело к ряду новых подводных находок — остатков круглой башни, фрагментов затонувших стен, обломков амфор, пифосов и т. д. Резкое увеличение глубины бухты и наличие огромных трещин на дне наводят на мысль, что гибель Диоскурии могла произойти в результате катастрофы, вызванной тектоническими причинами. Окончательное заключение о времени и причинах гибели древнего города — задача последующих экспедиций. (Подробнее об этом см.: М. М. Трапш. Мраморный барельеф из Сухуми. «Вестник древней истории», 1954, № 1; Л. Н. Соловьев. Диоскурия — Севастополис — Цхум. «Труды Абхазского государственного музея», вып. 1. Сухуми, 1947; А. М. Анахидзе, О. Д. Лордкипанидзе. Новые материалы археологии Диоскурии — Севастополиса. «Труды Абхазского ин-та языка, литературы и истории», т. XXXIII—XXXIV, 1963; В. П. Пачилиа. По древней, но вечно молодой Абхазии. Сухуми, 1969, стр. 29—34).

¹³ М. М. Трапш. Некоторые итоги раскопок цебельдинских некрополей в 1960—1962 гг. «Труды Абхазского ин-та языка, литературы и истории», т. XXXIII—XXXIV, стр. 262—272.

Тогда же начинается распространение христианства в Абхазии через византийских миссионеров. Об одном из них — евнухе Ефрате, по происхождению абхазце, существует несколько легенд. Миссионерство было средством колонизации края Византией и встречало сопротивление языческого населения Абхазии. Попытками отпора колонизаторам были, в частности, знаменитая Трахейская битва у Гагр и битва у Тцахара — столицы одного из абхазских племен — мисимиян. Все эти события были подробно описаны еще в VI в. византийскими историками Прокопием Кесарийским и Агафием¹⁴.

Принятие в 527 г. христианства привело к развитию в Абхазии местной церковной архитектуры. В VI—VII вв. были построены Цандрипшский и Гагрский храмы, два храма в Пицунде, Драндский собор и другие культовые сооружения.

В 736 г. Абхазия перенесла разрушительное нашествие арабов во главе с полководцем Мурваном Кру (Глухим) ибн Мухаммедом. Были уничтожены многие крепости, в том числе Келасурская стена и город Цхуми (Сухуми). Но у Анакопии (Новый Афон), ставшей к тому времени столицей абазгов, где засело вместе с абхазами и грузинское войско, арабы были вынуждены остановиться. После долгой осады, истощенные эпидемией (согласно грузинским источникам X в., от чумы в лагере арабов погибло 35 тыс. человек) арабы потерпели поражение и больше никогда не решались ступить на абхазскую землю.

В конце VIII в. на территории Абхазии, успешно отразившей натиск врагов, сложилось Абхазское царство, распространившееся затем на все Западное Закавказье. Население его состояло из грузинских, абхазских и адыгских племен.

В Абхазии расцветает культура и экономика, строятся дворцы, храмы, целые архитектурные ансамбли. К этому времени относится сооружение Бзыбского архитектурного комплекса, включающего два храма и крепость, Лыхненского храма, Хашупской крепости, Моквского собора. Тогда же были сооружены и некоторые объекты Анакопии.

С архитектурными памятниками Абхазии связана многочисленная группа легенд и преданий. Это и «Предание о великом зодчем», рассказывающее о том, как жестокосердный царь Леон, чтобы не платить зодчему и сохранить неповторимость Моквского собора, погубил его создателя, и «Легенда о Пицундском храме», где двое зодчих соревнуются, кто скорее закончит свою часть работы, и легенда о закладке Лыхненского дворца с традиционным сюжетом — в стену дворца замуровывают юношу и девушку. Наиболее устойчивые варианты этих легенд публикуются в настоящем сборнике.

Замечательна красочная легенда об ацанах-карликах, якобы некогда живших в горах Абхазии и оставивших здесь свои жилища — «ацанг-

вары» («ограды карликов»). Большинство исследователей датируют «ацангвары» ранним средневековьем, т. е. относят к эпохе становления абхазской государственности. Именно на это время падает интенсивное развитие яллагного скотоводства, когда пастухи с семьями подолгу вынуждены были жить в горах. Позже по каким-то причинам «ацангвары» были покинуты, а спустя несколько веков заново «открыты» следующими поколениями пастухов, фантазия которых и создала легенду об ацанах.

Существование независимого Абхазского царства, длившееся почти двести лет, прекратилось со смертью в 982 г. абхазского царя Феодосия Слепого. Абхазия вошла в состав объединенного Грузинского государства на правах княжества.

Из легенд и преданий, создание которых можно приурочить к этому времени, большинство связано с постройкой культовых, оборонительных, гражданских и иных сооружений, таких как Пицундский храм, Бедийский комплекс, замок Баграта, Бесплетский мост и т. д. Доля достоверности в них, как правило, незначительна. Кроме привязки к определенному месту или объекту, трудно отыскать другие следы исторической правды, известной нам по источникам. Тем не менее сюжеты этих легенд не лишены внешнего правдоподобия и меньше обременены фантастическими элементами. Дошли они до нашего времени в основном в хорошей сохранности и в сравнении с другими не отличаются разнообразием локальных вариантов.

Значительно богаче и разнообразнее представлены в устном народном творчестве абхазов события, имевшие место в средневековый период их истории. Это были времена тяжчайших испытаний, выпавших на долю абхазского народа, подневольного существования под властью иноземцев. В конце XII в. на побережье исторической Колхиды закрепились венецианцы, но спустя два века их владычество сменила генуэзская колонизация, а с конца XV в. в Абхазии утвердилось безраздельное господство султанской Турции.

С экспансией венецианцев и генуэзцев на берегах Причерноморья значительно усилилась работорговля, ставшая для местного населения источником несчастий и трагедий.

Во многих прибрежных пунктах Абхазии возникли генуэзские фактории — Хакара (Гагра), Санта София (район Пицунды), Пецонда (Пицунда), Севастополис (Сухуми) и Санта Анджело (устье р. Ингур). Наибольшее значение имел Севастополис, где была резиденция протектора всех генуэзских колоний на побережье Кавказа. Кроме того, Севастополис стал одним из важнейших генуэзских невольничьих рынков.

Вовлекая Абхазию в сферу европейской культуры и торговли, генуэзская экспансия в некотором смысле была и положительным фактором, но в общем она отрицательно отражалась на судьбах местных народов, поскольку политика Генуи, как и Венеции, была связана «с на-

¹⁴ См.: Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, стр. 403 и др.; Агафий. О царствовании Юстиниана. М. — Л., 1953.

сильственным грабежом, морским разбоем, похищением рабов, порабощением колоний»¹⁵.

Венецианско-генуэзская колонизация сменилась еще более тяжким турецким игом. В 1475 г. турки опустошили Кафу, а затем и другие центры генуэзцев на Черном море. Последующие столетия, вплоть до начала XIX в., Абхазия находилась под властью турецких султанов. Турецкое господство, сопровождавшееся жестоким угнетением, грабежом и насилием над коренным населением, нанесло стране огромный урон. некогда процветавшие города превратились в невольничьи рынки. По данным французского путешественника Шардена, посетившего Черноморское побережье в XVII в., турецкие купцы ежегодно вывозили отсюда в Малую Азию, Египет и другие места обширной Турецкой империи до 12 тыс. рабов. Султанские власти насильственно насаждали ислам, грабили и уничтожали созданные трудом многих поколений храмы, дворцы, города и селения. Несмотря на неоднократные восстания абхазского народа, турецкое владычество в Абхазии продолжалось около 300 лет. Об этом мрачном времени, о страданиях народа рассказывается в многочисленных произведениях абхазского фольклора. Особенно ярко эта тема нашла свое выражение в преданиях и легендах. В одной из них — «Как были спасены дзизинцы (жители Пицунды) — говорится о том, как враги (судя по всему — турецкие янычары) осадили Пицундскую крепость и перебили всех ее защитников. Помощи ждать было неоткуда, и, предпочитая смерть рабству, «матери с детьми стали бросаться на копья врагов, обступивших башню». Вдруг стая горных орлов спустилась из-за облаков. Птицы «подхватывали детей, женщин и стариков и уносили их высоко в горы, в безопасное место». В этом небольшом повествовании нашли концентрированное выражение лучшие духовные качества его создателей: мужество и стойкость перед лицом смертельной опасности, пренебрежение к смерти во имя свободы и, наконец, несмотря на трагичность ситуации, вера в неистребимость, бессмертие народа.

Благородной идеей непримиримости с порабощением и единства народа перед угрозой турецкого завоевания проникнута и «Легенда о пицундской стене». Нарочитая «приземленность» действия и подчеркнутые сюжетные правдоподобие придают легенде черты истинной достоверности. В несколько ином, героико-романтическом, плане эта тема борьбы с иноземными поработителями отражена в легенде «Пшкяч-ипа Манча и красавица Мадина».

Происхождение песен, легенд и рассказов о народном герое Пшкяч-ипа Манче может быть отнесено к более раннему периоду абхазской истории, но варианты, несомненно, относятся и ко времени турецкого нашествия.

Об этом свидетельствуют упоминание о семи пулях, изрешетивших

грудь Манчи (использование в бою огнестрельного оружия), и свойственное более позднему времени усложнение структуры произведения, наметки портретной характеристики героини в заключительном эпизоде. Образ женщины-воительницы Мадины дается здесь более развернуто, чем ее предшественницы из нартовского эпоса — Гунбы.

Вообще сюжеты средневековых абхазских легенд и преданий отличаются большим разнообразием. Это и рассказ о Келасурском пещерном замке, в котором спрятаны монастырские ценности от завоевателей-турок («Тайна пещерного замка»), и о козих врагов, стремящихся посеять вражду между дружественными родами («Крепость на Бзыби»), и трогательная история любви двух молодых людей («Откуда пошло название Гудаута?»), и тесно примыкающее к последнему предание о том, как возникло древнее поселение Гагра, и легенда, связанная с замечательным сооружением древности («Легенды о Великой Абхазской стене»).

В ряде легенд отражены древние культовые верования, сохранившиеся среди местного населения и в позднее средневековье («Сказание о возвращении огня»), многие посвящены различным сторонам народного быта. Некоторые из них носят явно антирелигиозный характер («Лашкендар — собачий храм»).

Любопытна легенда о священном быке, дошедшая до нашего времени в нескольких вариантах. Она связана с Илорским храмом св. Георгия (XII в.) и отразила существовавший симбиоз языческого культа жертвоприношения с каноническим христианским обрядом. Согласно легенде, святой Георгий в канун храмового праздника крадет быка и приводит его во двор Илорской церкви. После прикосновения святого бык становится «священным» и мясо его приобретало способность исцелять любые недуги. Используя религиозное суеверие, священнослужители извлекали из этого обряда немалые выгоды. Ночью они незаметно приводили быка во двор церкви; утром жертвенное животное в присутствии прихожан предавали закланию, а за кусочки «целебного» мяса брали большие деньги¹⁶.

Интересен цикл легенд, относящихся к средневековью, а часть, возможно, и к более раннему времени, о возникновении самых больших озер Абхазии — Рицы, Амткела, Инкита и водопада «Девичьи слезы», в которых дается своеобразное народное толкование природных явлений. Много общего они обнаруживают с произведениями фольклора других народов Кавказа.

Владычество янычар в Абхазии закончилось в 1810 г. В результате русско-турецкой войны последние были изгнаны с ее территории, и Абхазия добровольно присоединилась к России.

¹⁶ Подробнее об этом см.: С. Т. Званба. Обряд жертвоприношения святому победоносцу Георгию, совершаемый ежегодно абхазцами. «Этнографические этюды». Сухуми, 1955.

Этот исторический акт стал поворотным пунктом в жизни абхазского народа. Несмотря на тяжелый гнет царизма и его жестокую колонизаторскую политику, он имел большое прогрессивное значение для дальнейшего политического, экономического и культурного развития Абхазии. Стали постепенно возрождаться опустошенные янычарами земли, строиться порты, расширяться связи с внешним миром. Особенно плодотворным было приобщение абхазов к русской культуре, отличавшейся большими демократическими и гуманистическими традициями. Абхазию посещают многие видные деятели русской и западноевропейской науки и культуры. Интересные сведения по абхазской истории и варианты некоторых легенд встречаем мы у известного французского путешественника и ученого Ф. Дюбуа де Монперэ и Поля Гибеля, посетивших Абхазию в первой половине XIX в.

В середине прошлого века заметно повышается интерес к истории и этнографии края со стороны русской, грузинской и зарождающейся абхазской интеллигенции. В этот же период начинается сбор абхазских легенд и преданий. Несомненная заслуга в этом принадлежит первому абхазскому ученому-этнографу С. Т. Званбе, записавшему много произведений устного народного творчества, в том числе и легенду, связанную с Илорским храмом XII в. Чуть позже несколько вариантов легенд об озере Попанцкур, пещере Абрскила и Ач-кы тызго записал от сказителя Хагуширия Тужбы учитель очамчирской школы В. Гарцкия. В конце XIX в. начались работы по собиранию фольклора основоположником абхазской литературы Дмитрием Гулиа.

Народному творчеству абхазов был нанесен огромный урон в результате переселения в Турцию значительной части абхазского населения в 60—70-х годах XIX в. Махаджирство привело к уничтожению и забвению большого числа памятников духовной культуры. Не было записано многое из того, что хранила память абхазских народных певцов и сказителей, навсегда увнесенных с родины волной переселения.

Во второй половине XIX в. в Абхазии стало широко вестись монастырское строительство (монастыри возникают в Пицунде, Новом Афоне, Камане, Келасури, Драндах, Мокве, Бедии и в других местах). Не без влияния священнослужителей создаются различные предания и легенды на религиозные темы — о Симоне Каноните, об Иоанне Златоусте и т. д. Часто эти предания переосмыслились и приобретали антирелигиозный характер.

В это же время появляется замечательное сказание о народном герое Хаджарате Кяхбе, боровшемся против князей и царских чиновников.

В начале нашего века вышла в свет первая книга стихов на абхазском языке Дмитрия Гулиа (1912 г.), большого энтузиаста по собиранию фольклора. Легенды и сказки абхазов, записанные им, вошли в его «Историю Абхазии», вышедшую в 1925 г. В культурно-просветительской работе и в сохранении наследия духовной культуры народа большую роль сыграли С. П. Басариа, А. М. Чочуа, А. Н. Джанашиа, К. Д. Мачавариани, В. Х. Гарцкия, И. И. Гулиа.

* В. П. Пачулиа

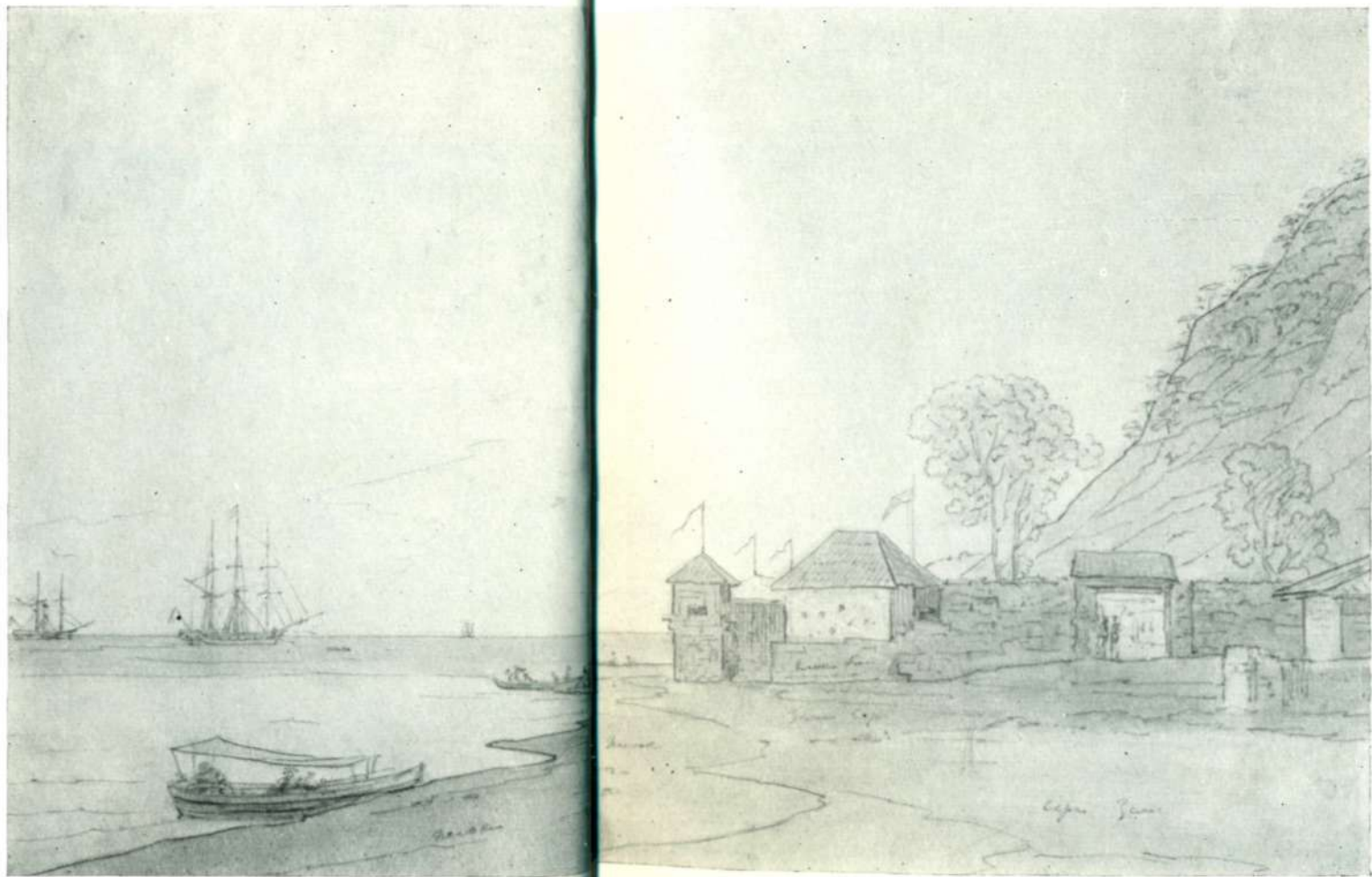
Диоскурийская мраморная стела.
Абхазск. гос. музей им. Д. И. Гулиа

Сухумская бухта.
Картина неизвестного художника
(XVIII в.)

Крепость Гагра.
Рис. акад. Н. Г. Чернецова (1836 г.)

Сказитель Кура Вахад из Нового Афона.
Фото 1969 г.

Сказители — участники этнографического хора столетних стариков

На Лыхненской поляне.
 На переднем плане сказитель Чаабра Лурхва.
 В глубине — остатки дворца абхазских владетельных князей (XIV в.)

Несколько любопытных исторических легенд было опубликовано в дореволюционном «Сухумском вестнике», в том числе легенды о происхождении табака¹⁷ и о возникновении названия местечка Гудаута¹⁸. Много места уделялось публикации преданий и легенд в редактируемой Д. Гулиа газете «Апсны». Здесь, в частности, была помещена интересная легенда «Абхазский хлеб-соль», записанная В. Чалмазом¹⁹.

Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в истории человечества, совершила коренной поворот и в жизни абхазского народа. В апреле 1918 г. в Абхазии была провозглашена Советская власть. Большевикам удалось временно низложить Советы, но в марте 1921 г. они были окончательно восстановлены. С этого времени Абхазская Автономная Советская Социалистическая Республика вместе со всеми братскими советскими народами начала свой путь к социализму. Впервые за всю свою историю народ Апсны получил свободу, условия для осуществления своих вековых чаяний и огромные возможности для развития национальной по форме и социалистической по содержанию культуры.

Рассказы о славных днях революции и гражданской войны широко отразились в устном народном творчестве абхазов. Многие сюжеты приобрели легендарную окраску, подчеркивают героизм и отвагу, мужество и верность борцов за свободу народа. Имена славных руководителей абхазского народа в борьбе против царизма — Ефрема Эшбы и Нестора Лакобы — стали легендарными, о них народом сложены песни и сказания.

В 1922 г. в Сухуми было основано Абхазское научное общество, одной из задач которого стало изучение и собирание произведений фольклора.

Большое значение для этой работы имело письмо великого пролетарского писателя А. М. Горького, адресованное творческим работникам Абхазии. В нем, в частности, говорилось: «Займитесь изучением народной устной поэзии, собирайте и записывайте абхазские песни, сказки, легенды, описывайте древние обряды... это может много дать не только Вам персонально, а и ознакомить многих людей с прошлым Абхазии»²⁰.

В 30-х годах основную роль по сбору фольклорного материала взяла на себя Абхазский научно-исследовательский институт краеведения, созданный на базе Абхазского научного общества. Значительные заслуги в сборе абхазского фольклора в советский период имеют Д. И. Гулиа, Г. Ф. Чурсин, А. М. Чочуа, И. Е. Адзинба, К. С. Шакрыл,

¹⁷ М. И. Тарнава. Абхазская легенда о происхождении табака. «Сухумский вестник», 1916, № 265, 266.

¹⁸ Григ. Гуда и Ута. Абхазская легенда о происхождении местечка Гудаута. «Сухумский вестник», 1915, № 65, 67, 70, 84, 91, 97, 102, 113, 116.

¹⁹ В. Чалмаз. Абхазский хлеб-соль. «Апсны», 1919, № 28.

²⁰ А. М. Горький. Собрание сочинений в 30 томах, т. 30, стр. 312.

Х. С. Бгажба, Ш. Д. Инал-ипа, Ц. Н. Бжания, Ш. Х. Салакая, С. А. Зухба, А. А. Аишба и др. Особо нужно отметить большой вклад в дело сбора и публикации фольклора народного поэта Абхазии Б. В. Шинкубы.

За последние годы развернул свою деятельность по сбору фольклорного материала отдел литературы и фольклора Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. Гулиа АН ГССР, который ежегодно с этой целью устраивает экспедиции в села Абхазии, Западную Грузию, а также на Западный Кавказ.

Дом народного творчества Абхазии ежегодно собирает долгожителей (столетних стариков) — участников хора для спевков и репетиций, во время которых они поют героические песни и рассказывают предания, которые записывают абхазские фольклористы.

Заметную работу по сбору легенд и преданий в последнее десятилетие провел Абхазский совет грузинского Общества охраны памятников культуры. Во время полевых экспедиций сотрудниками Абхазского совета Общества собираются легенды и предания, связанные с теми или иными историческими памятниками, древними городами и городищами. Отыскиваются также легенды, связанные с безымянными зодчими, оставившими после себя великолепные архитектурные сооружения в Пицунде, Гагре, Лыхнах, Мокве, Новом Афоне, Сухуми, Агу-Бедии и других местах. Работа эта ведется целенаправленно и с каждым годом расширяется. Фольклорное наследие талантливого абхазского народа должно быть сохранено и по возможности в большем объеме войти в золотой фонд его богатой духовной культуры.

В настоящем сборнике представлена лишь небольшая часть исторических преданий и легенд, сохранившихся в памяти народа и продолжающих бытовать среди абхазов. В большинстве своем они были записаны и переведены на русский язык автором этих строк. Сбор их проводился в течение последних двадцати лет в различных местностях Абхазии. Некоторое количество приводимых текстов взято из письменных источников, на что в каждом отдельном случае в комментарии сделана ссылка.

Иллюстративный материал взят из личного архива автора. Спик использованной литературы прилагается в конце книги.

Откуда пошел народ Апсны?

*

Об этом есть немало легенд и сказаний, все они говорят о том, что на нашей земле человек обитает издревле.

Были здесь и ацаны¹, были и нарты², победившие семиглавых великанов, были и лесные люди — «обнауаа»... Послушайте еще один рассказ. Говорится в нем о том, что вышли абхазы из страны арапов. А там, в этой стране, жили черные и белые люди. Абхазы сродни белым. Враждовали черные и белые, ибо черные держались закона: око за око, зуб за зуб. И разразилась между ними долгая кровопролитная война. Черные победили белых. Ушли тогда остатки белых на север. Далеко уже ушли они и, устав однажды от долгого пути, остановились передохнуть на опушке прекрасного леса. Ночью пришла в их стан старуха и сказала, рыдая, беглецам:

— Преследует вас Хазаратаалы. Скоро будет он здесь, тогда не быть вам в живых.

Заволновались люди, что делать, не знают.

А старуха утерла слезу, ибо жаль ей было гонимых, и сказала твердо:

— Дайте мне муки самой белой, сито и соли.

И тотчас принесли ей, что требовала. Просеяла она муку и соль, испекла на углях большой хлеб. К тому времени показался на поляне Хазаратаалы на коне Дулдуле. Тогда встала старуха на колени, хлеб и соль подле себя положив. Подлетел Хазаратаалы, размахивая саблей, но закон предков не позволил ему преступить через хлеб и соль. Повернулся он спиной к беглецам и усакал прочь. А часть людей прошла на север, где теперь Кубань, и откуда пошли абазины³. Другие

¹ Ацаны — мифическое племя карликов, в доисторические времена якобы населявшее территорию современной Абхазии.

² Нарты — легендарные 100 братьев, их сестра — Гунда и мать — Сата-ней Гуаши. Подробнее о них см. в предисловии к настоящей книге.

³ Абазины — родственное абхазам кавказское племя.

остались на Лыхненской поляне⁴, ибо кругом был непроходимый лес. От этих последних мы и ведем счет своим поколениям.

Об этногенезе абхазов существовало много разнообразных версий. Одни из них навеяны буйной народной фантазией, другие выступали в форме научных предположений. Наиболее известные из последних — эфиопо-египетская, северокавказская и малоазиатская гипотезы. В публикуемой легенде нашла отражение эфиопо-египетская версия этногенеза, согласно которой предки абхазов якобы переселились «из страны арапов». Наиболее доказательной теорией, которая нашла признание у большинства советских ученых, является теория этнической автохтонности — абхазы были не пришельцами, а составляли коренное население исторической Колхиды.

Легкомысленная Питис

Легенда эта пришла на нашу землю с далеких берегов Греции — так говорят старики. И она, пожалуй, самая древняя из всех сказаний и легенд, которые знали на священной земле Апсны. О том, откуда пошло название Пицунды, рассказывается в ней.

Был бог леса, покровитель пастухов и стад козлоногий Пан, любимый и людьми, и всеми богами Олимпа. Услаждал он слух небожителей и смертных игрой на свирели. И когда играл он, то умолкали ручьи, затихал ветер, неслышим был шорох листьев, прекрасные же девы — лесные нимфы — слетались на божественные звуки, которые издавала свирель Пана. Но и в гневе порой бывал Пан. В жаркий полдень он удалялся в чащу леса и отдыхал там, наслаждаясь покоем и тишиной. И тогда опасно было подходить к нему. Он вдушал нарушителям своего покоя страх. Порой целое войско опрометью бежало, опасаясь его гнева.

Однажды отдыхал Пан на берегах нашей земли в густой тени прекрасных сосен. И нежная нимфа Питис, пролетая мимо, задела его краем своего воздушного одеяния. Сверкнул Пан гневно глазами, стукнул посохом о землю так, что зазвенели страшным звоном сосны. Но не испугалась Пана легкомысленная Питис, улыбнулась только приветливо богу и полетела дальше. И тогда в ярости Пан взмахнул рукой, и превратилась прекрасная дева в молодую стройную сосну.

С тех пор и зовется то место ее именем — Пицунда.

⁴ Лыхненская поляна — «Лыхнашта» (абх.) находится в сел. Лыхны, Гудаутского р-на — древней резиденции абхазских владетельных князей. В настоящее время Лыхненская поляна является местом проведения конно-спортивных соревнований.

Так повествует легенда. В действительности же, название мыса, а позже и города произошло от уникальной реликтовой сосновой роши. По-гречески «питиус» — сосна, по-грузински то же слово звучит «пичви» (отсюда и происходит грузинское название средневекового города Бичвинта). Абхазы эту местность называют издревле Лдзаа, что, очевидно, идет от абхазского слова «адзахра» — крестить. С. Лдзаа неоднократно упоминается в абхазских нартических сказаниях, в частности в связи с женьбой нарта Дыда. Здесь говорится о воинственном племени лдзаа, которое, как и нарты, любило путешествовать и творило добро.

Пицундская роша является остатком больших сосновых лесов, произраставших на территории Абхазии в третичный период. Площадь роши 347 га. На земном шаре только в Пицунде сохранилась подобная реликтовая сосна на такой обширной территории. С незапамятных времен эта роша почиталась абхазами священной. В последнее время сосновая роша стала заповедной. Легенда записана в 1963 г. от жителя Пицунды Н. Д. Гочуа.

Как возникло древнее поселение Гапра?

Апсха¹, был родом из Акуа². Жил он там безбедно, любимый и почитаемый родственниками. Только в одном не везло ему пятнадцать лет подряд: как только у него рождался сын, в первую же ночь он исчезал из люльки. И никакие мольбы, обращенные к богам, не могли избавить несчастного от злого рока. Так потерял Апсха тринадцать младенцев. Тогда обратился он к мудрецам: «Как быть? Что делать мне?» — «Ищи землю обетованную;» — ответили мудрецы. — Там родит твоя жена ребенка, останется он при тебе.

Собрался Апсха в дорогу. Нагрузив большую лодку всем необходимым, взял с собой жену и близких родственников. Три дня носило море лодку. На четвертый день пристал Апсха с попутчиками к пустынному берегу, окруженному горами. По вкусу пришлось ему эта земля. Много тут было дичи, плодов. Решил Апсха поселиться здесь навек.

Прошел год, и жена его в четырнадцатый раз должна была стать матерью. А в это время некто Адгур Ачба из урочища Псху охотился в горах. Увидел он с вершины горы Мамзышха море и спустился

¹ Апсха — «абхазский составной термин, в котором окончание (ха) выступает в значении покровитель, властитель, правитель, князь, господин, владыка, а первая часть (пс) происходит от основы племенного названия абхазов (апсуа). В целом слово «апсха» означает «царь абхазов» (Ш. Д. Инал-ипа. Страницы исторической этнографии абхазов. Материалы и исследования. Сухуми, 1971, стр. 213).

² Акуа — абхазское название Сухуми.

к нему. Долго блуждал Ачба по берегу моря, услышал запах дыма и поспешил к тому месту, где построил себе жилье Апсха.

По-царски был принят Ачба в доме Апсхи. Рассказал хозяин гостю о своих злоключениях и поделился радостью: нынче ждал появления наследника. Действительно, родила ночью жена Апсхи мальчика. Положила его в люльку, а поутру, к ужасу своему, обнаружила, что люлька опять пуста. Долго искал Апсха похитителей, но безуспешно. Потом только выяснилось, что ребенка унес гость.

Адгур Ачба жил с тремя братьями. Они-то и воспитали царевича. Когда он стал юношей, спустился Ачба с ним и со своими братьями к морю и сказал Апсхе:

— Этот юноша — твой сын. Когда рассказал ты мне о своем несчастье, решил я помочь тебе уберечь твоего сына, чтобы не украли его, как крали всех твоих сыновей.

Горячо поблагодарил Апсха Ачбу:

— Бери в награду все, что хочешь — коней, плоды, драгоценности.

— Спасибо, хозяин, — отвечал Ачба. — Подарки подарками, только перенесет ли твой сын разлуку с нами? Посели нас на своей земле. Будем жить сообща, богато и весело.

Призадумался Апсха, очень не хотелось ему иметь соседей. А тут и говорит ему сын:

— Если не выполнишь просьбу Ачбы, уйду с ним опять в горы, и не видать тебе меня вовек.

Испугался Апсха и мигом согласился. Раздал он свое царство. Одному из братьев Адгура дал землю в районе теперешнего Сочи, другому — местность Абжуа, третьему Лыхны и четвертому — Окум. Зажили они богато и счастливо. От них и пошел род абхазов. А Апсха с сыном и женой остались на своей земле и построили здесь крепость Абаата.

Об истории города и его названии исторические источники располагают следующими данными.

На территории современной Гагры уже во II в. до н. э. существовала греческая торговая колония Триглиф. Когда в начале нашего летоисчисления на Черноморском побережье греков сменили римляне, здесь была построена крепость Нитика, которая вскоре была превращена в тюрьму, а поселение стало местом ссылки. На месте этого поселения впоследствии была сооружена крепость Абаата.

В древнерусских летописях конца X в. содержатся упоминания об установлении торговых связей между Киевской Русью и Абхазией. Предполагается, что через Гагру проходили пути, связывающие Абхазию с Грузией и Тмутараканским княжеством.

В 1308 г. под названием «Какара» поселение впервые встречается на карте, составленной Пьетро Висконти (в настоящее время она хранится в библиотеке св. Марка в Венеции). Позже на итальянских картах Гагра обозначалась как «Хакары», по названию находившейся здесь генуэзской торговой фактории.

Турецкий путешественник Евлия Челеби, посетивший Гагру в 1641 г., в своем описании называет ее «Какур», а селение, на месте которого ныне расположена Новая Гагра, — «Хаке» (в более поздних источниках оно именуется «Гагрипш»). По его свидетельству, в Какуре проживали горные чанды — древнеабхазское племя, насчитывавшее вместе с небольшими соседними родственными племенами около 15 тыс. человек.

Встречаются в исторической литературе и другие названия Гагры: «Баладаг» (в переводе с турецкого означает «Высокая гора»), «Дербент» («Железные ворота» — персид.), венецианское «Контези» («Гавань»).

Нынешнее название города происходит от имени старинного абхазского рода Гагаа. Можно предположить, что, как и названия многих населенных пунктов в западной части Абхазии, оно составлено из имени феодального рода с прибавлением частицы «пш», которая в древности означала поселение родовой общины, а в период феодализма — удел. (Подробнее см.: В. П. Пачулия. Гагра. Историко-культурный очерк. Сухуми, 1971.)

В Старой Гагре и поныне сохранились стены древней абхазской крепости, построенной в IV—V вв. н. э. и носившей название Абаата.

Гагрская крепость (крепость Абаата) была сооружена древнеабхазским племенем абазгов для защиты от иноземных захватчиков. Она представляла собой мощное оборонительное сооружение, рассчитанное на длительную осаду.

В VI в. здесь произошла знаменитая Трахейская битва между абзагами и византийцами. Со временем крепость разрушилась, но ее неоднократно ремонтировали, а несколько раз почти полностью восстанавливали.

В VI—VII вв. внутри крепости Абаата была построена небольшая крепостная церковь типа базилики с двускатной крышей. Эта церковь относится к числу древнейших культовых сооружений на территории Абхазии. Она чрезвычайно проста по форме, отсутствует даже алтарная абсида. Два боковых портика, построенных одновременно с церковью, не симметричны. Церковь, как и вся крепость Абаата, сложена из крупных отесанных блоков неодинаковых размеров. Сейчас в церкви находится музей старинного кавказского оружия.

С крепостью Абаата в Старой Гагре связаны многие абхазские легенды, одна из которых, записанная в 1958 г. в г. Гагра от М. А. Купалбы (70 лет), и приводится выше.

В далекие времена на месте приморского города Гудаута шумел дремучий лес, и такой дремучий, что даже охотники не прокладывали здесь свои тропы, не заглядывали в пустынную бухту и турецкие бригадины, идущие в Сухуми за красивыми девушками для константинопольских гаремов...

Сотни горцев могли похвастаться силой и храбростью. Но не было равных в удалых набегах бзыбскому князю Беслану. Был храбр и могуществен этот князь, но грозен и вспыльчив. Смертью карал он каждого непокорного. Так случилось и с молодым Хабуком из Бармыша.

Однажды на бармышской дороге увидел Хабук князя Беслана. Не захотел он приветствовать грозного владетеля и повернул коня в лес. Заметил это князь, разгневался и велел слугам догнать Хабука. А когда привели его, стал упрекать в непочтении.

Но ответил Хабук гордо: — Я не раб тебе, я вольный абхаз, могу приветствовать того, кого захочу.

Не успел он закончить своей смелой речи, как шашка блеснула в руках князя, и Хабук рухнул на дорогу.

Кто смог бы измерить горе родителей? С пронзительным криком бросилась мать на бездыханное тело своего первенца, зарыдала, забилась. В молчании стоял перед сыном отец, но затаил на князя лютую злобу.

А Беслан и сам пожалел о горячности — ведь напрасно пролитая кровь не приносит ни чести, ни славы, а лишь порождает врагов. И тогда он решил помириться со старым Хабуком. А тут как раз и повод представился.

Умерла у князя жена, подарив ему прелестную дочь. Долго искали слуги кормилицу, но найти не могли. Узнал князь, что и у Хабука есть малютка-дочь, и решил отдать новорожденную княжну к нему в дом, желая тем самым смыть с себя кровь его сына. Отправил он к старому горцу целую свиту с богатыми дарами и велел им просить Хабука забыть прошлое и принять на воспитание княжну.

Выслушал Хабук послов и ответил сурово: — Не нужны мне ни княжеские подарки, ни княжеская дочь.

Услышав эти слова, князь разгневался, но решил во что бы то ни стало добиться своего. Взял он на руки малютку и отправился сам к старому горцу.

— Вот голова моя, вот шашка, — сказал ему князь, низко поклонившись, — руби голову, но не отвергай дочь.

Угрюмый стоит Хабук, молчит, упирается. И кто знает, может, и пришлось бы идти князю ни с чем, да на руках у него заплакал ребенок. Отзывчиво женское сердце на детский плач. Выбежала из сакли Захайда — жена Хабука, взяла из рук князя малютку и приложила к своей груди.

Вот так от прикосновения младенческих уст к груди женщины кончилась вражда.

Шли годы. В любви и довольстве жила маленькая княжна Ута в доме у доброй Захайды вместе с ее дочкой Химсой. А когда исполнилось ей шесть лет, настала пора возвращаться в родительский дом. Жаль Хабукам расставаться со своей питомицей, да делать нечего. Оседлал Хабук коня, нарядил Уту в шелка и повез в родительский дом — старый замок на Бзыби¹.

Радушно встретил Хабука князь Беслан. Три дня и три ночи не стихал пир в его замке. А когда уехали гости, осталась в княжеском доме и Химса. А годы шли, росли дети. Стройной красавицей стала Ута. Настала пора закрываться чадрой. Но разве скроешь красоту покрывалом? Понеслась по свету молва о необыкновенной красоте молодой княжны, и дошла она до самого турецкого султана. Послал он Беслану послов, чтобы объявить ему великую милость: хочет падишах взять в жены абхазскую красавицу Уту.

Велика была честь для князя. Сулила ему великие выгоды, сильного союзника. Да жаль ему было Уту. Боялся, что займет вольный горный цветок в душной темнице — гареме. Но и отказать правителю правоверных не решался. И ответил князь послам султана уклончиво: молодая, мол, княжна не достигла еще брачного возраста. Но не успели уехать султанские послы, как пришла новая весть: едет к княжне свататься славный и могучий князь мингрельский Дадиани. С ним породниться Беслан был рад: мингрельские обычаи ближе к абхазским. Хорошо будет житься Уте в доме мингрельского князя. И решил Беслан выдать дочь за Дадиани.

Так и случилось бы, да суждена была, видимо, Уте другая судьба.

Слышит Ута однажды, что кто-то в соседней комнате перебирает струны чонгури². Вышла княжна посмотреть и увидела певца Гуду. Запел певец, полилась песня его над Бзыбью:

Не пустые слова повторяет молва,
Что прекрасна Бесланова дочь...

Смутилась княжна. Убежала в свою комнату, всю ночь не могла заснуть. Беспомощно металась Ута на мягкой тахте — черные очи Гуды так и горели перед ней, в ушах звучал его задушевный голос.

Не спалось и Химсе. Томили и ее воспоминания о любимом Астамуре. Слышала она вздохи Уты, понимала, что волнует и мучает девушку, и жалела ее. Присела она на тахту к молочной сестре и стала ласково гладить ее по волосам: — Отчего ты не спишь, милая Ута? — Ой, Химса, отвечала ей сестра, — околдовали меня глаза этого шайтана, все мерещатся мне во тьме. Что делать мне?

¹ Имеется в виду крепость на Бзыби, которая в позднесредневековый период была резиденцией князей Инал-ипа.

² Народный музыкальный инструмент грузин и абхазцев.

И стала говорить Химса, что от этого колдовства не спасут ни молитвы, ни заклинания. От любви не убежишь, да, видно, не суждено им обоим счастья: ее Астамур в далекой Турции и, бог весть, вернется ли. А Уту выдаст отец замуж за мингрельского князя. И кто знает, будет ли счастлива княжна.

Подошла Химса к окну, чтобы отдернуть занавеску и пустить в комнату свежий ночной воздух. Заглянула она в сад. Ночь стояла тихая, светлая, лунная... Вдруг заметила Химса, что кто-то зашевелился в тени чинары. Пригляделась она пристальней и узнала певца Гуду. Отскочила она от окна и говорит Уте:

— Ты думаешь, Гуде легче? Он тоже, бедный, томится, не знает покоя. Вот сидит он печальный внизу перед чинарой и смотрит на наше окно.

— Что он делает? Сумасшедший! — с ужасом прошептала княжна. — Увидит отец, убьет его, как собаку. Пойди, Химса и скажи ему, чтобы он ушел и никогда не смел больше этого делать.

Быстро вышла Химса из комнаты. Но только спустилась она с лестницы, как чьи-то сильные руки обхватили ее стан. Рванулась девушка, вырвалась из объятий и только сжала рукоятку кинжала, как услышала голос Астамура. Прильнула девушка к могучей груди любимого и поведала ему печали свои и Уты. И сказал тогда джигит:

— За наше счастье не бойся, если князь Беслан не захочет отдать мне тебя в жены, я увезу тебя тайно, укрою в таком месте, что сам султан со своими аскерами не отыщет нас. А если хочет княжна, мы и ее возьмем, спрячем от Дадяни Мингрельского.

Поцеловал Астамур Химсу на прощание и пошел в сад разыскивать Гуду. Познакомились юноши и сразу друг другу понравились. До самого утра бродили они по горам, разговаривая о тех, кто был всего дорожее их сердцу.

Не спали в ту ночь и девушки. С открытыми глазами лежали они на своих постелях, устремив взгляд на бледный, чуть посеребренный лунным светом мрак весенней ночи, думая каждая о своем. Наконец, Химса заговорила.

Осыпая княжну поцелуями, она стала уговаривать ее бежать с любимым из родного дома. Долго не отваживалась княжна согласиться на предложение молочной сестры. Но велика была ее любовь, и княжна решилась.

Первой бежала Химса. Отпросилась она как-то у Беслана навестить свою мать и уехала из княжеского замка навсегда. А вскоре настала очередь и Уты. Отважные Астамур и Гуда, собрав верных товарищей, дали знак княжне, что настала пора действовать. С бьющимся сердцем пошла Ута к отцу попросить разрешения съездить навестить свою кормилицу Захайду.

— Хорошо, — сказал князь, — поезжай. Да привези с собой Захайду, теперь тебе нужны женские заботы — князь Дадяни просил твоей руки, и я дал согласие.

Ничего не ответила Ута князю, и лишь в душе еще больше окрепла решимость бежать из родительского дома. На следующий день в сопровождении слуг уехала Ута из старого замка над Бзыбью. В последний раз взглянула она на древнюю башню, где столько лет прожила, и пустила коня рысью по бармышской дороге. Скоро догнал Уту молодой стремени Кводж. Делая вид, что поправляет упряжку коня, он прошептал ей тихо: — Ничего не пугайтесь, княжна. Все готово. Друзья найдут нас по дороге у Блабурхвы. Пятеро провожающих ничего не значат, их придется убить.

Не успела кавалькада подъехать к Блабурхве, как раздался выстрел. Схватил Кводж коня Уты за узду, в бешеной скачке увлекая княжну за собой. Скоро их догнали друзья. Протянули они княжне бурку и башлык. Надела их княжна, закрыла свое лицо от чужих глаз, и беглецы помчались дальше.

Через час к тому месту, где лежали пять окровавленных всадников, подъехал абхаз, следовавший в Лыхны. Вдруг видит, что один из них шевелится. Подошел он к нему, а тот открыл глаза. — Скачи скорее к князю и скажи Беслану, что Астамур и Гуда похитили княжну, — простонал он и умер.

Вскочил абхаз на коня. Бешеным галопом помчался он к княжескому замку. Не сразу дошли до Беслана слова джигита. А когда понял, послал отряд в погоню. Долго искали беглецов княжеские всадники, все села объехали, дороги обошли, но даже следов похитителей найти не смогли. Никто не встречал их, никто не видел, они как в воду канули. И поклялся тогда князь Беслам своим княжеским словом, честью своей разыскать беглецов и отомстить им. Но все поиски были безуспешны.

...Шел уже третий год исчезновения княжны из родительского дома, а никаких вестей о ней так и не было. Между тем Беслан знал, что Астамур и Гуда в Абхазии: в окрестностях появился отряд абреков. Участились нападения на купцов, проезжающих по Сухумской дороге, стали исчезать фелюги, выходявшие из сухумского порта в Турцию. Однажды, когда Беслан, погруженный в свои грустные мысли, отдыхал после обеда, ему доложили, что какой-то абхаз, не назвавший себя, желает его видеть.

— Что тебе надо от меня? — спросил князь, пристально разглядывая пришельца.

— Зовут меня Халыбей, — заявил абхаз. — Я был в отряде Астамура и Гуды. И если ты не забыл их, я могу сказать тебе, где они находятся.

И рассказал Халыбей-предатель, что скрываются абреки в густом лесу, почти непроходимом, на берегу моря. При Астамуре и Гуде находятся их жены, которые сопровождают их везде в мужском платье. Ута уже растит двух сыновей, а около месяца назад Гуда увез княжну из лагеря, так как, видно, приближалось время родить ей третьего ребенка.

Узнал также князь, что день и ночь охраняются подступы к лагерю абреков. Им помогают местные жители, потому что никогда абреки не

тронули ни одного бедного абхаза, ни одного крестьянина. Но он, Халыбей, зная все порядки отряда, брался провести княжеских всадников в лагерь и захватить абреков врасплох, чтобы никто из них не спасся.

Выслушал Беслан рассказ Халыбсы и говорит:

— Обещал я большую награду тому, кто укажет мне убежище беглецов. И если ты исполнишь свое обещание, можешь просить, чего захочешь.

— Мсть за деньги не продаю, — угрюмо ответил абхаз, но не сказал, за что мстит он абрекам. Краска заливала его лицо, когда он вспоминал о том позорном наказании, которому подвергли его абреки, и рука судорожно сжимала рукоятку кинжала. Но в одном он даже себе не признавался — справедлив был над ним суд абреков. Нарушил приказ Халыбей. Ранил и ограбил он на дороге встречного абхаза, позарившись на его дорогое оружие.

— Нарушил приказ — убить! — сказал Астамур.

— Халыбей молод, горяч и неопытен, — возразил ему Гуда. — Жадность к добыче оружия помutilа его разум, не убивать его надо, а строго наказывать.

И присудил суд Халыбею наказание: раздели его донага, вымазали кислым молоком и продержали так несколько часов на солнце. А во избежание мести заставили принести клятву верности.

— Пусть я буду поражен моим же оружием, если когда-нибудь изменю!

С дедов-прадедов считалась эта клятва священной, и несчастье неотвратимо постигало человека, который изменял ей. Но забыл заветы отцов Халыбей, нарушил великую клятву.

Жутко стало изменнику, да велика была его злоба.

А князь Беслан собирал уже отряд, чтобы идти в поход на абреков. На следующий день, чуть стало светать, три княжеские фелюги, ведомые Халыбеем, тихо пристали в маленькой бухте. Едва только днище фелюг коснулось песчаного дна, быстро соскочили джигиты в воду и бесшумно последовали за Халыбеем по еле заметной тропе между колючими кустами.

Не ведали о беде абреки. Спокойным сном спал лагерь. Вдруг слышит Гуда неясный шум. В одно мгновение был он на ногах, схватил оружие и выбежал из саки. Кликнул Гуда боевой клич, но мало ответило ему голосов под звон оружия закипавшего боя — многие уже пали, сраженные кинжалами врагов. Ринулся вперед Гуда, но вдруг сзади схватили его чьи-то сильные руки, и торжествующий голос Халыбсы произнес:

— Сюда, князь, сюда, Гуда здесь!

Но подоспел Астамур. Выхватил он саблю и зарубил предателя Халыбсею. Не успел спастись Гуда, как взвилась над ним шашка князя — не стало певца.

...Недолго длился бой. Окруженные многочисленными врагами, захваченные врасплох абреки почти все погибли на поле брани.

А потом князь и его отряд сели на коней и медленно двинулись в Лыхны. Между тем Ута, временно находившаяся у своей кормилицы, собиралась ехать в лагерь к абрекам; она уже садилась на коня, как вдруг услышала топот. Ута обернулась и увидела двух всадников. Это были Астамур и Химса. Когда увидела она их лица, перепачканные кровью, сердце ее замерло от недоброго предчувствия.

— Ута, спасайся! — закричал запыхавшийся Астамур, — Халыбей изменил нам. Беслан перебил весь отряд и убил Гуду.

Вскочила на коня Ута, схватила сына и, прежде чем Астамур опомнился, вихрем помчалась по знакомой дороге туда, где лежало бездыханное тело ее милого Гуды.

Вдруг на повороте увидела она всадников, впереди которых ехал ее отец. Не сбавила хода своего коня Ута. Стремительно подлетела она к князю, блеснул в ее руке пистолет, и рухнул Беслан на дорогу.

Растерялись джигиты. Слышанное ли дело — дочь убила отца. А когда опомнились, понеслись в погоню за вихрем мчавшейся княжной. А Ута была уже в лагере абреков. Спешилась она с коня и побежала. Колючки рвали на ней платье, ветви больно хлестали ее по лицу, но она ничего не замечала, лишь крепко прижимала к груди сына и бежала, бежала... Вот и знакомая сакия. Лежит Гуда на земле широко раскинув руки. Припала княжна с криком к его бездыханному телу и зарыдала.

Вдруг слышит она топот погони. Это ее ищут. И нет ей ни спасения, ни прощения. Схватила Ута ребенка на руки, взглянула в последний раз на Гуду и кинулась в море с обрыва.

Прошло несколько лет. Потускнели в памяти людей эти события. Но не забыли их Астамур и Химса. Вернулись они на место бывшего лагеря абреков и поселились там. И назвали они это место Гуда-Ута. Потом стали около них селиться и другие люди. Вырубили они лес, выжгли заросли, настроили саблей.

И выросло на берегу Черного моря селение Гудаута.

И когда завывал по ночам разгулявшийся ветер и волны с грозным ревом бились о берег, в шуме этом чудились людские стоны и плач несчастной княжны, погибшей за свое счастье.

2

Когда-то не было здесь города вовсе, а дом или два стояли. И был у семьи, жившей здесь, сын, смелый и прекрасный, звали его Гуда. Полюбил Гуда, когда время пришло, прекрасную девушку. Не было ее прекрасней в округе. И звали красавицу Ута. Быть бы им счастливыми, завести очаг общий, растить детей прекрасных, смелых и сильных, как они сами. Но вот беда — родственники их дальние когда-то крепко повздорили, и закон кровной мести запрещал теперь молодым любить друг друга, быть мужем и женой.

В тайне хранили пока свою любовь Гуда и Ута, и никто не преследовал их. Но когда сказали о любви громко родственникам своим, то было

много упреков и увещаний, угроз и мольбы. Но Гуда и Ута решили пойти наперекор воле старших, и тогда ждало их проклятие и изгнание. А что это означало, не знаете небось? Это равно, что жить и не жить, ибо люди плюют тебе вслед весь век и от тебя как один отворачиваются. Любили друг друга Гуда и Ута и были изгоями. Не выдержали они жизни такой. И пошел Гуда на реку, и бросился в нее. А вслед за ним и Ута... Так слилась любовь Гуды и Уты в реке. И называется с тех пор река Гудой. И город нынешний получил название по имени реки.

И действительно, название Гудаута происходит от речки Гудуо, протекающей по территории нынешнего города. Археологические раскопки, проведенные в Гудауте, свидетельствуют о том, что еще задолго до колонизации древними греками абхазского побережья, примерно 6—7 тыс. лет назад, на месте современного города и его окрестностей находилось обширное поселение эпохи неолита (новокаменного века). Поселение это называют Кистрикским по имени небольшой р. Кистрик. Оно является одним из наиболее интересных неолитических памятников на территории Абхазии и всего Кавказа.

В начале нашей эры территория современного Гудаутского района была населена древнеабхазским племенем абазгов. В XIII—XIV вв. в районе Гудауты находилась генуэзская торговая фактория «Каво-де-Буксо» («Пальмовая гавань»).

Сведений о более поздней истории Гудауты не имеется. Это подтверждает предположение о том, что население Гудауты, как и других прибрежных пунктов Абхазии, переместилось в предгорье.

Гудаута, как поселение городского типа, возникло в начале второй половины XIX в. По данным 1859 г., в нем была лишь одна улица, застроенная с обеих сторон деревянными лавками и жилыми домами.

Во время первой русской революции трудящиеся Гудауты под руководством Орджоникидзе активно участвовали в революционной борьбе.

После установления Советской власти в Абхазии Гудаута начала быстро развиваться, благоустраиваться и превратилась в курорт, а также административный центр крупного сельскохозяйственного района.

Текст первой легенды приводится в обработке Грига («Сухумский вестник», 1915, №№ 65, 67, 70, 84, 87, 91, 97, 102, 109, 113, 116). Вторая легенда записана в 1955 г. со слов жителя г. Гудауты А. Л. Лукина.

* Как появился в Абхазии «город Каман»?

Были у святого Златоуста не только друзья, но и враги. И вот они-то, враги, долгое время ходатайствуя перед римским императором, добились, наконец, ссылки Златоуста из благодатной Арабиссы на побережье негостеприимной Пицунды. Сказано было императорское слово, и обрядили Златоуста в самые черные рубища. Двое сторожей было да-

но в провожатые святому, и весь путь, длиною в три месяца, не давали злонравные эти люди ни отдыха Златоусту, ни покоя. Не знал Златоуст снисхождения от сторожей своих. Один из них издевался над старцем особо рьяно. Этого последнего очень раздражало, если встречные просили его пощадить хилого телом старца. Он бил Златоуста палицей своей наотмашь. И в дождь, и в полдень, когда особенно сильным был зной, выводил он намеренно узника своего наружу, чтобы или промочило его до костей, или же опалило священное его чело, лишенное волоса, жгучее солнце. Он не позволял Златоусту заходить в селения и города, дабы подкрепиться пищей или сходить в баню. Так шли они — святой и его стража, — пока не достигли, наконец, города Камана. Здесь они остановились на ночлег в уединенной церкви мученика Василиска, епископа каманского, который пострадал когда-то вместе с пресвитером антиохейским Лукианом. Ночью, когда погрузились люди в сон, явился страждущему Златоусту Василиск и сказал: «Мужайся, брат Иоанн. Завтра мы будем с тобою вместе». А когда проснулся Златоуст и стража его, стал умолять их старец повременить, остаться в церкви хотя бы до полудня, ибо надеялся святой человек сложить с себя к тому времени тяжкое бремя жизни. Но не послушали его мучители. Как гонят скотину, так погнали они мученика по пыльным дорогам, под нестерпимо палящим солнцем вперед, сами не ведая куда. И тут совсем занемог старец и упал на землю, причитая. Только после этого решились злонравные стражи вернуться в обитель у города Камана. Предчувствуя скорую кончину, Златоуст уже не принимал пищи и питья. Он облачился с ног до головы в белую одежду и прочитал привычные слова молитвы: «Слава богу за все!» После чего испустил дух и умолк навеки. Тело праведника похоронили в каменном саркофаге в церкви Каман.

Такова монастырская легенда, в которой сделана попытка связать место погребения одного из «отцов церкви», Иоанна Златоуста, с урочищем Гума у слияния Западной и Восточной Гумисты в горной Абхазии, в 12 км от Сухуми. Здесь имеются развалины храма X—XII вв. В конце XIX в. он был восстановлен, а рядом поднялись монастырские строения, где разместились монахи, которые для привлечения богомольцев пустили слух, что именно в их обители, называемой ими «городом Каманом», в древности был погребен Иоанн Златоуст.

Чтобы придать своей выдумке черты правдоподобия, предприимчивые монахи ссылались на греческого археолога Г. К. Врисиса, посетившего Новоафонский монастырь в 1884 г. Он утверждал, что ему якобы удалось найти в одной из европейских библиотек древний пергамент, на котором имелось более точное указание места города Камана, где скончался на пути в Питуус (Пицунда) Иоанн Златоуст (И. Н. Абхазия и в ней Новоафонский Симоно-Канонитский монастырь. М., 1899, стр. 123). Вслед за этим археолог посетил сел. Гума и, проведя там пару дней, вернулся с сообщением, что нашел развалины «города Камана»

в районе вышеописанного храма (там же, стр. 124). После этого Врисис уехал и никогда больше не давал знать ни о себе, ни об «открытом» им городе. Благодаря «трудам» монахинь, эта легенда получила распространение среди местного населения в конце XIX в. В своих корыстных целях монахини продавали легковверным богомольцам воду из карстового родника как «святую», исцеляющую от всех недугов, а естественные железистые образования на камнях, на дне карстового ручья, выдавали за «кровь» Иоанна Златоуста.

В действительности же, Иоанна Златоуста изгнали в 407 г. из Константинопольской кафедры по наущению императрицы Евдокии. Златоуст умер в малоазиатском городе Камане неподалеку от Константинополя, и место его погребения не имеет никакого отношения к среднему течению р. Гумиста в Абхазии.

Текст легенды приводится по кн.: И. Н. Абхазия и в ней Новоафонский, Симоно-Канонитский монастырь.

Смерть Митридата

...Грозный Митридат в сопровождении большого отряда воинов объезжал многолюдные улицы Диоскурии¹. Колхи², завидев царскую процессию издали, падали ниц. А процессия двигалась дальше, пока не остановилась перед воротами парка Медеи. Здесь Митридат оставил свою пышную свиту и скрылся в тенистой аллее. Надо было видеть этот парк, чтобы оценить его красоту. Огромные кипарисы простирали к небу свои могучие ветви. Тихо колыхались агавы. Высокие пальмы бросали густую тень на дорожку парка. Кругом благоухали цветы. Митридат шел, крадучись, и, наконец достиг прекрасного озера. Он притаился в кустах, наблюдая, как грациозно плавают лебеди. Вдруг птицы забеспокоились: на середину озера выплыл богато украшенный челн. Митридат задрожал от гнева: в челне он увидел молодого прекрасного воина в пурпурных одеждах и рядом с ним девушку необыкновенной красоты.

Едва сдерживая проклятия, он пробормотал:

— Сын, мой сын. Доносчик был прав... Ты, Фарнак, и дочь проклятого богами Суллы — Галаира. Вы вместе...

Между тем молодые люди продолжали беседу, и Митридат, напряги слух, услышал следующие слова:

— Поклянись Кастором и Полидевком, могучими Диоскурами, сыновьями Зевса, что не обманешь меня. Не поднимешь отныне меч на Рим, — говорила девушка.

¹ О Диоскурии и ее гибели см. сн. 12 предисловия.

² Согласно античным источникам, колхи — племена, населявшие Колхиду в VI—I вв. до н. э.

— Любовь моя к тебе — порука тому, — тихо отвечал юноша.

Митридат увидел, как сын его Фарнак вынул меч, и вновь услышал его голос:

— После смерти моего отца я стану царем Понта, Парфии и Боспора. Обещаю тебе никогда не вести воинов на твою родину. Если не исполню обещания, пусть Полидевк поразит меня могучей своей рукой, а Кастор истопчет меня копытами своего коня.

Митридат круто повернулся и быстро зашагал по тропинке туда, где ждала его свита...

Два следующих дня Митридат пребывал в глубокой печали. Наконец, он велел призвать к трону сына своего Фарнака.

В тронном зале собрались воины и приближенные царя. И вот вошел Фарнак.

— Я у ног твоих, отец...

Митридат сурово посмотрел на Фарнака и, встав с трона, грозно заговорил:

— Смотрите, люди, смотрите, славные мои воины. Вот сын мой, Фарнак. Он полюбил дочь нашего врага, нашу пленницу, презренную Галаиру. — Митридат перевел дух. — Отвечай, сын, людям.

Но Фарнак не смутился. По-прежнему спокойно было его чело.

— Воины хорошо знают меня, — сказал Фарнак гордо. — Они не поверят клевете. Я пролил с ними вместе слишком много крови. Да, я люблю Галаиру, но что из этого? Разве в твоём государстве, отец, запрещено любить? Ты жив, и ты диктуешь свои законы. Ты умрешь, как каждый из нас, и законы твои станут прахом. А желание твое поставить мир на колени — чего будет стоить оно?

В зале раздался гул одобрения. Да, воины хорошо знали мужественного Фарнака. И слова правды, брошенные им надменному царю, пришлись по душе каждому, кто был в этом зале.

Фарнак встал с колен.

— Прости отец, я ухожу. Но я хочу сказать тебе, что буду жить по тем законам, которые подскажет мне моя совесть, мое чувство, — сказал он и покинул зал дворца.

Прошло два года, и все уже давно забыли о размолвке между отцом и сыном. Митридат по-прежнему лелеял мечту о завоевании мира. Фарнак любил Галаиру, ничто не могло помешать его любви.

Однажды Митридат собрал войско, чтобы совершить опустошительный набег на Рим. Честолюбие не давало ему покоя: он видел великого Суллу, Помпея и Лукулла у своих ног.

— Что ты задумал, отец? — спросил Фарнак, когда они объезжали громадное войско сынов Колхиды.

Митридат молчал. Тогда Фарнак развернул коня и стрелой помчался в сторону от войска.

— Люди, — кричал сын царя, — люди, неужели вы не устали воевать? Неужели так сладко опьянение победой? Неужели тысячи трупов радуют ваш глаз?

³ В. П. Пачулина

Фарнак мчался на коне, не разбирая дороги. Он не замечал, как за его спиной собирались воины. И когда, наконец, конь принес его к дому возлюбленной, он увидел за собой легион — это были те, кому война и смерть были ненавистны. Эти люди приветствовали Фарнака, по лицу царского сына бежали слезы радости.

А Митридат, покинутый воинами и царедворцами, печально сидел в одиночестве. Потом он встал, спустился в подземелье дворца. Оттуда потайной ход вел в гробницу, которую давно уже приготовил себе Митридат.

Царь обрушил огромный камень, закрыв им вход в гробницу, снял с себя меч с золотой рукоятью, прислал кривок к сердцу и так кончил свою жизнь. Тело его навсегда осталось замурованным в скале рядом с нынешней Керчью, в те далекие времена называвшейся Пантикапеей, и никогда не было найдено.

Митридат VI Евпатор (120—63 гг. до н. э.) — понтийский царь, один из основных противников Римского государства в первой половине I в. до н. э. Он был крупным государственным и военным деятелем, покровителем наук и искусств, одновременно человеком, отличавшимся крайней жесткостью и суеверием. Митридат превратил Колхиду в одну из провинций Понтийского царства, поставив во главе ее одного из своих сыновей. В 66 г. до н. э. римский полководец Помпей вытеснил Митридата из Малой Азии. Последний вынужден был провести зиму 66/65 г. до н. э. в Диоскурии — одной из главных военно-морских баз его владений. Находясь в Диоскурии, Митридат составил план дальнейшей борьбы против Помпея. Однако блокада римлянами городов Керченского полуострова и восстание понтийцев под предводительством сына Митридата Фарнака, недовольных его правлением, сорвали его замыслы. Митридат, оставшись в одиночестве, пытался отравиться, но безуспешно, поскольку много лет подряд принимал различные яды в профилактических целях. Тогда царь приказал своему рабу-кельту убить себя.

Фарнак заявил Помпею о полной капитуляции, за что ему были оставлены владения отца, и он был признан другом римского народа. Понтийское царство, ослабленное многочисленными войнами, вскоре, однако, распалось. Цветущие города Колхиды, в том числе и Диоскурия, пришли в запустение, а спустя несколько десятилетий разрушенный древнеабхазскими племенами ленихов город братьев-диоскуров опустился на морское дно. В I в. н. э. на берегу бухты, на дне которой покоится город Диоскурия, римские завоеватели построили крепость Севастополис, современный Сухуми, которая вскоре стала одним из главных опорных пунктов римлян на побережье Черного моря. Такова историческая основа вышеприведенной легенды.

Между прочим, Екатерина II является виновницей того, что древнее название Сухуми — Севастополис дано было городу, когда-то называвшемуся Херсонес Таврический (в районе современного Севастополя).

а Херсонесом был назван порт на Днепровском лимане. Эта путаница произошла в 1783 г., когда императрица распорядилась присвоить вновь открытым портам на Черноморском побережье России их античные названия.

Текст легенды приводится по публикации Ф. Д. Картавина «Смерть царя Митридата Евпатора» («Черноморский альманах», 1914).

Пшкяч-ипа Манча и красавица Мадина

*

Жил в Абхазии прославленный герой Пшкяч-ипа Манча, слава о котором распространилась далеко за ее пределы. Молва о нем дошла до красавицы Мадины, единственной сестры семерых братьев.

Много храбрых джигитов сваталось к Мадине, но не так-то легко было покорить сердце красавицы. Еще не было случая, чтобы о подъезжающем к ее дому женихе она говорила: «Едет кто-то». Обычно она говорила: «Едет что-то». Но вот однажды красавица с балкона седьмого этажа увидела, что к дому устремился всадник на вороном коне. И впервые Мадина произнесла: «К нам едет кто-то». Тонким станом, ладным нарядом, боевыми доспехами, а впоследствии добрым нравом Манча покорила сердце гордой красавицы. Она велела братьям принять гостя с почестями. Манча и Мадина понравились друг другу; через некоторое время они поженились, устроили свадебный пир, который длился трое суток и на который съехались гости не только со всей Абхазии, но и с Северного Кавказа.

Утром на четвертые сутки, после того как гости разъехались, в амхару¹ к молодой жене своей пришел удрученный Манча и сообщил ей, что на Абхазию напали враги, что ему предложено возглавить абхазское войско и что печаль его вызвана не страхом перед смертью, а лишь боязнью подвести вверенных ему воинов.

Баалоу-пха Мадина, молодая жена храброго Манчи, подбодрила мужа, вселила в него веру в победу; Манча, окрыленный этой верой, поскакал во главе войска навстречу врагу.

В ожесточенном бою у селения Ха уашв абхазские воины остановили неприятеля. Но Манча был смертельно ранен. Чтобы оба войска отдохнули, бой прервали на три дня.

В эту ночь Мадине привиделся сон. Снилось ей, что лежит она на высоком холме, связанная веревками, а ее грудь клюет черный ворон. Проснувшись, Мадина хотела рассказать свекрови свой страшный сон. Древний обычай запрещает снохе разговаривать со свекровью.

¹ Домик для новобрачных.

Но Мадина не стерпела, попросила извинения и все-таки поведала, что видела во сне.

— Не печалься, — сказала свекровь. — Это добрый знак — погибнут все враги наши.

И вдруг ее слуха коснулись звуки сражения, крики, стоны. Свекровь выбежала на балкон.

— С чем в жилище наше вы пришли? — обратилась она к вестникам, остановившимся у ворот. В ответ друзья Манчи запели песню о смерти героя и с телом его на руках подошли к дверям дома. Но мать Манчи преградила им путь и спросила: — Какой смертью погиб мой сын, не скрывайте, если смерть настигла его в спину. И только убедившись, что сын погиб, как подобает мужчине, что семь пуль изрешетили ему грудь, она разрешила внести тело сына и стала оплакивать его...

Когда похоронили Манчу, Мадина надела его платье, взяла его пику, меч и щит, вскочила на вороного коня, и помчалась к селению Хагуашв.

А там уже снова кипел бой. Противники выбились из сил, ни у кого не было перевеса. И вдруг увидели абхазцы — к ним скачет всадник на вороном коне. Бросился он в бой, нещадно рубя врагов. И вражеское войско, не выдержав, обратилось в бегство...

Абхазские воины двинулись домой. Князь подъехал к ним, желая узнать, кто этот всадник на вороном коне, удивительно похожий на Манчу. Всадник птицей слетел с коня и снял свой шлем перед владельцем князем. Косы, извиваясь, как черные змеи, упали на его плечи, и среди них засияло красотой лицо Баалоу-пха Мадины — достойной жены своего мужа-героя.

Как и свойственно народной легенде, в ней не говорится ни о времени, ни о конкретной битве, происходившей близ сел. Хагуашв в Гагрском проходе («Хагуашв» по-абхазски означает «узкие ворота»). За многие века абхазской истории этих битв не перечислить. Гагрский проход долгое время был воротами между Северным Кавказом и Закавказьем; от того, кто владел им, во многом зависела судьба племен, заселявших в древности территорию Северо-Западного Кавказа. Недаром французский путешественник Дюбуа де Монперэ сравнивал Гагрский проход с знаменитым Фермопильским проходом в Греции.

Среди абхазов о Гагрском проходе до сих пор бытует много героических песен и сказаний. Легенда приводится по сводному тексту, составленному из нескольких вариантов, который помещен в книге Ш. Х. Салакая «Абхазский народный героический эпос» (Тбилиси, 1966).

Как были спасены жители Пицунды?

Однажды, когда враги осадили Пицунду, все мужчины-воины погибли в неравном бою. Женщины, дети и старики укрылись в башне¹, стоявшей в центре селения. Враги сожгли все дома и предложили им сдаться. Но мужественные люди отказались. У осажденных кончились припасы, а водопровод, подававший воду из Бзыби, был перекрыт. Тогда собрались на совет старейшины и решили предпочесть рабству смерть. Матери вместе с детьми стали бросаться на копья врагов, обступивших башню. Но вдруг стая огромных горных орлов (ашэорденов) спустились из-за облаков. Птицы подхватывали детей, женщин и стариков и уносили их высоко в горы, в безопасное место. Потом спасенные орлами жители вернулись в Пицунду, где на старом пепелище снова возродилась жизнь...

Много бурных веков пронеслось над древней Пицундой. Не раз лишь пепел да развалины оставляли завоеватели от этого древнеабхазского поселения. Но проходили годы, и опять на руинах возрождалась жизнь.

Согласно историческим источникам, образование первого поселения на Пицундском мысе относится к последним столетиям до нашей эры, когда выходцами из малоазиатского города Милета здесь была основана колония. Уже в конце II в. до н. э. о ней знали древние греки, называя «Великим Питиусом». Спустя столетие на пицундскую землю пришли римские завоеватели, а в III в. н. э. их сменили северопричерноморские племена готов и варанов. Через десять столетий, в XIII в., здесь стали хозяйничать генуэзцы, основав крупную торговую факторию под названием «Санта-София». С XVI до начала XIX в. Пицунда, как и все северо-восточное Причерноморье, была добычей султанской Турции. Только в 1830 г. по просьбе абхазов Пицунду заняли русские войска, освободив этот богатый край от турецкого ига. О времени турецких завоеваний, о мужестве абхазского народа и его бессмертии и говорится в приведенной выше легенде.

Пицундский храм

Расскажем о споре, который был давно. Но прежде всего спросим: бывали ли вы когда-нибудь на Пицундском мысе? Там стоит древний храм, окруженный прочной каменной оградой. Прекрасен и величествен этот храм. Едва ли найдете ему подобный по прочности и кра-

¹ Остатки упоминаемой здесь башни, по-видимому, и были зафиксированы в 1963 г. сотрудниками Пицундского музея-выставки Г. К. Шамбой и Н. Д. Гочуа.

соте. И если бывали вы в храме, то непременно должны были рассказать вам эту легенду и показать некое углубление в куполе храма, ибо легенда эта говорит об этой отметине, которой уже тысяча лет.

Зодчий и мастер, строивший водопровод на мысе, поспорили, кто скорее выполнит свою работу. Проигравший должен был лишиться себя жизни — броситься с крыши храма.

Поднимался все выше и выше Пицундский храм. И водопровод прокладывался быстро. Однажды встретился зодчий со своим соперником. Тот повел его на свои работы и показал водопровод, который уже был закончен.

Делать нечего, поднялся зодчий на недостроенный купол храма, бросился вниз на камни и разбился насмерть. А на куполе осталась отметина — след его ног, углубление в растворе, которым скрепляли камень.

Достроил Пицундский храм молодой его преемник. И если вы внимательно взгляните, то заметите, где кончил строить старый зодчий и где продолжил молодой. Но красоты не убавилось. Он и по сию пору стоит на Пицундском мысе. Жаль лишь, что погиб зодчий понапрасну и не возвел более на родной земле храма, подобного Пицундскому.

Пицундский трехнефный одноабсидный храм — один из лучших памятников средневекового местного зодчества — был построен в конце X начале XI в. на развалинах древнего города Питиуса. Основание храма сложено из массивных плит серого песчаника, чередующегося с кирпичными рядами. Купол храма также сложен из кирпича. Стены внутри храма были раскрашены в XVI в. Купол, как и весь свод, в свое время покрывался медными листами, которые позже были содраны.

Пицундский храм вплоть до XVII в., когда Абхазия была полностью захвачена турецкими завоевателями, являлся местом службы пицундского абхазского католикоса, власть которого распространялась по всей Западной Грузии. Один из первых пицундских епископов был участником первого Вселенского Никейского церковного собора вблизи Константинополя (современный Стамбул). В 325 г. н. э. он вел службу в храме, выстроенном в IV в. Замечательный мозаичный пол этого храма обнаружен на территории пицундского античного городища. На развалинах этого храма в VI в. Юстиниан I Август (527—565 гг.) построил новый великолепный храм, посвященный св. Софии. Отсюда византийские миссионеры распространяли христианство по всей Абхазии.

Многие путешественники приходили в восхищение при виде Пицундского храма. Известный французский путешественник, автор шеститомного труда «Путешествие вокруг Кавказа» Ф. Дюбуа де Монперэ, посетивший Пицундский мыс в 1834 г., восторженно писал: «Вот я перед лицом одной из самых грандиозных, самых живописных руин, какие я когда-либо знал. Мне говорили об этом здании с восхищением, но

впечатление, которое оно произвело, превзошло мои ожидания — этот стиль благородный и смелый изумляет среди дикой природы Абхазии» (Ф. Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа, т. 1. Сухуми, 1937, стр. 102). Вблизи Пицундского храма стоял в старину священный дуб. Вожди племен давали в его тени торжественную клятву во взаимной верности перед началом каждого военного похода, а по возвращении, в случае удачи, жертвовали на алтарь Пицундского храма оружие и другие ценности.

Храм неоднократно ремонтировался и частично реставрировался.

Кроме приводимого выше, существуют и другие варианты легенды о Пицундском храме. Один из них записан мной со слов краеведа Н. Д. Гочуа в 1968 г. (Н. Д. Гочуа услышал эту легенду от своего отца Дмитрия Гочуа, жившего постоянно в с. Лдзаа и умершего в 1932 г.). В этой легенде говорится, что в Лдзаа (абхазское название Пицунды) два молодых мастера были влюблены в одну девушку. Молодые люди были похожи друг на друга настолько, что девушка порой их не различала. Один был зодчим, строителем храма, другой — строителем водопровода. Они договорились, что тот, кто первым закончит свою работу, станет ее мужем. Победителем оказался строитель водопровода, доставивший в центр Лдзаа ключевую воду. А зодчий с горя бросился вниз с недостроенного купола храма.

Аналогичной этой является и легенда, записанная краеведом Абхазии А. Н. Веденским в 80-х годах XIX в., которую приводит А. Н. Дьячков-Тарасов (А. Н. Дьячков-Тарасов. Гагры и их окрестности. «Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества», т. XXIV, вып. 1. Тифлис, 1904, стр. 58). Публикуемый вариант легенды записан в 1960 г. со слов старожилов с. Лдзаа Гагрского р-на.

О пицундской стене

Посмотрите на ограду Пицундского храма. Она сложена будто втройях, будто ее строителям отпущено было времени в обрез, возвели они стену в считанные дни...

А так и было. Нахлынули тогда на землю нашу завоеватели-иноверцы, все круша на своем пути. Как полчища саранчи оставляют за собой только тлен и пустошь, так и разбойные пришельцы расправлялись со священной землей Апсны. Стоял стон великий на земле, и герои падали, пораженные насмерть тучею неприятельских стрел. Что могли они сделать против великого множества захватчиков!

Храму на Пицунде грозило разорение, ибо не был защищен храм ничем, кроме патриаршего благословения. Тогда обратился патриарх ко всему народу, призвал спасти он великую святыню на Пицунде. И прислушался народ к его голосу. Тысячи и тысячи собрались тог-

да у здания храма. Только стена высотой в пятьдесят локтей может спасти храм. Но неприятель уже близко. «Торопитесь. Пусть каждый положит вокруг храма один камень — и будет в стене десять тысяч камней. Пусть каждый положит по пять камней — и не взять врагу святыни!» — провозгласил патриарх, и закипела работа. С гор понесли люди к храму громадные валуны, камни с разрушенных городов везли издалека люди на повозках и несли на руках. Когда народ принялся возводить стену, едва вставало солнце. А в лучах заходящего солнца все увидели стену воздвигнутую собственными руками. Люди сами не верили сотворенному ими чуду, думали, что само провидение помогло им. И когда подошел враг к Пицунде, он был изумлен, ибо только утром еще доносили лазутчики, что беззащитен храм. А сейчас громадная стена окружила святыню, и была она непреступна.

Пицундский храм обнесен мощной крепостной стеной, построенной позже, чем храм, очевидно, в позднее средневековье. Материал для сооружения крепостной стены в основном добывался из развалин древнего города, расположенного вблизи.

Об этом утверждает археолог П. Уварова, впервые упоминающая легенду о пицундской стене. Вот что она пишет: «В ограде вы же найдете в ней булыжники, и глыбы тесаного конгломерата, и греческую черепицу, и кирпич, и обломки мрамора. Может быть, из тех же развалин происходят три мраморные зеленоватые колонны, приделанные к звоннице, две пестрые, более драгоценные мраморные колонны, которые находим в дверях водопроводной часовенки, и та ионическая капитель из белого мрамора, которую нам удалось разыскать в куче обломков, лежащих на дворе» (П. Уварова. Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия, ч. II. М., 1891, стр. 124).

В 1830 г. русский военный гарнизон, обосновавшийся в Пицунде, укрепил крепостные стены, пристроив к ним в северо-восточной и юго-западной частях обширные бастионы.

Легенда записана в 1958 г. в с. Лдзаа со слов старожил.

*

Падение Анакопии

И сейчас неприступной кажется Анакопийская крепость, а когда-то она была вовсе непобедимой. Только однажды хитрость и вероломство нанесли поражение ее защитникам. Случилось это очень давно, во время царствования Баграта.

В смутное время правил царь Баграт. Неприятель тревожил его земли. И жил народ очень бедно, и оттого было среди народа большое волнение. А у Баграта был брат, который страшно завидовал своему венценосному родственнику. Зависть и повела его по пути преда-

тельства. Через мать свою, вероломную царицу, договорился он с греками¹. И однажды пристали греческие корабли к земле Аpsны, и под покровом ночи, не встретив сопротивления, вошли в крепость неприятельские воины. Но один лишь день владели они крепостью. Убоялся Дмитрий гнева брата своего, бежал в Константинополь, взяв с собой многие богатства и племянницу начальника крепости Анакопей-ипха. Минуло пять или десять лет, прошел по земле Аpsны слух, что хочет возвратиться на родину Анакопей-ипха и что везет она дяде своему подарки, ибо вышла замуж за богатого купца и владеет несметными сокровищами. Радостью наполнились сердца жителей Анакопии, когда увидели десять кораблей, что привезли Анакопей-ипха и подарки. Встретил народ ее с великими почестями. И был большой праздник с пирами и военными играми в тот день.

А под вечер, когда солнце окунулось в море, повелела Анакопей-ипха снять с кораблей подарки и перевезти их в крепость. На каждой арбе было по два громадных сундука. Сундуки эти складывали у высокой башни. Пообещала Анакопей-ипха народу, что завтра будут розданы подарки. И разошелся народ по своим домам.

Наступила ночь, все заснуло. Не спит лишь Анакопей-ипха и ее верные слуги: готовятся они завершить коварный план, который внушил им хитрый брат Баграта.

И вот уже пробираются они под покровом ночи к башне, где лежат сундуки с подарками, и вскрывают их. А в каждом сундуке по два вооруженных воина; встают воины, берут в руки мечи и факелы. И вот их уже легион. Огласилась тогда крепость анакопийская боевыми криками, началась тут великая резня. Крепость была захвачена всего за один час.

Долгие годы была она под властью византийцев, пока ее не освободили абхазские и грузинские воины, изгнав вероломных чужеземцев и предателей с родной земли.

Анакопия — древнее абхазское поселение, находившееся на территории современного Нового Афона, на южном склоне Иверской горы. Возникновение его археологи относят к III тысячелетию до н. э. В начале нашей эры там была возведена крепость, остатки которой сохранились и поныне.

В IV в. Анакопия представляла собой крупнейший опорный пункт Абазгии в борьбе с чужеземными нашествиями. В 736—738 гг. она выдержала длительную осаду арабов. В дальнейшем Анакопия сделалась резиденцией абхазских правителей и в древнегрузинской летописи VIII в. именуется «главной крепостью Абхазии». При владетеле Леоне II (конец VIII в.) Анакопия стала столицей Абхазского царства и оставалась ею вплоть до перенесения царской, резиденции в Кутаиси. События, о которых повествуется в легенде, не отмечены в историче-

¹ Многие абхазские сказители византийцев называют греками.

ских памятниках. Тем не менее хронологически их можно отнести к XI в. — времени правления грузинского царя Баграта IV (1027—1072 гг.), когда Абхазия входила в состав объединенного грузинского государства на правах княжества.

Начало его царствования ознаменовали смуты и войны. Младший брат Баграта IV по отцу — Дмитрий — поднял восстание и завладел Анакопией. Но вскоре, опасаясь гнева своего старшего брата, он бежал в Константинополь, а крепость сдал византийским войскам. Последние находились в Анакопии сорок с лишним лет (1032—1073 гг.). Византийцы восстановили храм, построили несколько сооружений, о чем свидетельствуют надписи на греческом языке, обнаруженные в Новом Афоне в конце XIX в. Освобожденная от византийцев крепость была действующей и при Георгии II, сыне и преемнике Баграта IV.

Легенда о падении Анакопийской крепости содержит моменты, явно напоминающие широко известное предание о троянском коне. К этой легенде близко примыкает и древнеегипетское сказание о хитроумном полководце Джхути, которое находится в египетском папирусе Гарриса 500, хранящемся в Британском музее в Лондоне. Египетский военачальник фараона Тутмоса (1501—1447 гг. до н. э.) — Джхути, осаждавший крепость Ионна (современная Яффа), решил взять ее хитростью: он принес в дар осажденной крепости и князю Ионны 200 огромных закрытых корзин, в каждой из которых находился воин в полном боевом облачении, снабженный колодкой для пленения населения города. Когда все корзины были внесены в крепость, воины полководца Джхути вышли из корзин и напали на ее гарнизон и мирных жителей («Фараон Хуфу и чародей». Сост. и перев. с древнеегипетского И. С. Кацнельсон. М., 1958, стр. 76—80). Так была взята крепость Ионна, и так было пленено ее население. Сходство обоих преданий бросается в глаза.

В какой-то степени события, происходившие в Анакопии в XI в., сохранились в народе в виде легенды о Дмитрие и Анакопей-ипха — племяннице начальника крепости. Один из вариантов этой легенды записан в 1957 г. во время исследования Анакопийской крепости со слов ее хранителя В. С. Коруа — одного из старейших сказителей Абхазии. Он относится к более позднему времени и приписывает вероломный захват Анакопии турецким янычарам.

В легенде говорится, что Накопия-ипха была знатной женщиной, жила она в Стамбуле и, путешествуя по Черному морю, побывала в Анакопии. Ей здесь очень понравилось, и она просила абхазского князя — владельца крепости — разрешить ей приехать снова и погостить подольше. Князь с радостью согласился. Через некоторое время Накопия-ипха прибыла на корабле со своими вещами в больших ящиках, которые привезли в Анакопию. Абхазский князь устроил в честь гостя большой пир. Когда все опьянели, из ящиков вышли воины, перебили абхазов и завладели крепостью, которую позже назвали Накопия.

Публикуемый вариант легенды записан в 1958 г. в с. Анухва Гудаутского р-на от сказителя Кансоуа Таркила.

Сейчас только развалины там видны. Примостились они по обеим сторонам р. Бзыби. А когда-то были на том и другом берегу неприступные крепости — Бзыбская и Калдахварская, и не мог враг одолеть их. Жили в этих крепостях сильные и смелые люди. Жили они в мире и согласии, поклявшись не поднимать меча друг на друга. А чтоб прочней был мир, договорились они и трапезы в одно и то же время справлять, и молиться по общему сигналу, и выходить одновременно в поле или на пастбище. Перекинули они длинные лианы через Бзыбь и подавали сигналы друг другу, дергая за эти лианы условленное число раз. И не было меж ними раздоров — ничто другое не объединяет так людей, как жизнь и работа сообща.

Но в то далекое время добро бродило рука об руку со злом. Услышали враги-завистники, что живут соседи в мире и согласии и тем сильны, и решили посеять раздор между ними. Долгое время думали, как бы это сделать. И придумали. Стали враги дергать лианы, что перекинуты были через реку, в неурочное время. Теперь уже жители крепостей не могли сообща работать, справляли трапезу, когда придется, и молились вразнобой. И накопело зло у соседа на соседа. Стали они попусту ссориться между собой, а потом дело дошло и до открытой вражды. Прежде бывшие братьями, они пошли воевать друг против друга. Забыли они и о поле, и о пастбище. Одна мысль была у них — убить своего соседа.

Некогда могущественные крепости из-за раздоров потеряли всю свою силу. Чужеземец теперь легко мог завоевать и разрушить их. Так оно и случилось. Посмотрите, нет больше Бзыбской крепости — одни развалины остались.

Бзыбская крепость была построена на узле трех древних дорог, шедших на запад, восток и север к перевалу, из Абхазии на Северный Кавказ. Таким образом, она контролировала дорогу, защищая страну со стороны моря и со стороны гор. Крепость была возведена на возвышенности на правом берегу р. Бзыбь по дороге к оз. Рица. В позднесредневековый период крепость принадлежала князьям Инал-ипа и являлась одним из основных ремесленных центров Абхазии. Вокруг нее располагались хутора потомственных кузнецов из рода Кутарба.

По данным абхазского искусствоведа А. Каца, изучающего Бзыбский архитектурный комплекс, река в прошлом, видимо, вплотную подходила к пригорку и омывала его, на что указывает проточенный водой крутой склон. Это диктовало неизбежность прохождения древней дороги через пригорок, по естественной ложине, разрезавшей его поперек. Выбор места, которое доминировало над окрестностью и контролировало пути сообщения и выход из ущелья, придавал крепости важное военно-стратегическое значение.

В плановых очертаниях крепость делится на три зоны. Южная, с остатками светских сооружений, окруженная мощной стеной с башнями, является цитаделью, в которой стоял гарнизон. Верхняя, северная сторона ее, тоже окруженная стеной с самостоятельным укрепленным входом, является церковным подворьем, в центре ее возвышается крестово-купольный трехабсидный храм. Средняя зона, через которую проходила дорога, выполняла различные хозяйственные функции, служила пропускным пунктом и торговым двором, стоянкой обозов и т. д. В западной и восточной ее частях были главные ворота крепости. К югу от цитадели самостоятельно стоит башня, служившая дозорной.

По данным предварительного исследования, крепостной комплекс на р. Бзыбь сооружался в различное время. Цитадель является наиболее древней. Остальная часть сооружена в IX—X вв. — в период расцвета Абхазского царства. В XI—XII вв. на территории крепости был построен крестово-купольный храм, по размеру превосходящий обычные крепостные церкви. Не исключено, что наиболее древние фрагменты крепости относятся к античному периоду, когда она могла служить охраняемым форпостом Питиунта. Исследования, которые ведутся в настоящее время, позволят уточнить существующую гипотезу.

Калдахварская крепость, находящаяся на противоположном берегу, представляет собой крепостное сооружение совершенно иного типа — массивные стены с далеко выступающими контрфорсами, круглыми в плане. Площадь ее невелика — около 500 кв. м. Судя по керамическому материалу, ее строительство и основное время функционирования относятся к VIII—IX вв., т. е. совпадают со временем расцвета Бзыбской крепости. Обе крепости прекрасно взаимно просматриваются. Расстояние между ними через реку по прямой линии вряд ли превышает один километр.

Легенда записана в 1955 г. от жителя с. Бзыбь Гагрского р-на Тшкола Кенджария (90 лет).

Лыхненский дворец

Владетелем с. Лыхны в далекие времена был князь Чачба. Решил он построить дворец невиданных размеров. Уложили фундамент и стали класть стены. Но никак не шла работа: разрушаются стены, словно земля трясется под ними. Позвал князь самых лучших мастеров, повелел им сложить стены вновь и трижды прочнее прежних. День и ночь трудились мастера, но все напрасно; первый же ливень размывал стены и башни.

Совсем опечалился князь. Сгоряча велел казнить мастеров. Созвал на совет старейшин. Поднялся с места древний старик и сказал:

— Ведаю, как построить дворец: нужна жертва великая — человеческая...

Выслушал князь старца и велел отобрать из простого народа самых красивых юношу и девушку.

Дали им еды на неделю. А потом князь приказал замуровать их в дворцовую стену, ибо только так, по словам старца, можно было сделать дворец неприступным. Замуровали обоих и возвели новый дворец. И никто из врагов не мог его взять.

До сих пор стонут стены старинного дворца. Конечно, это сказка, а только в ней есть и правда. Стонут не стены — память наша стонет, когда вспоминаем, как жилось народу в старые времена при жестоких князьях.

Княжеский дворец, расположенный в с. Лыхны на поляне, издревле называемой абхазами Лыхнаштой (Лыхненская поляна), был построен в XV в. рядом с замечательным архитектурным памятником X в. — Лыхненским храмом. Дворец был одной из резиденций владетельных князей Чачба (Шервашидзе), которые правили в Абхазии с XIII вплоть до второй половины XIX в.

Здание дворца возводилось в два этажа: первый этаж использовался для хозяйственных нужд, второй как жилые помещения. Стены сложены из местного камня, скрепленного известковым раствором. Главный вход во дворец расположен в западном фасаде. Почти вплотную к дворцу примыкает сооружение более раннего времени, напоминающее сторожевую башню. Исторических свидетельств, связанных со строительством дворца, не сохранилось. Легенда записана в с. Лыхны в 1959 г. со слов известного сказителя, 120-летнего Антона Пилиа, бывшего участника этнографического хора долгожителей.

Существует и другой вариант этой легенды, записанный профессором Г. Ф. Чурсиным в Бзыбской Абхазии в 1928 г.

«Когда строился Лыхненский дворец, дело долго не шло на лад. Начатые кладкой стены каждый день разваливались. Владетельный князь Абхазии обратился за советом к знахарке, и та объявила, что, пока князь не распорядится зарыть в фундамент в качестве жертвы божеству двух живых людей, дворец построить не удастся. Князь выполнил этот совет, и в фундамент здания были замурованы брат и сестра — рабы князя. С ними была замурована огромная корзина с одеждой и провизией на две недели. После этого дворец был построен. Рассказывают, что в течение двух недель из-под земли доносились стоны и вопли зарытых заживо несчастных» (Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957, стр. 105).

Подобного рода предания имеют хождения и у других народов Кавказа. У грузин, например, такое же предание связывается с постройкой Сурамской крепости. Сюжет его лег в основу повести грузинского писателя XIX в. Даниэла Чонкадзе «Сурамская крепость».

В далекие времена пришли из-за моря на нашу землю чужестранцы. Они жгли города и угоняли в рабство людей. Казалось, не быть больше священной земле Апсны, погибнет славный народ абхазов. Заполнили чужеземцы все побережье. Только горстка храбрецов-абхазов сражалась еще и совершала набеги на завоевателей с предгорий Кавказа. Они поклялись освободить родную землю, решимость их вселяла в слабых духом уверенность в победе. Решили храбрецы и примкнувшие к ним воины повергнутых абхазских отрядов напасть на армию завоевателей с глубокого тыла. Но для этого нужно было построить мост через ущелье. А под рукой был только камень с горных круч да песок. И тогда прошел по земле Апсны клич: каждый, кому дорога свобода, пусть даст гоцам куриное яйцо. Удивлялся народ, никто из них догадаться не мог, как куриное яйцо сможет принести долгожданное освобождение. За один день и ночь было собрано 40 тыс. яиц. Опытные мастера приготовили замес из песка и яиц, построили за одну ночь мост, а когда прошло еще три дня, горстка храбрецов ударила с тыла по завоевателям. Враг был сброшен в море. Обрела земля Апсны и люди этой священной земли свободу и радость.

Беслетский арочный мост, сохранившийся из глубокой древности в почти нетронutom временем виде, находится в 6 км от Сухуми, в начале живописного ущелья, где протекает р. Басла (Баслата, Беслетка).

Беслетский мост является единственным древним сооружением абхазцев подобного рода, дошедшим в хорошей сохранности до нашего времени. Он по праву считается замечательным произведением строительного искусства средневековой Грузии. Свод моста, представляющего однопролетную каменную арку длиной в 13 м, сложен из квадратных плит известняка. Камни свода обтесаны в форме клингов и скреплены очень прочным изветковым раствором (как известно, древние строители гасили известь для сооружения в течение 3—5 лет). Общая длина моста с устоями 35 м, ширина — 4,7 м. Грузоподъемность его и сейчас достигает 8 т. На боковой грани моста на тесаных плитах вырезана надпись древнегрузинскими заглавными буквами «асомтаврული», которая гласит: «Христос владыка, всячески возвеличь в обеих жизнях...» (А. Рчеулишвили и Н. Чубинашвили. Беслетский мост. «Материальные культуры эпохи Шота Руставели». Тбилиси, 1938, стр. 257). Это надпись, относящаяся по палеографическим признакам к XI—XII вв., видимо, посвящена либо какому-то местному владельцу, либо строителю моста.

В нижней части левобережного устоя моста сохранилось изображение креста и буквы «Т» («т» и «у»). Надпись и изображения креста опровергают некогда бытовавшее мнение о постройке моста генуэзцами или венецианцами.

В старину здесь проходила важная дорога в горные долины, и мост имел большое военно-стратегическое значение. Вблизи моста и сейчас имеются развалины боевых башен, защищавших от нападения противника мост и вход в ущелье.

Существует и другое предание связанное с пребыванием в Абхазии грузинской царицы Тамары (1184—1213), которая якобы много раз проходила по этому мосту со своей свитой и любовалась на живописные окрестности.

Упоминанием в легенде сбора яиц по всей Абхазии народ стремился объяснить необычайную прочность моста. Как известно, яичный белок обладает высокими скрепляющими свойствами. Раствор, на котором сложен мост, хотя и не имел примеси яичного белка, но тем не менее действительно поразительно прочен, вот уже 800 лет сохраняя мост целым и невредимым.

Легенда записана в 1964 г. от жителя с. Багмарани Камугвы Харазия (84 г.).

Тайна пещерного замка

Когда-то стоял в ущелье монастырь, богаты были его земли, они приносили обитателям его громадный доход. Но частые набеги разбойников и пришельцев из-за моря опустошили монастырскую казну. И тогда задумали служители монастыря выстроить тайное хранилище для своих богатств, и выбрали они местом строительства неприступную скалу, к коей шла лишь звериная тропа. Полгода носили они грубые неотесанные плиты. Наконец, в нише тайной пещеры возвели они подобие замка. Теперь уже не страшны были никакие набеги, ибо монахи, заслышав о приближении врага, переносили все золото, серебро и всю утварь в замок. Возвращаясь же из замка, они заваливали звериную тропу колючим кустарником, stalkивали с высокой кручи камни. Хранили они столетиями тайну тропы, потому и был пещерный замок неприступен для врага.

В этой легенде речь идет о Келасурском пещерном замке, находящемся в начале живописной долины р. Келасури в 15 км от Сухуми. Замок расположен на небольшой площадке над крутым обрывом, примерно в 50 м над уровнем моря. Высота сохранившейся части стен с оконными проемами доходит до 7 м. Замок был сложен из грубо отесанных известняковых плит на известковом растворе. В средневековье этот замок был связан узкой тропинкой с монастырем, обнесенным каменной оградой. Неподалеку от развалин монастыря и замка на левом берегу р. Келасури имеется система келасурских карстовых пещер.

Аналогичные пещерные замки находятся также в скалистых откосах

ущелья р. Беслетки за Беслетским мостом, на Кодоре в районе с. Наа, в верховьях р. Хипсты и у истоков р. Мчишты.

Последний замок расположен на отвесной скале вблизи от чернореченского форелевого хозяйства. В несколько этажей протянулись естественные пещеры, выходы из которых застроены стенками с окнами и проходами. Проникнуть в верхние этажи замка невозможно без специального снаряжения. Много легенд связано с этими таинственными пещерами. Так, в одной из них рассказывается, что в старину в замке жили монахи-аскеты, редко общавшиеся даже с соседними жителями. Позже в нем якобы поселились разбойники. Во всяком случае тайна этих пещерных замков не разгадана до конца.

Публикуемая легенда записана в 1963 г. от жителя с. Багмарани Камугвы Харазия.

*

Легенды о Великой Абхазской стене

1

Владетель Абхазии, имени его теперь никто не помнит, устал от многих войн, которые не давали отдыха земле Апсны. Он велел собрать лучших зодчих, которых только знала Абхазия. Когда они пришли в его прекрасный дворец, он сказал им такие слова:

— Будет век благодарен наш народ тому из вас, кто построит стену, которую бы солнце обходило ровно по кругу — от Ингура до Келасури. И чтоб всадник объезжал эту стену за пять дней, но человеческое слово облетело бы ее со скоростью стрелы... Кто возьмет на себя труд такой, ответьте? Неделю думали зодчие над словами владетеля и ничего не могли придумать. Тогда пришел к нему один молодой пастух, поклонился ему низко и говорит:

— Стройте стену так, чтобы горы были у нас за спиной, полукругом от Ингури до Келасури. Будем защищены мы с моря, а с севера никто на нас не пойдет — там горы. Всадник объедет эту землю за пять дней. А чтоб человеческое слово облетело ее со скоростью стрелы, возведите 2000 башен. А когда возведете башни, поставьте на каждую по воину. От башни к башне, от начала стены нашей до конца ее полетит весть добрая или злая со скоростью стрелы...

Обрадовался владетель. Велел наградить смышленного юношу всем, чего пожелает. Но отказался пастух от подарков, ибо дороже всего на свете была для него его земля.

2

Абхазскую стену возводили в два этажа. Начал ее строить царь абхазов. Однако он вскоре умер, но перед смертью взял слово у жены, что она закончит начатое им дело. Однако по тогдашним законам женщи-

на не имела права управлять страной. Но на ее счастье она была лицом похожа на мужа. Она переоделась в его одежду, и народ не узнал о смерти царя. Стена была достроена. Когда все было закончено, царица ушла в монастырь.

На берегу моря, в 5 км от Сухуми, на левом берегу р. Келасури у ее устья высятся остатки огромной прямоугольной башни, которая сложена из окатанных валунов, связанных известковым раствором.

Если подняться на Келасурскую башню, то сквозь бойницы второго яруса на севере в зелени плюща видна вторая такая же башня, а еще дальше, у с. Багмарани, — небольшая крепость, и тоже с двумя башнями, чьи бойницы направлены вниз, в долину р. Келасури. Это и есть начало той стены, о которой шла речь.

Абхазская стена начинается у моря, идет на север по левому берегу р. Келасури через с. Багмарани, затем сворачивает на восток, переваливает через невысокий хребет и спускается по течению р. Маджарки вниз. Здесь в Цебельдинском ущелье стоят еще две четырехугольные башни из таких же окатанных валунов с тремя рядами бойниц. Башни стоят близко друг от друга, господствуя над проходами и дорогой, которая вьется вдоль подножия.

По Цебельдинскому ущелью, где проходит живописная Военно-Сухумская дорога, башни стоят особенно плотно — на расстоянии выстрела из лука. Остатки укреплений возвышаются на всех высотах, господствующих над местностью, на всех холмах и скалах, нависающих над дорогами, откуда можно было ждать вторжения неприятеля: у р. Кодор, где сходятся пути, ведущие в Цебельду и Мерхеули, у Багадского моста через Башникуару, через который до сих пор гонят весной стада на летние пастбища, в ущелье Ерслым, которое является до сих пор единственным началом перевальной дороги через Панаюский хребет, — везде мы находим следы единой линии укреплений. Особенно много башен сохранилось в районе Швын-Икиапта, где на протяжении 5—6 км сконцентрировано более 50 таких маленьких крепостей, связанных между собой остатками стены полуметровой толщины. По ущелью р. Ульс проходит узловая дорога, где сходятся все пути от р. Моквы до р. Ингури. Местами башни стоят на расстоянии 30—35 м друг от друга.

Можно только поражаться грандиозному замыслу строителей, той стратегической точности, при которой максимально используются все естественные оборонительные рубежи — рельеф местности, теснины, господствующие высоты, направление дорог.

У самого входа в ущелье Джиху, на высокой конусообразной скале расположена крепость Джиху — один из опорных пунктов средневековой линии обороны. Скала, на которой возвышается крепость, словно руками титанов оторвана от всего скального массива хребта, расположенного к северу от нее. Между ними по глубокой и узкой теснине вьется подгорная дорога и перевальный путь. На вершину этой неприступной скалы можно подняться лишь по узенькой тропинке, которая

легла зигзагами по юго-западному склону. Здесь был вход в крепость, защищенный двумя башнями.

Со скалистых высот Джиху открывается широкий вид на равнину вплоть до берега моря, на соседние башни и крепость Речу, на Бедийский храм, построенный в XI в. грузинским царем Багратом III и его матерью Гурандухтой — сестрой последнего абхазского царя Феодосия...

И снова башни, и снова остатки стен и крепостей, ведущих дальше, вплоть до правого берега полководной Ингури. По последним данным, количество сохранившихся башен достигает почти трехсот! Каждая из них представляет собой маленькую крепость. Судя по сохранившимся остаткам, крепости достигала 8—12 м в высоту, имели два или три ряда бойниц, направленных на самые опасные и уязвимые участки. Общая протяженность стены достигала более 100 км.

Башни были расположены так, что с них простреливалась вся полоса на расстоянии полета стрелы. Защитники одной башни могли переговариваться с защитниками другой, передавать сообщения, почему в народных преданиях и сохранилась память о том, что вести от Ингури до Келасури неслись «со скоростью стрелы».

Что представляла собой Великая Абхазская стена? Когда и для чего она была построена?

Наиболее распространенным является мнение, согласно которому стена была выстроена по приказу Юстиниана в 30-х годах VI в., когда здесь создавался мощный опорный пункт для защиты от вторжения со стороны Северного Кавказа. По мнению других ученых, стена была построена в позднем средневековье. Возможно, что стена достраивалась и укреплялась в разное время, начиная от античного времени вплоть до позднего средневековья.

Но о дальнейшей истории Великой Абхазской стены сведений сохранилось очень мало. Известно только, что арабский полководец Мураван-Кру ибн Мухаммед («Глухой») вторгся в 40-х годах VIII в. на территорию Лазики, частично разрушив Келасурскую стену. После разгрома арабов при Анакопии грузинский царь Арчил передал абхазскому правителю Леону I в благодарность за помощь часть келасурских укреплений.

*

Крепость Чиркс-Абаа

С Чхалтинской крепостью, или, как ее еще называют, крепостью Чиркс-Абаа, связана следующая занимательная легенда.

В старину в Дальском ущелье жил отважный охотник. Гонимый за дикими зверями, попал он в Кубанскую область. Здесь первое гостеприимство ему было оказано одним князем, дочь которого славилась своей красотой на всем Северном Кавказе. Своими увлекательными рассказами, красивой наружностью молодой пришелец сразу пленил девичье сердце. Молодые люди так пришли друг другу по душе, что

через несколько дней поклялись в любви до гроба, решив во что бы то ни стало соединиться браком. Формальное предложение охотника было отвергнуто отцом красавицы. Своевольный старик назвал молодого человека гулякой и бездельником... Получив отказ, молодые влюбленные сговорились бежать в Абхазию. Чтобы отвести всякие подозрения, охотник должен был немедленно оставить дом отца возлюбленной, а через три дня встретить ее на границе Кубанской области, вблизи Дальского ущелья. Сказано — сделано. Наш охотник, собрав лучших наездников, послал их вперед для встречи своей невесты, а сам стал ждать в условленном месте.

В темную ночь невеста выехала из родительского дома на лучшем коне своего отца и, увидев поблизости поджидавших всадников, поехала к ним. Уже совсем немного оставалось до того места, где смелую беглянку с биением сердца ожидал ее жених. Но тут случилось нечто ужасное и непредвиденное. Совершенно неожиданно в этих местах оказался брат красавицы, который возвращался домой со своей многочисленной свитой. Завидя мчавшихся всадников во главе со своей сестрой, брат приказал сопровождавшим его людям перерезать дорогу беглецам и силой задержать их. Во избежание кровопролития сестра во всем призналась брату и объяснила причину своего бегства из родительского дома. «Позорить отца я никому не позволю», — заявил брат и приказал сестре вернуться домой, а на сопровождавших ее всадников бросился с саблей, приказывая своей свите не щадить никого. Началась жестокая резня. С обеих сторон пало много людей, из свиты красавицы не осталось никого в живых. Девушка вначале точно остолбенела от вида кровавой схватки, но потом все же пришла в себя и, погнав проклятия брату, поскакала вперед, надеясь встретить жениха. В своих надеждах она не обманулась. Но брат не отставал от нее. Около р. Чхалты он несколькими меткими выстрелами уложил лошадей возлюбленных.

Жених, быть может, и сумел бы скрыться от преследователей, так как в перестрелке смертельно ранил брата невесты и убил трех всадников из его свиты, но к месту кровавого побоища подоспел отец беглянки. Не долго думая, жених схватил свою невесту и вместе с нею бросился в р. Чхалту. Будучи отличным пловцом, он с драгоценной ношей сумел перебраться на другой берег. До стен Чхалтинской крепости оставалось всего несколько шагов. С невероятными усилиями взбирались они на крутую гору, чтобы спастись от выстрелов разгневанного отца.

Наконец, достигли они крепостных ворот. Но тут пуля нанесла жениху смертельную рану. Девушка вскрикнула и послала проклятие собственному отцу. Молодая пара укрылась в крепости. Нежно обнимая умирающего возлюбленного, несчастная девушка страстными поцелуями пыталась вернуть его к жизни. Отец же со своими людьми окружил убежище беглецов и стал грозно требовать, чтобы они сдались. Наступило утро, жениху как будто стало лучше. Он успокаивал бедную де-

вушку, но чувствовал, что силы ему изменяют. Он говорил любимой: обнимем друг друга в последний раз и бросимся в волны Кодора и Чхалты. На глазах у разъяренного отца они бросились с высоты Чхалтинской крепости в бурные воды Кодора и Чхалты. В объятиях друг друга они долго еще носились по волнам двух бешеных рек, пока не исчезли навсегда в пучине.

В 20 км от с. Лахты в долине р. Кодор, где в нее впадает Чхалта, издали виден скалистый утес. Его вершина густо заросла лесом. На утесе видны развалины раннесредневековой крепости Чиркс-Абаа. Она располагалась на трех небольших площадках, омываемых водами сливавшихся здесь рек. По углам площадок видны сохранившиеся остатки боевых башен, соединенных крепостной стеной. В центре крепости находятся развалины центральной башни и некоторых строений. Местоположение крепости делало ее почти неприступной.

Текст легенды приводится по записи К. Мачавариани («Семь дней в горах Абхазии». Батуми, 1906). Существует и другой вариант ее, записанный в 1966 г. в пос. Коапчара, Гульрипшского р-на от столетнего сказителя Кискинджа Гогуга.

О великом зодчем

Рассказывают, что когда задумал абхазский царь Леон возвести собор близ Очамчире, где сливаются реки Моква и Дваб, созвал он лучших мастеров-строителей со всей абхазской земли. Пригласил еще и заморских зодчих. Сулил царь каждому из них несметные богатства, если сумеют угодить царю.

А угодить действительно было трудно. Царь Леон хотел, чтобы собор был строен, красив и необычен по форме. Чтобы были видны с главного купола храма все соборы священной земли Апсны... Слушали великие мастера-зодчие царя, качали головами: не построить такого собора. И уходили один за другим с царского двора, ибо знали, что если возмутся они за дело и не выполнят его, то не сносить им головы. Жесток и суров был царь Леон.

Но нашелся все-таки один зодчий. Смелый это был человек. Решил он рискнуть и принять царские условия. Закипела работа на высокой островке, где сливаются реки Моква и Дваб. Месяц минул, полгода прошло, стал подниматься в высь голубую Моквский собор. Не мог народ на него налюбоваться — так он был красив и строен, словно не из камня складывали его, а из теплых ветров, пряных запахов и морской пены...

Вот уже покрывают чистым золотом купол и на тысячу локтей вверх поднимают крест, какого никогда никто не видел; решил царь Леон посмотреть, выполнил ли его царские условия смелый зодчий. Приехал царь Леон к собору со свитой в тысячу человек. И привезены были

туда сундуки с золотом и серебром — обещанная зодчему награда. Но лукав был Леон. Осмотрел он собор — все понравилось ему. Поднялся потом он на главный купол посмотреть, видны ли храмы священной Апсны с высоты Моквского собора. Спустился мрачный, ни на кого не смотрит, гневается. «Не выполнил ты моего одного условия, — говорит зодчему. — Не видно с высоты собора всех храмов Апсны».

Опечалился зодчий, но решил все же проверить сказанное царем. Полез и по приставленной лестнице на самую маковку, что была в тысяче локтей от земли. Когда зодчий достиг маковки, повелел царь убрать приставную лестницу, ибо жаль было ему золота и серебра для зодчего и не хотел царь, чтобы построен было на свете что-нибудь подобное прекрасному Моквскому собору.

Так и умер зодчий голодной смертью на куполе храма. Прах его был развеян ветрами по земле Апсны, а где коснулся он земли — растут и поныне красивые розы.

Эта легенда в известной степени подтверждается историческими данными. Строительство Моквского собора, которому в 1968 г. исполнилось тысяча лет, относится к царствованию абхазского царя Леона III — периоду, отмеченному расцветом культуры и усиленным строительством культовых и светских сооружений в Абхазии и во всей Грузии.

Моквский собор принадлежит к числу выдающихся памятников архитектуры Кавказа. По мнению ряда исследователей, он послужил образцом для Софийского собора в Киеве и Спасско-Преображенского собора в Чернигове (К. Н. Афанасьев. Собор в Мокве и архитектура Киевской Руси. «Памятники культуры и туризм. Материалы объединенного пленума (г. Сухуми, 14—18 сентября 1968 г.)». М., 1968, стр. 49—50).

По поводу основания Моквского собора древнегрузинский источник «Картлис Цховреба» («Жизнь Грузии») сообщает следующее: «Вернувшись в Абхазию, Леон стал владеть вотчиной своей и царством. И возвеличил господь царство его по примеру отца его Леона... Воздвиг он церковь Мокву и основал в храме епископат, освятил его» («Картлис Цховреба», т. 1. Тбилиси, 1955, стр. 270 (на груз. яз.)).

В прошлом Моквский собор поражал богатством внутренней и внешней отделки. Стены украшала необычная фресковая роспись. Великолепен был мраморный иконостас с колоннами, превосходны резные карнизы. В центре мраморного пола был выложен круг из красного мрамора и узор в виде расходящихся лучей. Внутри собора находилось много ценной церковной утвари и икон, особенно интересна икона «Успения богородицы».

Разумеется, тысячелетняя история собора не прошла для него бесследно. Ремонтировали его неоднократно. Разбитый мраморный пол был заново покрыт каменными плитами, были разрушены портики самого храма, а в конце XIX в. живопись была забелена. Несмотря на разрушения и некоторые переделки, этот пятинефный однокуполь-

ный храм, ставший, согласно легенде, спальней Леона III, в XIX в. превратился в место погребения владетельных князей Абхазии. И сейчас после ремонтно-реставрационных работ этот собор покоряет своей необычной красотой.

Легенда о строительстве собора записана в 1955 г. в с. Моква от сказителя Нестора Бигвавы.

*

Нартская крепость

Некогда на юго-востоке Абхазии стояла могучая крепость — обиталище нарта Нарчхоу. Никто из врагов не осмеливался посягать на нее. Даже сейчас, спустя много веков, это место неприступно, а тогда, глядя на мощную стену и угрюмые башни, каждый понимал, что это обитель великана.

Суров с друзьями и безжалостен к врагам был нарт Нарчхоу. Но с женой он всегда был нежен и ласков. Она жила недалеко, в крепости посёлка Гарухы-Акыт.

Нарчхоу часто ходил к ней, она — к нему, и они нежно любили друг друга.

Между крепостями был протянут железный канат, и когда кто-то из супругов хотел видеть другого, он дергал за этот канат. Так они сообщали друг другу о встрече для совершения трапезы.

Шло время, и были счастливы Нарчхоу с женой.

Но однажды жена не отозвалась на сигнал Нарчхоу. Она проголодалась раньше времени, а потом, поев, задремала. Договор супругов был нарушен, и страшно разгневался нарт Нарчхоу. В ярости он взбежал на холм за крепостной стеной, схватил огромный камень и метнул его в крепость, где жила его жена. К счастью, камень пролетел мимо и упал недалеко от крепости Гарухы-Акыт. Он лежит там и сейчас. От падения огромного камня вздрогнула земля. Поняла тогда жена Нарчхоу, что разгневался супруг на нее. В отчаянии распустила она свои длинные волосы и, рыдая, босая пошла к мужу, чтобы вымолить себе прощение. И приближенные ее тоже плакали и причитали вместе с ней.

Гневен стоял нарт Нарчхоу, отвернувшись от жены. Но, наконец, смилился он над ней и простил.

Они долго жили в любви и согласии и умерли в один день — суровый Нарчхоу и его жена.

Много веков прошло. Но с той поры стало обычаем у абхазских плакальщиц распускать волосы и босиком идти за тем, кого провожают в последний путь.

Крепость Нарчхоу существует и поныне. Вершина горы Нарчхоу уже издали поражает своими причудливыми очертаниями. Крутой 200-метровый обрыв подчеркивает суровое величие горы, на которой в незапамятные времена высилась неприступная крепость.

Развалины, сохранившиеся до наших дней, очень живописны, и красноречиво говорят об удивительном мастерстве древних строителей.

Тропа, круто поднимающаяся по известковому склону, приводит к Нарчхоу. Четырехметровые стены угрюмо смотрят на соседние горы своими узкими бойницами. Мощные укрепления, общая протяженность которых достигает 676 м, делали крепость неуязвимой. Даже всеильное время не смогло разрушить эти каменные гребни.

Изнутри к стене пристроен парапет, по которому некогда ходила стража, зорко следя за всеми окрестными тропами.

В головной части крепости видны остатки воротной башни. К югу от нее располагалось какое-то большое сооружение, возможно казарма.

На самом краю обрыва стоит 13-метровая башня, а к северу от крепости, справа от тропы, тянущейся от перевала Ацхыда к перешейку, находятся два древних храма. Они сильно разрушены, но сохранили характерные черты своего времени.

Легенда о крепости Нарчхоу входит в цикл абхазского варианта нартовских сказаний. Записана К. С. Шакрылом со слов сказителя Антона Пилиа в 1937 г. Приводится в кн.: «Абхазские сказки» (составитель К. С. Шакрыл), т. 2. Сухуми, 1968 (на абх. яз.). На русском языке публикуется впервые.

Штурм крепости Гуинтвинт

Неприступна была крепость Гуинтвинт. Правитель Западной Абхазии неспроста сделал ее такой: он хранил там сокровища, награбленные у народа.

Нарты решили взять крепость и завладеть казной. Не раз они осаждали и штурмовали ее, но поражением кончался каждый поход.

А Цвица они не брали с собой — слишком тихим он был и скромным. Вот однажды отправились они в поход и опять ничего не сказали ему.

— Куда едут нарты? — спросил Цвиц Сатаней Гуашу — справедливейшую из женщин, — почему они не взяли меня с собой?

— Крепость Гуинтвинт — хранилище сокровищ злого правителя Запада, — ответила Сатаней Гуаша. — Давно хотят овладеть ею мои сыновья, но даже у них, богатырей, ничего не выходит. Чем же поможешь ты, тихий и слабый юноша?

Долго умолял Цвиц Сатаней Гуашу попросить братьев взять его с собой, если и этот поход окажется неудачным. И согласилась мать нартов.

Скоро вернулись братья-воины, и печален был их рассказ: крепость стоит, как скала, враги словно из железа сделаны.

Тут засверкали глаза Цвица надеждой, с ласковой улыбкой посмотрела на него Сатаней Гуаша. А когда отдохнули братья и снова стали собираться в поход, обратилась к ним мать со следующими словами:

— Возьмите на этот раз с собой Цвица, может он вам пригодится.

Удивились братья.

— Неужели, мать, ты поверила словам мальчишки? Разве сможет он оказать нам помощь? Разве что стремена у лошади подержит, — засмеялись братья.

Поник головой Цвиц, и, видя это, нахмурила брови Сатаней Гуаша. Видя гнев матери, не посмели ее послушаться братья. Собрались они на военный совет и позвали на него Цвица. И спросили они его:

— Что же можешь предложить ты нам и какую помощь собираешься оказать? Может, ты просто болтаешь попусту?

И сказал Цвиц такие слова:

— Возьмите пихтовую смолу, растопите и покройте меня ею. А потом перебросьте через стену крепости Гуинтвинт и ждите. Как только увидите, что сквозь крепостную стену просачивается кровь, бейте в стену камнями и стволами деревьев. Когда разрушите — устремляйтесь в пролом и бейте врагов.

Внимательно выслушали братья Цвица, недоверчиво покачали головами, но согласились.

И вот уже кони снова вздымают пыль на дороге, ведущей на запад. Снова идут нарты к крепости, и Цвиц идет с ними.

Не знает он, что в это время в крепости готовят ему встречу. Старая колдунья узнала о его замысле и научила осажденных, как поступить.

— Выroyте глубокую яму, — сказала она, — и тот, кого перебросят нарты через стену, попадет в нее. И вы забросаете непрошеного гостя камнями, и найдет он здесь свою смерть.

Не знала колдунья, что гость этот — мудрый и умный Цвиц. Когда упал он в яму, вырытую врагами, то не разбился, так как смола предохранила его. А камни и бревна, которые бросали в него враги, отскакивали от острия его богатырской сабли.

Целый и невредимый выбрался Цвиц из ямы и стал рубить врагов. Рекою полилась кровь и размягчила стену. Легко разрушили ее нарты, ворвались в крепость и зарубили всех, кто не хотел сдаваться в плен. Пришлось расстаться с жизнью и жестокому правителю, а его невольников освободили нарты и раздали им часть сокровищ. Остальную же добычу повезли к себе домой. Радостной улыбкой встретила их Сатаней Гуаша, а Цвица она обняла крепко и поцеловала, когда братья рассказали матери про его подвиг.

Но не загордился Цвиц от похвал и даже отказался от своей части добычи. Ушел он в свою хижину счастливый и спокойный.

Греясь у очага, услышал он, что ссорятся братья из-за доли старшего — самого храброго. Тогда вышел Цвиц из своей хижины и сказал:

— Если так, я беру свою долю, ведь вы знаете, благодаря кому взята крепость. Я беру свою долю старшего.

И он взял ее, и роздал бедным. Стыдно стало братьям. Пришлось и им последовать примеру Цвица — храброго из храбрых и скромного из скромных. Они тоже отдали беднякам свою добычу. А люди сложили песни, в которых славил Цвица-богатыря, благодаря которому была занята крепость Гуинтвинт.

Легенда о крепости Гуинтвинт, несомненно, имеет реальную основу. Сказители считают, что так называлась тогда Хашупская крепость, расположенная в 8 км к северо-востоку от с. Гантиади. Там высится скала в виде башни, а вокруг нее находятся остатки укреплений.

Скалистый утес густо порос лесом, внизу протекает р. Хашупсе. Время постройки крепости — V—VII вв.

В средние века Хашупская крепость имела важное оборонительное значение. В наиболее доступных для нападения местах она была защищена мощной стеной, замыкающейся четырехугольными башнями.

Сейчас высота стены — 8 м. Внутри — развалины построек и цитадель.

Лашкендар — собачий храм

Давным-давно жили, говорят, в Абхазии люди-великаны. Был среди них один храбрый воин и смелый охотник. Никого на свете не боялся он, даже над лесными дивами смеялся. Ходил по лесам со своими верными псами, настигал туров на горных кручах, ни перед кем не сворачивал с дороги, ни перед кем не склонял головы.

Стало это обидно дивам, решили они наказать гордеца-великана. Как-то ночью дождался он, пока великан, утомленный охотой, уснул, а горячие псы его почуяли зверя и бросились за ним в погони в горы. Подкрались к нему дивы и накинули на него шелковую сеть. Опутали они его шелковыми веревками, выкололи ему глаза, а потом сбросили в глубокое ущелье.

Вернулись с охоты верные псы, увидели, что хозяина нет, понеслись искать его. Вскоре нашли ущелье, где лежал бездыханный великан.

Бросились псы за подмогой к крестьянам. Рычали, лаяли, тащили за собой. Пошли крестьяне к ущелью. С трудом подняли они тело великана из пропасти. Тут псы разгрызли шелковые путы и принялись лизать раны хозяина. Три дня и три ночи не отходили от него верные псы. На пятый день вернулось к нему зрение. А на шестой день встал он на ноги и воздал хвалу верности своим славным псам — воздвиг в их честь храм на горе Лашкендар. С тех пор чтят абхазцы собаку, лучшего их друга, сторожа их стад и жилищ.

Абхазы еще в языческие времена наряду с другими божествами почитали божество Алышкентыр (ала — собака; кентыр — бог). Ему посвящались специальные капища, приносились соответствующие жертвы.

Во время утверждения в Абхазии христианства в некоторых местах, где прежде находились языческие капища, христианские проповедники строили храмы, называя их именами прежде почитавшегося здесь языческого божества. Так на месте лашкендарского капища близ Ткварчели в раннем средневековье возник Лашкендарский храм с барельефом на фасаде, изображающим двух псов. Ситуация создалась комическая: моление Христу происходило в Собачьем храме! (Лашкендар и Алышкентыр означают одно и то же понятие — «божество собаки»). Лашкендарский храм сохранился до наших дней. Уцелел и барельеф с псами. Давно уже померк в представлении абхазцев ореол «собаки-божества», но верные четвероногие друзья неизменно пользуются их любовью и опекой.

Вариант легенды записан в 1957 г. от Кита Аршбы в с. Акваске, Очамчирского р-на.

*

Сказания о Рице

1

Трудно поверить, что не было когда-то красавицы Рицы, а на этом месте находилась глубокая котловина, окруженная высокими горами и девственным лесом. И текли там две бурные речки — Лашипсе и Юпшара. Было там много и всякой живности, и зверей, и птиц. Жили на самом дне этой котловины земледельцы и охотники из рода Апшицбовых. Люди это были мирные и трудолюбивые. И только невзгоды заставили их поселиться вдали от моря, плодородной земли побережья и мира людей. В ту пору жадные да богатые охочи были на грабеж бедняка. А еще досаждали чужеземцы, которые сеяли смерть и голод на священной земле Апсны. Где спастись людям, трудом своим добывающим хлеб? Вот и выбирали для жилья места неприступные. Под защитой высоких гор, непроходимых дремучих лесов жил народ общинами. Жил так и род Апшицбовых в поселке Рица, что означает «Их дно». Спокойная жизнь сопутствовала им. И охота была удачной, и умножались тучные стада, и воды было в речках Лашипсе и Юпшара в достатке. Не знали только Апшицбовы, что течет в Лашипсе священная вода и что повелел бог богов сурово наказывать человека, пьющего из р. Лашипсе. А беда их подстерегала и наконец подстерегла. Однажды ночью услышали они страшный грохот. Небо было черным, не видно было ни звезды, друг друга не видели люди. В ужасе они стали на колени, умоляя бога богов пощадить их. Но непреклонен был бог богов. Бросил он на Рицу водопад, каких никогда не видел и не увидит человек. А всего водопадов было девять. И затопила вода котловину в один миг.

Погибли и люди, и животные, и птицы. А солнце, утром встав, удивлено было несказанно: глядела на него синь прекрасного озера, обрам-

ленного скалами. И это озеро получило название Рица, в честь поселка, бывшего когда-то на дне котловины.

Тут бы и конец сказанию, но не весь род Апшицбовых погиб. Одна из младших их дочерей, готовящаяся стать матерью, спустилась за день до потопа на равнину к дальним своим родственникам. Там и родила она счастливо двух младенцев. Здоровыми и сильными росли они, а повзрослев, стали пастухами. Но висело проклятье бога богов над родом Апшицбовых за то, что они пили воду из священной реки. Не миновать было злосчастия и последним из этого рода.

Однажды младший брат пас стадо неподалеку от озера Рица. И заметил он, что каждую ночь выходил из вод озерных белый баран и оплодотворял маток из его стада. Молчал младший брат, видя это. Ибо знал, что крикни он или скажи только слово, тогда уйдет баран в глубины озерные и уведет за собой на дно все стадо. Пришел на смену младшему старший брат. Рассказал ему обо всем младший и просил молчать, когда будет выходить из озерных недр баран белый. Согласился старший брат, но слова своего не сдержал. Очень уж он был нетерпеливый. Как увидел он громадного белого барана, не выдержал и крикнул: «Ого!» И увел баран все стадо в озеро. Без единого всплеска исчезли овцы в водах Рицы. Испугался старший брат и побежал бегом вниз, в селение. Рассказал обо всем младшему. Тот взял в руки ачарпан¹. Поднялись они к озеру. Тут младший запел песню, перед этим наказав старшему брату молчать, что бы тот ни увидел. Помилась песня над озером. И вдруг закипела, запенилась вода; и показался на поверхности белый баран, а за ним исчезнувшее стадо. Уже к берегу приблизились они. Уже ступил белый баран на землю. Тут не выдержал брат старший и закричал от радости, захопал в ладоши. И тогда сомкнулись вновь воды Рицы над стадом. И совсем запечалился младший. Говорит брату: «Ухожу я, прощай. Приходи сюда каждый год по весне, три года подряд будет плавать шерсть на поверхности озера. Собирай ее, хватит тебе на жизнь». Бросился младший брат в Рицу, поглотило его озеро. А старший брат три года собирал шерсть на озере по весне. А на четвертый бросился с тоски в Рицу. Так наказан был род Апшицбовых богом богов за то, что посмел испытать воды из священной р. Лашипсе.

2

Когда-то на том месте, где ныне находится красавица Рица, была роскошная поляна, благоухающая и летом, и зимой. Сейчас вы не увидите цветов таких, какие росли на этой поляне. Ни тех птиц не увидите, что летали над этой поляной, ни зверей...

Волшебное, надо думать, было то место. Оттого так и необычны были и растения, и звери, и птицы этой поляны.

¹ Ачарпан — народный музыкальный инструмент (абх.).

Жил на поляне род Адзынбов. Старший Адзымба уже имел и детей, и внуков, и даже правнуков. И всем им жилось беззаботно. Воды, мяса и хлеба вволю. Чем не жизнь?! Тем более, что работать им приходилось немного — поляна-то была волшебная. Так и жить бы этим людям, но пришла нежданно в те места большая беда. Однажды, оставив семейство свое в становище, ушел старший Адзымба в гости в местечко Калдахвары. А когда вернулся на третий день в свои места, то не увидел ни поляны, ни становища, ни тучных стад своих, ни детей, ни внуков. Перед ним раскинуло голубую гладь своих вод громадное озеро. День, два, неделю сидел на берегу озера убитый горем Адзымба. Видел он, как на поверхность всплывали то обломки домашних построек, то утварь, то шерсть. На седьмой день поклонился Адзымба месту тому, где нашла гибель его семья, и ушел вниз, поклявшись никогда более не возвращаться к озеру.

Стар был Адзымба, но крепок. Остался он один как перст. А род продолжать было надо. Женился Адзымба на калдахварской девишке и поселился навек в селении Балабурхва. Сейчас нет в живых ни одного из этого несчастного рода. Однако у Адзымбы и от второй жены были дети. А у детей — внуки. Но суждено было роду Адзынбов погибнуть, ибо какая-то непонятная сила тянула их к Рице. А пришедши на озеро, они безумели и кидались опрометью в воду. Старики говорили, что хотелось каждому из рода Адзынбов повидать на дне озера своих предков.

3

Это было так давно, что даже тысячелетний самшит, даже бурная Бзыбь не помнит, как появилось озеро Рица. Лишь одному пастуху, который поднялся в горы в поисках хорошего пастбища для своих овец, рассказал это предание звонкий говорливый ручей. Пастух пересказал предание своим детям, дети — внукам, те — правнукам, а один из них повторил его мне.

...Когда-то в горах Абхазии, на том месте, где лежит озеро Рица, была долина, по которой протекала широкая плавная река. Она несла свои воды к морю и была так спокойна, что даже ребенок мог безбоязненно в ней купаться.

По берегам реки раскинулись сочные пастбища, на которых пасла овец и коз молодая девушка Рица. Пунцовые горные тюльпаны не могли соперничать с цветом ее губ, море не могло затмить голубизну и блеск ее глаз, а снега на вершине гор казались черными по сравнению с белизной ее лица. Ее косы были похожи на длинных извивающихся змей, черных, как агат.

У Рицы было три брата: старший — Агепста, средний — Ацетук и младший — Пшегишха. Братья целыми днями бродили в горах и охотились на быстроногих джейранов. Вечером они возвращались к Рице и садились у костра, сеявшего яркие искры в темное ночное небо. Рица

жарила мясо, а братья пели песни. Горы слушали эти песни и, засыпая, кутались в густой туман.

Однажды братья простились с сестрой, отправились далеко в горы за добычей. Прошел жаркий день, горы окрасились багрянцем заката, а братья не возвращались. Рица долго их ждала, потом собрала своих овец и коз у реки и, не разводя костра, легла на берегу. Она смотрела на первые звезды, зажигающиеся в небе, а звезды смотрели на нее и весело сияли ей лучезарными глазами. Радостью наполнилось сердце Рицы. Закрывает она глаза и запела песню. Голос ее лился так плавно и красиво, был исполнен такого обаяния, что ночные птицы перестали перекликаться и ручьи остановили свой бег. Вся природа внимала голосу Рицы.

Услышали эту песню два лесных разбойника — братья Гега и Юпшара. И сказал Гега:

— Брат мой, Юпшара, поезжай и узнай, кто поет в долине? У кого такой чарующий голос?

Хлестнул коня Юпшара и помчался, не разбирая дороги, в ту сторону, откуда доносилась песня Рицы. Остановил он коня у обрыва и увидел девушку, лежавшую на речном берегу. Оцепенел Юпшара. Никогда еще не встречал он такой красавицы. Звериная страсть вспыхнула в его черной душе. Он бросился к Рице и схватил ее в объятия. Девушка забилась в его руках и стала звать о помощи. Увидел это горный сокол, расправил крылья, стрелой полетел к братьям и рассказал о том, что грозит их сестре. Гнев запылал в сердцах братьев. Стремглав помчались они, чтобы спасти сестру.

Но было уже поздно... Юпшара не выпускал Рицу из своих железных рук. Тогда Пшегишха поднял свой богатырский щит, метнул его в насильника, да промахнулся. Щит упал поперек реки и запрудил течение. Вода хлынула на берег, и огромное озеро появилось в долине.

Рица увидела, что у ее ног разливается огромное озеро. Тоска наполнила ее сердце. Не смогла девушка перенести позора, горестно вскрикнула и бросилась в его воды.

Юпшара почувствовал ледяное прикосновение волн и обратился в бегство. Братья кинулись в погоню за ним. Агепста настиг его, схватил могучей рукой и швырнул в озеро. Но закипела вода, перебросила Юпшару через щит Пшегишхи и стремительно понесла в море.

Тщетно цеплялся Юпшара за склонившиеся у берега кусты, вырывая их с корнями. Не смог спасти его и Гега, бежавший вслед за ним по берегу.

А три брата, охваченные горем, окаменели, превратились в высокие горы. Стоят они и до сих пор над прозрачной глубокой водой озера, охраняя вечный покой Рицы.

Жемчужиной Кавказа называют озеро Рица. Расположенное высоко в горах, окаймленное густыми лесами и живописными скалами, оно является поистине изумительным творением природы. Трудно оторвать

взор от зеркальной глади его вод, нельзя наглядеться на сказочную красоту прибрежного ландшафта.

Относительно происхождения озера в абхазских легендах существует несколько версий. Согласно одной из них, возникшей не без участия духовенства, «бог богов», рассерженный нарушением запрета пить «священную» воду из р. Лашипсе, послал в наказание на селение Рица водопады, затопившие всю котловину. В некоторых вариантах легенды вместо «божьей кары» фигурирует «рок», якобы тяготевший над проклятым родом Адзынбов. По другой версии, один из братьев красавицы Рицы, спасая ее честь, бросил в насильника свой богатырский щит, который, не долетев до цели, упал в реку и запрудил ее течение.

Так в древности люди пытались по-своему объяснить таинственное для них явление природы.

В настоящее время насчет возникновения озера Рица среди ученых существует два мнения. Одни полагают, что оно появилось вследствие обвала части горы Пшегишхи, перекрывшего течение Лашипсе (см. об этом подробнее: А. Коптошевский. Из наблюдений в карстовой области Сухумского округа. «Бюллетень Тифлисского об-ва любителей природы», т. I. Тифлис, 1913, стр. 16). «Известия, слагающие горы Абхазии, — писал видный советский кавказовед Г. Ф. Чурсин, — подвергаясь размыванию и растворяющему действию воды, образуют многочисленные пещеры с подземными реками и озерами, дают начало провалам и воронкам, которые, наполняясь водой, превращаются в озера. Здесь мы имеем дело с так называемыми карстовыми явлениями» (Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957, стр. 235).

По утверждению других, озеро Рица обязано своим появлением тектоническим процессам — поднятию и опусканию почвы поперек русла р. Лашипсе. (См.: Н. С. Куфтырева, Ш. В. Лашихия, К. Г. Мгеладзе. Природа Абхазии. Сухуми, 1961, стр. 178—180.)

При обследовании дна озера никаких следов древнего поселения не обнаружено.

Озеро находится на высоте 920 м над уровнем моря. Длина его равняется 2490 м, ширина — 275—870 м, глубина достигает 120 м. В озеро впадают три горных потока. Отсюда берет начало р. Юпшара.

Над озером с севера поднимается гора Ацетук (2539 м), венчающая Агепста-Ацетукский гребень. В восточной части над озером возвышается гора с вершиной Анчо (2796 м), на западе к озеру обрывается уступ горы Пшегишха (2222 м).

Заметили ли вы по дороге на озеро Рица водопад? Он струится уже долгие годы и тысячу лет еще струиться ему. Водопад этот необычный, вода там необычная — холодная, чистая, как слеза. И ветер играет слезою, и солнце играет, но не сушит ее. Неиссякаема эта слеза, девичья слеза, горячая. А когда-то, давно очень, не было здесь ни дороги, ни абхазского селения Бзыбь, ни водопада. Стоял на этом месте один-единственный дом. И жила в этом доме семья пастухов. У стариков была дочь, молодая красивая девушка. Имя ее сейчас забылось. Пасла эта девушка коз и часто уходила с ними высоко в горы. Там она и приглянулась Духу; полюбил ее Горный Дух. И девушка полюбила его. Узнала об этом злая ревнивая волшебница, крикнула так, что холуном заходили горы, закипели реки и с корнем вывернул этот крик много вековых деревьев:

— Нельзя допустить, чтоб любила смертная бессмертного Духа. Не бывать тому, пока хозяйкой здесь я!

И решила злая волшебница погубить молодую девушку, ибо бессильна была она бороться с Горным Духом. Стерегла волшебница девушку дено и ношно. И выследила ее однажды, когда пришла она со стадом к краю крутого обрыва. Схватила волшебница девушку, подняла она высоко ее над горными хребтами. «Брошу тебя вниз на скалы, будешь ты добычей хищных птиц, если не откажешься от любви своей к Горному Духу». Взмолилась девушка и стала звать друга своего, но он был тогда далеко от этих мест — парил высоко над другим концом Кавказских гор и не услышал призывов своей возлюбленной.

Тогда стала просить девушка волшебницу пощадить ее любовь. Но неумолима была волшебница. Она была уже готова бросить девушку на острые скалы, как вдруг брызнули слезы любви из глаз красавицы и зазвенел ее голос по ущельям и кручам:

— Пусть я умру, но выплачутся тебе мои слезы. И тысячу лет, и две будут литься они с горного уступа. И не будет тебе покоя век за погубленную любовь человеческую.

С тех пор и льются водопадом девичьи слезы.

Давно уже забыли люди о злой волшебнице. Но о великой любви человека напоминает водопад. Вы увидите его по дороге на озеро Рица.

Водопад «Девичьи слезы» находится в начале дороги на озеро Рица, на правом берегу р. Бзыбь. Он образован тальми водами с альпийских лугов, фильтрующимися сквозь толщу известняковых скал рядом вертикальных струй. Эти струи и образуют рядом с шоссе прозрачную, искрящуюся на солнце водяную решетку.

Легенда записана от Чкоки Канджария в 1955 г. в с. Бзыбь Гагрского р-на.

Прекрасная Дзыдзлан — владычица вод. Живет она в богатых чертогах глубоко под водой. Ее красивые золотистые волосы волнами спускаются до пят, причем пятки у нее спереди, а ступни сзади — никто не может повалить ее на спину. Есть у Дзыдзлан волшебное зеркало, в котором отражается все, что происходит на свете, — все видит, обо всем знает красавица! Влюбляется она только в самых красивых мужчин, заманивает их к себе, а затем отпускает с богатыми подарками.

Жид-был на свете один очень ленивый пастух, к тому же очень уродливый. Пас он стадо на склонах горы Мамздышха. И прослышал лентяй, что где-то в этих местах живет красавица Дзыдзлан. Очень ему захотелось ее увидеть и чтобы она полюбила его. И так как лентяй полагал, что необычайно красив собою, то часто стал уединяться на одной зеленой лужайке на берегу прозрачного ручейка, вытекавшего из пещеры недалеко от р. Бзыбь. Здесь, в тени самшита, он засыпал, надеясь, что во сне Дзыдзлан придет к нему скорее.

Красавица действительно узнала, что на поляне бывает какой-то мужчина. Любопытство взяло верх, она решила пойти посмотреть, кто это так добивается ее внимания. Но когда Дзыдзлан подошла к спящему и увидела его уродство, она рассвирепела, схватила сонного лентяя, приподняла и швырнула на землю.

Удар был настолько сильным, что потолок находившейся под лужайкой пещеры не выдержал и рухнул. И образовалось здесь со временем большое озеро, которое было названо за цвет его особенный Голубым.

Голубое озеро, о котором идет речь в легенде, находится на 13-м километре дороги к озеру Рица, на правом берегу р. Бзыбь. Озеро карстового происхождения, из-под скалы сбоку вырывается шумный поток. Площадь озера 180 кв. м, глубина доходит до 76 м. Дно озера покрыто отложениями лазурита, а вода абсолютно прозрачная, поэтому цвет озера не меняется, оставаясь голубым даже в самую ненастную погоду.

Вариант легенды записан в 1968 г. в г. Сухуми от Г. Ч. Ашхарау.

Дочери подземного духа

Жид когда-то в гагрских пещерах подземный дух, а с ним три его дочери — Репруа, Аныхамца, Бегерепста — и единственный сын. Сестры-близнецы готовили пищу, ткали материю, делали одежду для брата и воинов, охранявших единственный путь в Абхазию — Гагрский проход. А старый подземный дух ковал железное оружие, закалял его особым способом, делал его непобедимым.

Но случилось однажды несчастье — неожиданно умер старый горный дух. А из далеких стран, как саранча, поползли несметные полчища

врагов. В жестоких битвах тупились и ломались мечи, копья, щиты. И некому было обновить оружие. Вскоре сын духа и горстка его соратников пали в неравном бою. Ушли враги дальше на юг, завалив предварительно отверстие трех пещер, через которые сестры-близнецы выходили к своему любимому брату. Увидели сестры, что нет выхода на поверхность земли, поняли, что брат их убит. И так велико было их горе, что никогда уже не могли они остановиться — все плакали и плакали. От слез их образовались ручьи, которые, пробившись через заваленные входы, превратились в речки Репруа, Аныхамца и Бегерепста.

Живописен Гагрский хребет, склоны его покрыты соснами, буками и пальмами, а под тонким слоем почвы таятся мощные толщи известняков. В их глубинах скрыты многочисленные пещеры, огромные подземные дворцы, мрачные холодные коридоры.

Гагрский проход с незапамятных времен был единственным путем, связывающим Абхазию с Северо-Западным Кавказом. Многократно по этому пути в Абхазию вторгались враги, в частности скифы, готы и аланы, поэтому охрана прохода имела первостепенное значение.

Что касается трех речек, которые в легенде представляются слезами трех сестер-близнецов, то они действительно существуют. Все они карстового происхождения, истоки их начинаются в пещерах. Первая речка — Репруа, находится в 6 км от г. Гагра. Она вырывается почти у самого берега из-под скалы. Вторая речка — Аныхамца (в переводе с абхазского — «Огненный дух»). Аныхамца отличается кристальной, как слеза, прозрачностью, ее вода приятна на вкус. Третья, самая большая речка, — Бегерепста. Температура воды в ней очень низкая. Все три речки — самые холодные на всем Кавказском побережье от Анапы до Батуни.

Легенда записана в 1958 г. в г. Гагра от Ф. Анквабы.

Каменный риф Нагв-Ихаху

В давно минувшие времена пастух Нагв пригонял к морю скот, чтобы напоить его водой перед уходом на пастбище.

Однажды во время водопоя с моря подул сильный ветер, поднялся страшный ураган. Спасаясь от разбушевавшейся стихии, Нагв со своими помощниками и скотом укрылись в пещере скалы, находившейся на равнине недалеко от моря. Громадный водяной вал обрушился на берег, затопив пещеру, где находились пастухи и скот.

Долго продолжался этот страшный ураган. Море вышло из своих берегов и затопило берег. Когда ураган утих, люди увидели лишь верхушку скалы. Так трагически погиб пастух Нагв, но память о нем сохранил народ, назвав скалу его именем.

В Гудауте, напротив санатория «Строитель», в пятистах метрах от берега в море действительно виднеется подводный каменный риф, названный в народе Нагв-Ихаху.

Длина его — 30 м, ширина у основания — 20 м, высота — 7,5 м. На северном склоне скалы на глубине 5 м находится пещера со значительных размеров входным проемом. В ней свободно может поместиться четыре человека. Весь риф покрыт морской травой, в его расщелинах водится много рыбы.

Легенда записана в 1963 г. в сел. Лыхны Гудаутского р-на от сказителя Антона Пилиа.

О возникновении озера Амткел

Когда-то там, где теперь в ожерелье из огромных известняковых глыб находится зеркало озера Амткел, было глубокое тенистое ущелье. В лучине реки в средней части ущелья находилась большая поляна, всегда покрытая свежей, сочной травой. Спасаясь однажды от заслуженной кары, бежал по ущелью конокрад. Увидел он поляну, окруженную обрывистыми скалами, спокойную реку. Ему понравилось это место вдали от людей. Вскоре все конокрады Абхазии знали эту поляну и сгоняли сюда свою добычу. А затем переправляли ворованных коней через перевал.

Неподалеку в Дальском ущелье жила вдова охотника-абхазца с маленьким сыном. Была у вдовы кобыла с жеребенком. Сын вдовы очень привязался к нему. Ходил с жеребенком по лесистым холмам, рвал ему вкусную траву, отгонял назойливых мух. А перед сном обязательно желал жеребенку спокойной ночи.

И вот однажды случилось несчастье. Зловредные конокрады украли лошадь с жеребенком. Затосковал мальчик, ни пить, ни есть не может, плачет, все просит найти своего любимого друга. Бросилась мать к соседям, но и они ничего не смогли сделать — в надежном месте спрятали его воры!

Прошло немного времени, и совсем плох стал мальчик. Посмотрел его знахарь и покачал головой: «Не выгнать злого духа, умрет твой сын». Заломила мать в отчаянии руки, бросилась вон из хаты и разразилась страшными проклятиями на обидчиков-конокравов. Требовала она, чтобы горы обрушились на негодьяев, погубивших ее сына. И дрогнули горы, и далекий гул прокатился многократным эхом по вершинам.

А конокрады между тем спокойно ждали момента, чтобы перегнать свежую добычу за перевал. На сочной траве полянки в тени нависших утесов резвился жеребенок. Но не успели они уйти за перевал. Однажды под вечер услышали воры, как ветер стал странно подымать, словно оплакивал кого-то, как женщина-плакальщица на похоронах.

Крепчал ветер, все грозней становился его вой, вместо плача гнев звучал в нем, призыв к мести, к расплате за зло. Испугались конокрады, не могут понять, что творится, чувствуют, что надвигается опасность, а какая, откуда — не поймут.

Перерос вой ветра в дикий вопль, в проклятие... И вдруг стих. А в наступившую тишину стал вползать сначала тихий шорох, затем легкий треск. Увидели воры, как на них медленно поползла скала, посыпавшись на свежую траву мелкие камни. Бросились конокрады враспынную, да поздно. Гора заслонила небо, наклонилась и рухнула в ущелье. Огромные глыбы, перекатываясь друг через друга, заполнили его от края до края, запрудили спокойную реку, вспенили ее, поднялись 200-метровой плотиной. И стала вода заполнять образовавшееся пространство. Цвет нового озера был грязнобелым от растворившихся в нем крошек известняка. На водной глади плавало несколько обрывков одежды конокравов. Проклятие несчастной матери свершилось.

Если поехать по Военно-Сухумской дороге до Цебельды, затем проселочной дорогой подняться вдоль лесистого ущелья, то на высоте 540 м над уровнем моря откроется чудесный вид на озеро Амткел. После Рицы это второе по величине высокогорное озеро Абхазии. Длина его равняется 2,3 км, ширина достигает 450 м, глубина — 122 м.

Пока что Амткел не пользуется такой популярностью, как прославленная Рица, но не будет преувеличением сказать, что по красоте своей оно ничем не уступает признанной «жемчужине Кавказа».

Находится озеро Амткел в 45 км от Сухуми, имеет хорошие климатические показатели. «Родилось» оно сравнительно недавно, на памяти ныне живущих людей.

В 1891 г. горный обвал обрушился в ущелье и перегородил р. Амткел гигантской плотиной, достигавшей до 2000 м в длину и 200 м в высоту. Как сообщалось в газете «Кавказ» по поводу этого события, «до этого обвала произошло землетрясение не только в Цебельде, но и в Сухуме, а страшный шум обвала разогнал всех цебельдинских кабанов и диких коз, на которых охотились наши сухумские охотники». (К. Мачавариани. Цебельдинский обвал. «Кавказ», 1891, № 273).

Легенда об озере Амткел возникла сравнительно недавно среди жителей Кодорского ущелья. Записана в 1964 г. в сел. Мрамба, Гульрипшского р-на от Л. Н. Вороновой.

Неподалеку от с. Члоу лежит громадный черный камень, рассеченный на две равные части. Рассказывают старики, что этот камень был разрублен богатырем Абрскилом во гневе. Давно это было, очень давно... Однажды Абрскил поднял этот камень, понес его на вершину горы, чтобы обрушить оттуда громадину на головы врагов. Но поскользнулся Абрскил, выронил камень из рук. И покатился камень вниз, ломая леса, меняя русла горных рек. Осердился Абрскил, вынул из ножен меч свой обоюдоострый... И лежит с тех пор камень, разрубленный богатырем на равные две половины. Кто же этот богатырь?

В давние, очень давние времена нахлынули на священную землю Апсны жестокие и жадные чужеземцы-завоеватели, застонала древняя земля под игом пришельцев. Молили люди богов об избавлении от заморской напасти. И смиловались боги, послали они на землю богатыря невиданной силы и смелости. Имя ему было Абрскил. И рожден он был девицей, не знавшей мужа. Прекрасный, человечий был у него облик. Наградили боги Абрскила крылатым конем, имя которому Араш. Был неуязвим на своем крылатом коне богатырь Абрскил. Как снежный обвал, что падает с гор, домит и валит все на своем пути, как грозная буря, дочь черных туч, что несется над морем, бросая пену его к небу, так промчался тогда Абрскил по земле Апсны с севера и до самого юга. Как снопы соломы, кидал он грудями мертвые тела врагов, убивал без счета людей из родов Асубов и Кацубов, предавших чужеземцам родную землю, а тела их бездыханные сбрасывал в море.

И тогда на отлогий мягкий берег вышли из волны дочери морского царя. Двенадцать прекрасных девиц приблизились к Абрскилу, отдыхавшему после боя, и так ему сказали:

— Не возносьсь удачею, витязь, посланной тебе богами! Ты оскверняешь дом нашего отца, бросая трупы врагов твоих в море, гневен наш сильный отец...

Но не послушал их гордый богатырь Абрскил.

— Дочери моря, летающие между облаками! Ветер — владыка вашего ума, буря — госпожа вашего рассудка. Я землю родную пришел освободить от непрошенных гостей. Полной чашей я пью вино битвы, я медом боя упиваюсь, ничто не удержит меня в моем размахе.

И отлетели от него дочери морского царя, печальные опустились они в отцовский подводный чертог. От гнева царя кипит морская пучина, белоглавые волны, гремя, ударяют о скалы.

И вновь с запада, от морского побережья, мчится Абрскил, борец за родную землю, мчится на восток — к вершинам Панау направляет он путь, как ветром сметая перед собой врагов, кости их хрустят под ногами коня, крылатого Араша, трупы их грудями лежат на земле. Убе-

гают в свои дальние земли непрошенные чужеземцы, в глухих дебрях лесных скрываются роды Асубов и Кацубов, предавшие родину врагам.

И встала Даль, зеленокудрая дева, дочь царицы-Земли, стала перед Абрскилом, выйдя из бездны. И грозен был вид ее: на челе ее — черные тучи, в очах — сверкающие молнии.

— Непогребенными телами вскормил ты семиглавого змея-дракона, злодей Абрскил. Гнется под тяжестью его грудь матери-Земли, дрожат, опускаются горы, качаясь, поднимаются долины. Как болото, зыблется твердь земная, когда ползет Семиглавый. С гор сползает он теперь на твою, Абрскил, родную землю, погибнет приморская Апсны, опустившись под ним, и волны моря накроют ее!

В темном лесу стоит Абрскил один, опустив голову на руки, томимый отчаянием. Спас страну он от чужеземцев, а теперь не знает, как спасти от змея родину-мать.

И тогда услышал он голос древней колдуньи Хирпсе, что спустилась с вершины горы Охачкуэ:

— Вот тебе трехструнная шедегеаку, сынок. Медом небесных пчел, сладким медом, разведенным в росе, сошедшей в жаркий полдень с седьмого прохладного неба, овлажняю отныне я уста твои, Абрскил. И пусть снизойдет на тебя дар усыпляющей песни, что тихий сон навевает, что клонит к сладкой дремоте. Ты запоешь, и под песнею твоей, под рокот тех волшебных струн дракон погрузится в забвение сна. Ободришь, Абрскил! Вспомни, что меч твой рубит и хрупкую сталь! — сказала и исчезла таинственная колдунья в дымке высоких Кавказских гор.

Если спеть те песни, что пел Абрскил, слова начнут таять на ваших устах, как полая вода разольется ваша речь, сбегая с языка, словно капли о камень, разобьется она о зубы...

Я много песен знал: их пел, бывало, отец мой под свист сабли, что точил он о камень, пела и мать под жужжание прялки. Падали песни с росой на меня, когда я шел лесной тропинкой, их слышал я и в чаще кустов, меж цветами и травами песни срывал я. Слышал песню я и в голосе диких зверей, песню мне шелестели деревья, их мне волны несли вместе с пеной своей, навевал мне их ветер в ущелье...

Но не спеть ни мне, ни вам песен тех, что пел Абрскил!

Геройскую песню он тогда начал. Громко запел, с силой ударив по струнам, и всколыхнулось глубокое море, дрогнули горы, и в песок рассыпались крепкие скалы, как трава стали гнуться столетние дубы...

Песню жизни запел Абрскил — веселую, звучную песню: «На скалу медведь влезает, чтобы песней насладиться, воак бежит, проснувшись, из-за туч орел спустился, из воды поднялись рыбы. Все ликует, в счастье жизни все трепещет...».

Песню другую, песню сна, песню тихого отдыха начинает певец. Сладко журчат струны, словно прохладный родник в зное пустыни, тихо катятся мерные речи, как осенние листья, что легкий ветер несет по дороге... Вот месяц лег за горной вершиной, вот ясное солнце скло-

нилось на грудь румяной зари. Пестрый барс, припавши к ногам Абрскила, тихо мурлычет и шурит в дремоте глаза, малые птички уснули на плечах певца, подвернувши головки под крылья, остановились ручьи в журчащем теченье, ветви свои опустили деревья...

Серой тучей полз чудище-змея с горного склона к берегу моря. Песнь Абрскила застигла Семиглавого, когда пламя из пастей его огромных, как пещеры Ачквы-Тызго, жгло уже роции побережья. Вперед вытянуты семь шей, грузное тело опирается на откосы гор, чешуйчатый хвост лег на ледяные вершины. Как застигла змея усмывающая песнь, так и заснул он...

И под бременем его опустилась тогда горная твердь, на две горы глубоким ущельем распалась вершина, большая долина вогнулась на склоне, семью теснинами выбегают из нее ручьи в море.

Мечом своим, наследием древних богатырей, рубит Абрскил чудище-змея. На куски разрубает тело и на месте предаёт огню, заваливши кострами из деревьев. Семь лун и семь дней с ночами горели костры — сгорел семиглавый змей, пепел сгоревшего тела ветер подхватил и развеял...

А в глубине горы Псху, там, где сквозь нее протекает в море быстрая река Мчишта, в тех подземных пещерах собрались родичи Асубов и Кацубов, избежавшие гибели от руки Абрскила. Сошлись чужеземцы, что спаслись от мести героя. На совет собрались они: как им избежать грозной беды? Говорили мудрейшие из них, но не нашлось им спасения в мудрости людской.

Тогда из вод быстрого Мчиха поднялись дочери морского царя, девы-богини, оскорбленные Абрскилом, из тьмы таинственных пещер выступила Даль, зеленокудрая дочь царицы-Земли. Явились они к обитателям пещеры и стали вещать:

— Великой гордостью своей нагрешил Абрскил перед царем моря и владычицей земли. Просите их, люди, покарать вашего злодея, принесите им щедрые жертвы.

Принесли люди жертвы: больших быков и тучных баранов закололи во множестве, усердно просили царя моря и владычицу земли спасти их от гибели. Так людям ответили боги:

— Неудобна нам и несносна гордость Абрскила, родившегося от девицы Маниджан. Но волею бога богов — силен Абрскил; крылатый Араш не даст ему погибнуть, если не станет союзником нашим, врагом Абрскила, бог ветров Джуар-Мызырь, держащий в своем кожаном мехе бури и направляющий ветры. Его молитесь и склоняйте к жертвам.

Гордостью несказанной вознесся Абрскил, истребив чужеземцев и чудовище-змея — так подумали боги. Да и сам он, родины заступник, не преклонялся теперь перед богом богов, высоко поднимал голову перед меньшими богами, так как не сумели они защитить родной земли, как это сделал он, Абрскил....

И сказал однажды Абрскилу владыка ветров, буйный Джуар-Мызырь:

— Враги твои приносят мне щедрые жертвы, умоляя стать их союз-

ником на погибель тебе. Я силен, очень силен. Семь ветров с семи сторон света — мои послушные рабы. По слову моему они вырывают с корнем вековые дубы, вею я — дыхание их будет трепетом крыл пестрой бабочки. Холод, леденящий кровь, и жар, иссушающий грудь, — в моей власти.

По воле моей движутся тучи. Повелю я — они либо орошают землю благодатным дождем, либо оставляют ее в жертву жгучему солнцу. Покорись, Абрскил, Сын Неведомого, поклонись мне и принеси дар свой. Под охраной милости моей не страшны тебе никакие враги.

Но гордо отвечал богатырь владыке ветров:

— Не хвались силой — моя сила не меньше твоей. Я землю родную от врага и нечисти освободил. А ты? Спроси слуг своих, ветров, всюду летающих, если сам ты не слышал моих песен. Я пел — море вздымалось, горы тряслись на подножиях, леса к земле приклонялись. Это под силу и тебе. Я же больше могу: под песню мою, под рокот струн моей шедегегау жизнь расцветает вокруг. Нет, Джуар-Мызырь, подчинись лучше ты мне, человеку. Я не стану твоим врагом, а ты не будь моим.

Тогда отвратил от Абрскила лицо свое владыка ветров. Гневный, слетел он к царю моря и царице-Земле. И молвили боги:

— Теперь в нашей власти гордец Абрскил, и кары нашей ему не избежать!

Бушует, пенится море. Белоглазые волны, как горы огромные, мчатся на берег, с теми волнами выходят бессмертные слуги морского царя. Страшной, сверкающей ратью, грозно гремющей, идут они на Абрскила. И дрогнуло сердце героя: не гнет он уздою голову коня в сторону вражеской рати. Быстрым фазаном взвился Араш, орлом он несется, стал на горе Уарцаху, на дикой скалистой вершине.

Из недр матери-Земли поднимаются ее слуги: из бездонных пропастей, из таинственных пещер выходят они, как рати муравьев черных. И растут, и растут... И словно мрачная туча несется их войско на Абрскила. Стать силой против бессмертных он не решился и повернул голову коня к морю назад. На дальний морской берег перелетал крылатый Араш, здесь отдыхал он до тех пор, пока стекались туда рати царя, и, вновь поднявшись, умчался на другую горную вершину.

Роды Асубов и Кацубов собрались на совет: как захватить Абрскила? Силен герой — не поддается он руке смертного, неутомим крылатый Араш — словно птица перелетает он от моря к горам и с гор на берег морской. И сказал старый Джомлат Адзюбжа, хитрый знахарь из рода Кацубов:

— Все пойдемте на высокую гору Иарцаху, чтобы встретить там Абрскила, когда бог ветров подхватит на полете крылатого Араша и принесет его с всадником к нашей засаде. Свежие кожи быков, мягкую глину и воду возьмите с собой. Старый мой разум окрылен мудростью самого бога подземного царства, Джуар-Абна Ирчшаа внушил мне замысел хитрый.

С берега моря, избегая рати морского царя, летит Абрскил на крылатом Араше к дальней горе Оштену, покрытой вечным снегом. Как чайка, раскластав белме крылья, несется Араш. Но развязал Джуар-Мызыр свой кожаный мех и освободил Северный Ветер.

Страшной холодной бурей взревел тот, почуяв свободу, и ударил в крылья Араша, и подхватил его, и понес, словно оторванный лист серебристого тополя. К вершине Иарцаху мчит Северный крылатого коня, над нею несет. Крылья свои сложил Араш, на вершину быстро спустился и пал с размаху навзничь, скользнули его железные ноги по коже, разостланной по земле, покрытой мокрой глиной. Разбитого, тяжело раненного хватают враги Абрскила, стальными цепями куют, крепкими ремнями стягивают его тело. И ликуют быстроногие родичи Асубов, радуются люди из сильного рода Кацубов, торжествуют чужеземцы, стоя над бессильным, беспомощным телом.

На склон кремнистого Панау, где глубокие ущелья рассекают горный кряж, везут враги Абрскила, привязав его сырыми ремнями к его же коню. Там, в чаще кустов, есть устье пещеры. Люди зовут ее Ачквы-Тызго. В ту пещеру внесли обессиленного героя враги и приковали его стальными цепями в дальнем конце переходов.

И Даль — владельница пещеры, была поставлена стеречь Абрскила. Лишь сухой хлеб при рождении новой луны давала она ему в пищу. Так повелели враждебные ему боги, чтобы не наполнилось тело его мощью, не разбил бы он свои тяжкие оковы и не вышел бы, сильный и гордый, глумиться над властью богов.

В глубине черной пещеры долго томился закованный Абрскил. Боле-ла душа его по родной стране, сохло сердце, как земля в июле, от тоски, без вестей с родины.

Тогда пошел Созырко Ачба — верный старый друг Абрскила, с которым они крушили вместе врагов священной земли, искать богатяря. Взял с собой Созырко клубки ниток и светильники, пищи на семь дней. Не знал Созырко ходов таинственной пещеры Ачквы-Тызго. А извилисты были бесчисленные переходы пещеры, как звериные тропинки в лесу, в непроглядную тьму их то шел, то полз Созырко при мерцании светильника. Много бездонных расщелин миновал он счастливо, по кремнистым осypям соскальзывал вниз, поднимался по стенам глубоких колодцев. Смело проникал верный друг Абрскила в глубь пещеры, разматывая клубок нити, концом прикрепленной у входа. Стал гаснуть последний светильник, последний хлеб подошел к концу. Тогда лишь остановился Созырко Ачба. И вдруг издали услышал голос:

— Ты ль это, друг Ачба? Меня ль, Абрскила, ты ищешь?

— Это я, друг Абрскил. Тебя я ищу, — отвечал Абрскилу Созырко.

— Напрасно. На сколько проходишь ты вперед, на столько меня уведят дальше. Пещере же нет конца. Скажи мне, все ли живут еще на родной земле роды Асубов и Кацубов, предавшие ее чужеземцам? Есть ли еще там непрошеные гости — враги земли нашей?

— Все живут — и Кацубы и Асубы. Много еще врагов топчет нашу родную землю, — отвечал Абрскилу Созырко.

Громко застонал скованный богатырь. Словно гром, прокатился его голос по переходам пещеры — и все стихло. Сколько ни звал друга Созырко, но не откликнулся больше Абрскил, очевидно, далеко увели его.

На четвертый лишь день после того вышел из пещеры Созырко Ачба, держась за нить, протянутую от входа. Чуть живой от стужи и голода вышел. С тех пор забыта дорога туда. Так говорят, так рассказывают старики...

2

Абрскил сражался со злыми людьми, защищая свою родину. Он обладал небывалой силой и мог справиться с любым врагом. Герой имел и еще одну очень важную особенность. Стоило ему взглянуть на оружие врага, как оно немедленно ржавело, пользоваться им становилось уже невозможно. Никто не мог победить Абрскила. Однажды, схватив огромный камень, он стал подниматься с ним в гору, но у самой вершины поскользнулся и уронил его. Рассерженный Абрскил взмахом сабли рассек огромный камень пополам. Обе его половины и сейчас лежат у подножия горы, недалеко от селения Члоу.

Абрскил всегда думал о народе и стремился облегчить тяжелый труд земледельцев. Всюду в Абхазии он появлялся на своем необыкновенном коне — Араше. Абрскил был очень горд и не хотел преклоняться даже перед богом, чем навлек на себя его страшный гнев. По приказу бога ангелы преследовали Абрскила, чтобы поймать и заточить его в пещеру. Но не так-то легко было это сделать. На своем необыкновенном коне герой без труда ускользал от преследователей. Так бы и не удалось ангелам догнать Абрскила, если бы не коварная уловка, которую подсказала им злая старуха-волшебница.

На вершине горы Иарцаху, куда часто приезжал Абрскил, они растянули бычью шкуру, на которой рассыпали скользкое просо. Когда конь его прыгнул на вершину горы, он поскользнулся и упал. Ангелы схватили Абрскила и заключили в мрачную Чилоускую пещеру, где он томится по сей день. Конь остался верен своему хозяину, он стоит рядом с ним и усиленно лижет цепь, которой прикован Абрскил к каменному столбу в пещере. Когда цепь становится тонкой, как нитка, и богатырь пытается разорвать ее, она вновь приобретает прежнюю толщину. И так продолжается без конца.

Карстовая Пещера Абрскила находится у сел. Отап, у подошвы южного предгорья Панавского (Кодорского хребта). Она образовалась в третичный период и состоит из ряда залов, украшенных сталактитами и сталагмитами. Расположенные внутри нее мелкие озера соединяются между собой подземным ручьем Ачкитыага («речка, выносящая назов»).

Эта горизонтальная пещера имеет большую глубину и доступна для осмотра лишь на протяжении 2 км. К пещерным залам ведет узкий труднодоступный ход, переходящий затем в широкий туннель, через который можно попасть в «Зал Алашара» («Зал Люстры»), затем следует «Зал Легенд». Примерно в 300 м от входа, на втором ярусе пещеры находится большой «Зал Абрскила». Стены его покрыты ажурными натечными драпировками и занавесями. В конце зала высится сталагмит-гигант — более 6 м в обхвате. Поблизости стоит второй сталагмит несколько меньших размеров, который абхазцы называют Абрскил-игуаша («столб Абрскила»). К нему, по преданию, и был прикован богоборец Абрскил. Дальше за «Залом Абрскила» идет «Зал Ашашал» («Зал Драпировок»), затем на расстоянии 900 м от входа расположен «Зал Абгарра» («Зал Баррикад»). Пещера заканчивается небольшим водоемом, в стене которого есть узкое отверстие.

Веря в достоверность легенды об Абрскиле, окрестные жители долгое время не посещали эту пещеру, боясь навлечь на себя гнев богов. Только в 1820 г. Абрскилову пещеру впервые посетил житель сел. Члоу Даурква Ачба. В мае 1875 г. его внук Хабуг Ачба в сопровождении нескольких односельчан также побывал в пещере и осмотрел значительную ее часть. Спустя 13 лет ее посетил учитель-краевед В. Гарцкия, который записал легенду об Абрскиле со слов Хумпурия-Тужбы и опубликовал ее вместе с некоторыми другими абхазскими легендами. Запись В. Гарцкия представляет собой наиболее полный вариант из существующих об этом народном герое (Ш. Х. Салахая. Абхазский народный героический эпос, стр. 12).

Образ Абрскила в абхазских народных легендах подвергался многократным интерпретациям. В одних он выступает защитником родины от иноземных поработителей и внутренних врагов. Здесь слышатся отголоски многовековой борьбы абхазов с римскими, византийскими, турецкими и иными завоевателями, а также родовых междоусобиц, некогда разорявших страну. «Он не щадил себя во время нападения соседних народов на Абхазию и беспощадно мстил врагам своей родины», — говорится в одном из вариантов легенды. В других вариантах особенно подчеркивается мотив богоборчества Абрскила, а в некоторых из них он изображается жестоким и злым человеком, насильником, против которого восстают не только боги, но и население страны.

В варианте, записанном от сказителя Г. Адлейбы, Абрскил, например, сначала выступает гордым и непримиримым антагонистом бога, а затем превращается в покорного его слугу, страстного проповедника христианства.

Такого рода попытки компрометации героического образа и тенденциозная трактовка его с позиции имущих классов и духовенства — явление не столь редкое в устном народно-поэтическом творчестве.

Абхазские легенды об Абрскиле очень близки к многочисленным сказаниям и легендам других кавказских народов о великанах, прикованных к скалам или заключенных в пещеры. Двойниками Абрскила

можно считать в грузинском фольклоре Амирани (Амириани), у армян — Мьера, у адыгов — Старца Длиннобородого, прикованного к вершине Ошхамахо (Эльбрус). Легенды об Абрскиле обнаруживают близкое типологическое сходство с известным греческим мифом о Прометее.

«О происхождении этого цикла легенд, — отмечал известный советский этнограф Г. Ф. Чурсин, — и об отношении его к героическому мифу о Прометее высказывались самые различные соображения. В прежнее время в этих сказаниях видели отголосок греческого мифа о Прометее (например, Л. Г. Лопатинский и др.). Академик Н. Я. Марр выступил с противоположным взглядом, согласно которому легенда о прикованном великане представляет из себя оригинальное произведение кавказского яфетического мифа, заимствованное древнегреческими колонистами и через них ставшее известным в самой Греции и претворившееся там с течением времени в сказание о Прометее. В. Ф. Миллер еще в 1883 г. высказал по этому вопросу особое мнение: греки имели свое сказание о Прометее, а у кавказских народов были свои легенды о прикованном или заключенном великане» (Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Грузии, стр. 245). Известный советский ученый проф. М. Я. Чиковани по этому поводу замечает: «Подмеченное греческими авторами сходство героя местного сказания с Прометеем, воспроизведенным греческими поэтами, дает нам право заключить, что в Грузии задолго до христианства существовал двойник мифа о Прометее» (М. Я. Чиковани. Амириани. Грузинский эпос. Тбилиси, 1960, стр. 41). Об абхазских легендах о прикованном или заточенном в пещере великане писали античные авторы Аполлон Родосский — III в. до н. э., Страбон — I в. до н. э., Арриан — II в. н. э., Филострат — II в. н. э. и др. (См.: Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. «Вестник древней истории», 1947, № 3, 4; 1948, № 1, 2).

Мотивы легенды о бесстрашном герое-богборце неоднократно использовались поэтами Абхазии в их художественном творчестве. Еще в 1910 г. основоположник абхазской литературы Д. И. Гулиа создал яркое поэтическое произведение «Абрскил», основанное на народном эпосе. Проникнутое духом исторического оптимизма, освещенное глубокой гуманистической идеей, это произведение воспевае бессмертие борца за свободу:

Молвят, будто и доньше Абрскил, по воле рока,
Околдованный в пещере, ждет назначенного срока.
Обойдет потом всю землю — от заката до востока
Добрый друг, защитник слабых, победитель без упрека.

(Д. Гулиа. Избранные произведения. М., 1958, стр. 12—13).

Своеобразной трактовкой образа легендарного Абрскила отмечен также роман в стихах «Абрскил» абхазского поэта В. Анквабы. Публикуемые здесь варианты легенды об Абрскиле взяты из кн.: В. Гатуца. Абрскил (абхазское предание). «Юная Россия», 1907, № 2.

Давным-давно, когда не знала еще прекрасная земля Апсны ни ветра, ни дождя, ни снега, ни града, а в горах был суший рай, жили здесь люди, каких теперь не увидишь. Ростом они были очень малы: папоротниковые заросли казались им лесом. Но проворны были они и сметливы. Могли незаметно подоить оленя и перелететь с места на место на горном орле. Озера для них были морями, а ручьи казались реками, бурными, без берегов. Ацаны — так называлось это племя карликов. Были они богаты и счастливы, ибо имели много солнца, и много воды, и много пищи всякой, и не было у них на земле врагов.

Однажды, когда жили ацаны обычной жизнью — обрабатывали землю, пасли свои стада, наслаждались теплом и покоем, — спустилась с неба в их дом-крепость — ацангуара — золотая люлька. А в этой люльке лежал прекрасный младенец. Обрадовались ацаны, ибо не ведали они богов и не знали знамений. Воспитали ацаны мальчика, а когда подросток он и научился языку ацанов, спросил воспитателей своих:

— Неужто вы так ничего и не боитесь и никто победить вас не может?

Простодушны были ацаны, доверчивы. Ибо не ведали они зла и зла никому не творили. И открыли они юноше тайну своей извечной бязни:

— Ничто в мире нам не страшно. Лишь бы не пошел вдруг с неба снег ватный на землю и не загорелся бы он.

Только успели молвить это, как исчез вдруг прекрасный юноша невесте куда. И заметил тогда старейший из ацанов — Большой Отец, что у одного козла из общего их стада зашевелилась вдруг борода. А ведь не знала до этого страна ацанов ветра.

— Горе нам, — сказал Большой Отец. — Воспитали мы младенца, сплотившегося с неба, себе на беду. Смотрите, ветер все крепчает. И тогда увидели ацаны, как длинная борода у козла затрепетала под его дуновениями, а потом сделалось темно и выпал снег — случилось то, чего больше всего боялись ацаны. И вспыхнул вдруг снег ватный, и сгорело все, что было у ацанов, и сами сгорели они дотла.

Что осталось от них до наших дней? Только каменные изгороди и развалины ацангуара. Вы увидите их, если подниметесь невысоко в горы...

В 1928 г. проф. Г. Ф. Чурсин со слов известного абхазского сказителя Шача Чукбара в сел. Калдахвара Гудаутского р-на записал некоторые подробности о пигмеях-цанах (ацанах). Для сравнения приведем текст этой записи: «...Цаны находились в молочном родстве с богом, так как у них воспитывался сын божий. Бог много раз собирался истребить цанов, но из родственных чувств щадил их и оставлял в покое. Наконец, терпение его, должно быть, лопнуло. Однажды он спросил сына, поче-

му до сих пор живет этот народ? Бессмертны они, что ли? Тогда сын божий, придя на землю, спросил цаниев, кто и что может их уничтожить. Цаниев сказали — пуля нас не возьмет и никакое войско не победит, боимся мы только одного: если упадет с неба вата и ее подожгут, то мы погибнем. Возвратившись к отцу, сын передал ему то, что узнал. Спустил некоторое время бог, разгневавшись на цаниев, сначала наслал на них ветер (борода у козла стала развеваться), а затем с неба начала падать вата; небесный огонь воспламенил ее, цаниев сгорели». (Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957, стр. 229).

В нартских сказаниях абхазов о гибели ацанов рассказывается следующее:

«Ветер все крепчал. Он гнал много туч, тучи ступились, из них посыпался на землю снег. Но снег не обычный, а из хлопка. Каждая снежинка была кусочком хлопка.

Долго шел снег. Когда намело его высотой в сажень, то небо очистилось от туч, показали яркие звезды. И самая яркая из звезд полетела вниз, прямо на землю ацанов. Звезда подожгла хлопок, и в бушующем огне сгорели все ацаны». («Приключения Нарта Сасрыквы и его девяноста девяти братьев. Абхазский народный эпос». М., 1962, стр. 236—237).

Своеобразные каменные постройки, называемые в народе «ацангуара» («ограды карликов»), разбросаны всюду в альпийской зоне и на перевальных дорогах горной Абхазии. Ограды сложены из ломаного камня без раствора, достигают высоты 1,5 м. Отдельные каменные глыбы весят 15—20 пудов. Площадь отдельных «ацангуара» достигает 40 кв. м, а площадь комплексов — до 300 кв. м. Вблизи каменной группы «ацангуара» обязательно имеется родник.

Впервые эти ограды были зафиксированы русским ученым-ботаником, выдающимся исследователем Кавказа Н. М. Альбовым (1866—1897) в конце XIX в., который записал один из вариантов легенды об ацанах. Относительно назначения этих своеобразных построек древности имеется несколько точек зрения. Одни ученые полагают, что ограды являлись снегозадержателями на древних перевальных путях и служили пунктами укрытия в непогоду. Абхазский этнограф Ц. Н. Бжания, подробно изучавший «ацангуара», пришел к выводу, что в раннее средневековые эти ограды служили загонами для мелкого рогатого скота (Ц. Н. Бжания. Из истории хозяйства абхазов, Этнографические очерки. Сухуми, 1962, стр. 199).

В 1962 г. нами были обнаружены интересные каменные сооружения пирамидальной формы в густых зарослях западного склона горы Аныхамца (Мсыгхва) в окрестностях Нового Афона. Эти постройки выложены также из камня без раствора. У местных жителей эти постройки носят название «ацангуара» (Предварительные данные об аныхамцинских ацангуарах см.: В. П. Пачулиа. «В краю золотого руна». М., 1968, стр. 93).

«Ограды карликов» иногда имели и культовое назначение. По существовавшему в прошлом у абхазов поверью, в горах жили горные духи, называемые «Ашха инцеаху» («покровители гор»). От них зависела якобы безопасность и удача пастухов, охотников и путешественников. Местом их обитания считались неприступные обрывистые вершины. Поэтому на горных пунктах имелись специальные жертвенные места, куда клали различные предметы — наконечники стрел, ножи, пули, доскутья и другие предметы, чтобы умилостивить духов. Эти жертвенники назывались по-абхазски ахча-ахыку — «места, где лежат стрелы» (Ш. Д. Инал-ипа. Абхазы. Сухуми, 1965, стр. 526—527). Ахча-ахыку называли также абхазы и некоторые «ацангуары», которые одновременно выполняли в этом случае функцию жертвенников. «К таким памятникам старины местное население питало большое уважение и совершало жертвоприношения горному духу» («К истории побережья». «Черноморский край», 17.IX 1911).

Поскольку эти ограды были частично разрушены временем, их незначительная высота наводила впоследствии местных жителей на мысль о маленьких низких постройках, которые якобы были жилыми помещениями карликов. В районе озера Рица, на склонах горы Рихва, обращенной к р. Лашипсе, расположена большая группа «ацангуара», которую абхазы называют «городом карликов» (М. М. Иващенко. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Тифлис, 1935, стр. 81).

В настоящее время профессором Ш. Д. Инал-ипа выявлены и изучены новые группы «ацангуара» в различных районах Абхазии.

По мнению члена-корреспондента АН Грузинской ССР проф. А. М. Апакидзе, абхазские «ацангуара» датируются концом II тысячелетия до н. э. (см.: Д. Коридзе. Позаботимся о защите случайно обнаруженных археологических памятников. «Друзья памятников культуры», вып. 15, Тбилиси, 1968, стр. 39).

Современная наука не располагает данными, которые подтверждали бы историчность предания о предшественниках древних абхазов — ацанах. По мнению советского этнографа Ш. Д. Инал-ипы, это предание «может быть отражением своеобразного быта карликов, если только их реальное существование на Западном Кавказе когда-нибудь в прошлом будет доказано археологическими исследованиями. Это, правда, маловероятно, но все же нельзя считать совершенно исключительным, учитывая распространение малорослых племен в настоящее время или в глубокой древности на всех континентах Старого и Нового Света, в том числе и в сравнительной близости от Кавказа — Египет, Сицилия» (Ш. Д. Инал-ипа. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, 1971, стр. 147).

Наряду с легендами о великанах, в абхазо-адыгской и осетинской мифологии повествование о племенах карликов «с мизинец ростом» (абх. — «ацаны», адыг. — «спи», осетин. — «бцента») является древнейшим из дошедших до нас произведений устного народного творчества

абхазов. Это произведение носит отчетливо первобытно-синкретический характер и может рассматриваться как абхазский вариант представлений о якобы существовавшем «золотом веке» человечества. Ацаны — это малорослое, но разумное и сильное племя, обитает в мире «блаженного времени первотворения», не знающем пороков, войн, корысти. Их активное начало стало в какой-то мере проявлять себя лишь после того, как природную доверчивость этого первобытного коллектива бог, обратил в зло, приведшее к полному уничтожению ацанов. Богоборческие мотивы переплетены в легенде с мотивами рока и пессимизма, беззащитности перед ниспосланной богом карой.

Легенда об ацанах распространена во всех районах Абхазии. Публикуемый вариант записан в 1959 г. в сел. Отап от сказителя Мачкука Адлейбы.

Сказание о возвращении огня

*

В давние-давние времена, когда тучные земли Абхазии были сплошь покрыты густым лесом, а горы зеленели под жарким солнцем и не знали еще вечных снегов, жили здесь прекрасные сильные люди. Жили дружно и весело. Природа щедро дарила им плоды и мясо диких зверей. Чистые реки несли этим людям прохладные воды... Словом, беззаботно жили они, ибо им не стоило большого труда добыть себе пищу или найти кров — краем избылиа была тогда древняя Абхазия. И было единственное, чем дорожили эти люди, что оберегали пуще глаза своего, — огонь. Этот огонь горел уже сотни лет на вершине холма, люди не давали ему погаснуть, ибо жило среди них поверье: не будет огня — не быть счастливой их жизни. Но однажды случилось так, что ливень погасил вечное пламя. Не уберет его нерадивый соплеменник. Люди пришли на холм и с ужасом увидели, что вместо жаркого многометрового пламени в священном очаге курился жалкий дымок. И пошел тогда среди людей великий плач. В панике они забыли о том, что дыма не бывает без огня. Покурившись с полдня, очаг угас навсегда. А люди? Они по-прежнему предавались плачу и стенаниям, ибо свято верили в предсказание своих пращуров. Тогда встал самый старый и многоопытный из них и спросил людей, не ведают ли кто секрета добычи огня? Ответом ему было молчание. «Тогда погибать нам», — промолвил старик. И тут из-за черных туч вышло огромное солнце, и старца озаорило: «А не найдется ли среди нас смельчак, который бы достал с неба кусочек раскаленного солнца?» Люди в недоумении поглядывали друг на друга. «Нет, такого не найти меж нами, не найти», — шептали они. Но вдруг толпа зашевелилась, раздалась, и на середину вышел юноша неопишуемой красоты. «Это Амра... Его зовут Амра» — заговорили люди. Они хорошо знали Амру. Красота и смелость воплощались в юноше.

— Я достану кусочек солнца! — сказал юноша твердо. — Мы, однажды потерявшие огонь, можем вновь обрести его. Но кусочек солнца, не слишком ли это много для маленького народа?

— Нет, нет, — закричали люди. — Возьми, Амра, наши руки в помощь себе, только добудь для нас скорее обещанное.

— Хорошо, — сказал юноша.

И три дня, и три ночи народ под руководством Амры делал гигантский лук. Высотой этот лук был в сотни и сотни локтей. А тетиву для него свили из жил тысячи быков. Наконец по истечении третьей ночи люди подняли гигантский лук со стрелой на вершину самой высокой горы Эрцаху. А солнце к тому времени уже стояло в зените. Тысячи людей натянули тетиву. Амра тщательно прицелился. И свершилось чудо: стрела угодила прямо в центр солнца. Солнце затрепетало от боли, уронив слезинку. Очень скоро слезинка достигла земли, и жарко вспыхнул тысячелетний лес. Дымом были устланы три месяца долины нашей земли. Огня было много, но исчезли леса, живьем сгорела дичь и обмелели реки.

— Ты вернул нам огонь, но ты лишил нас пищи, — упрекали люди Амру. — Теперь не жить нам безбедно. Уходи от нас, юноша, принесший несчастье.

— Хорошо, — сказал Амра, — я уйду. Но пусть печаль, поселившаяся в ваших сердцах, исчезнет вместе со мной.

Сказал так Амра и вмиг превратился в солнечный луч, который заиграл на лице ребенка.

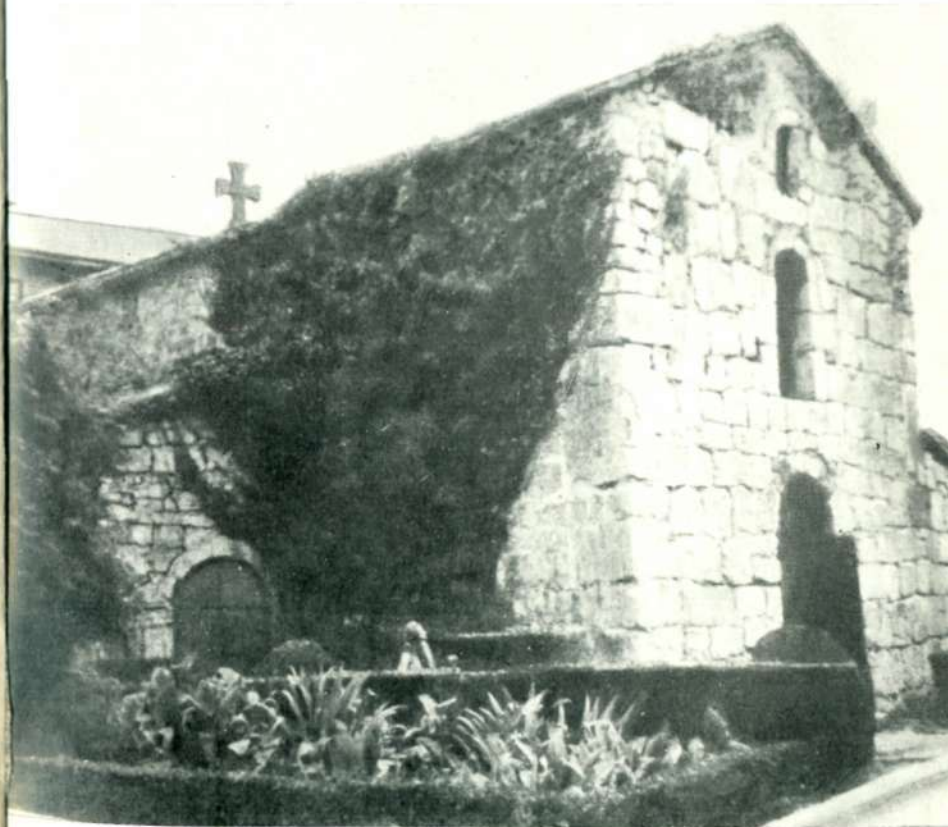
С тех пор обильно растут леса на нашей земле только в предгорьях. Но зато тучна и плодородна земля у подножия гор. И растут тут разные плоды, и живетя счастливо людям под солнцем, которое по-абхазски зовется «Амра».

Амра — древнеабхазское языческое божество солнца. настолько было сильным поклонение этому божеству, что даже при строительстве православного Пскальского храма в раннесредневековое время на конусообразной вершине горы Пскал в алтарной преграде мастер нанес его изображение.

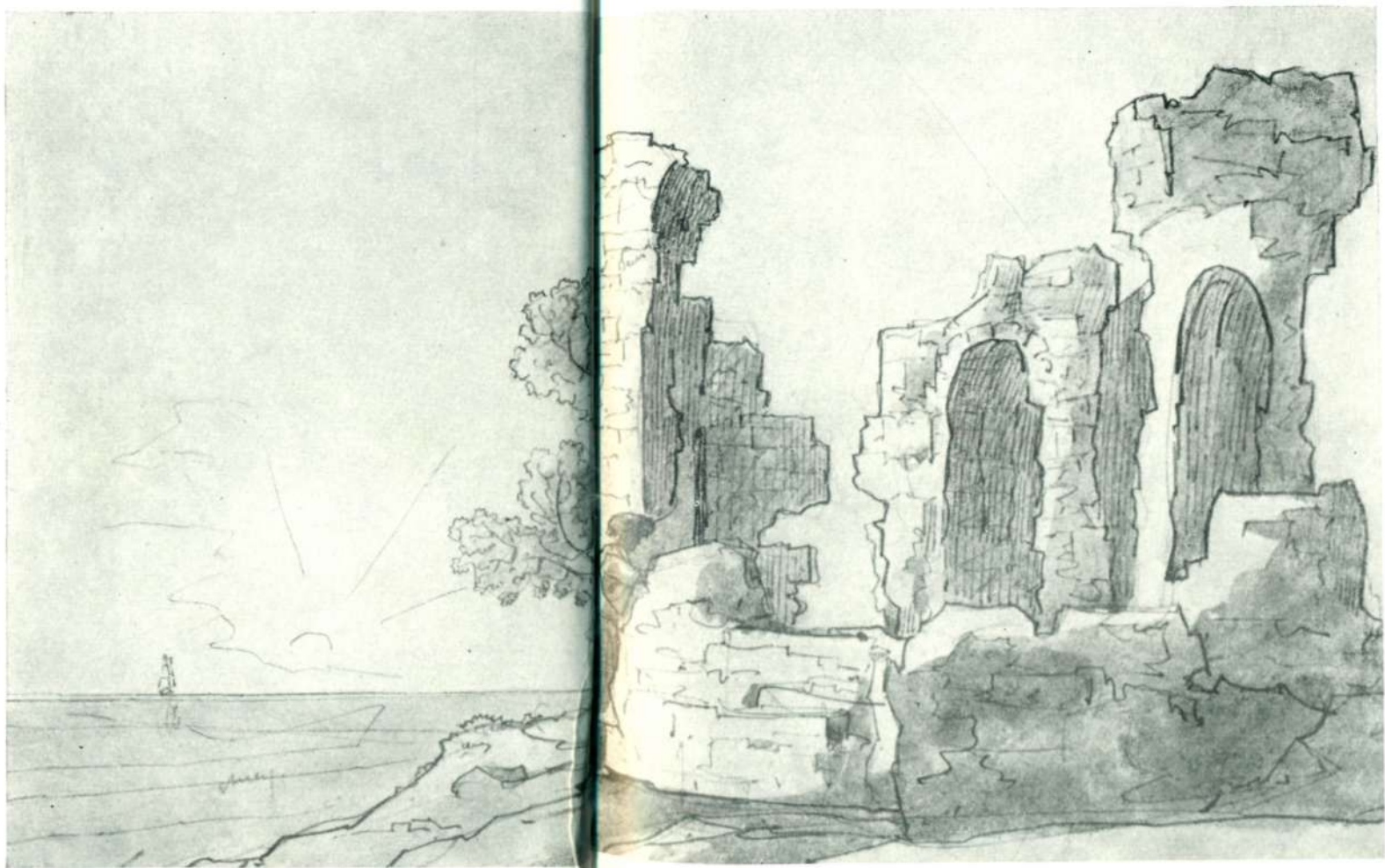
Упомянутая в легенде гора Эрцаху названа самой большой, поскольку так сложилось издревле народное представление, хотя в действительности Эрцаху ниже горы Домбай-Ульген, находящейся также в пределах Абхазских Альп.

Легенда принадлежит к наиболее древнему пласту абхазского народно-поэтического творчества.

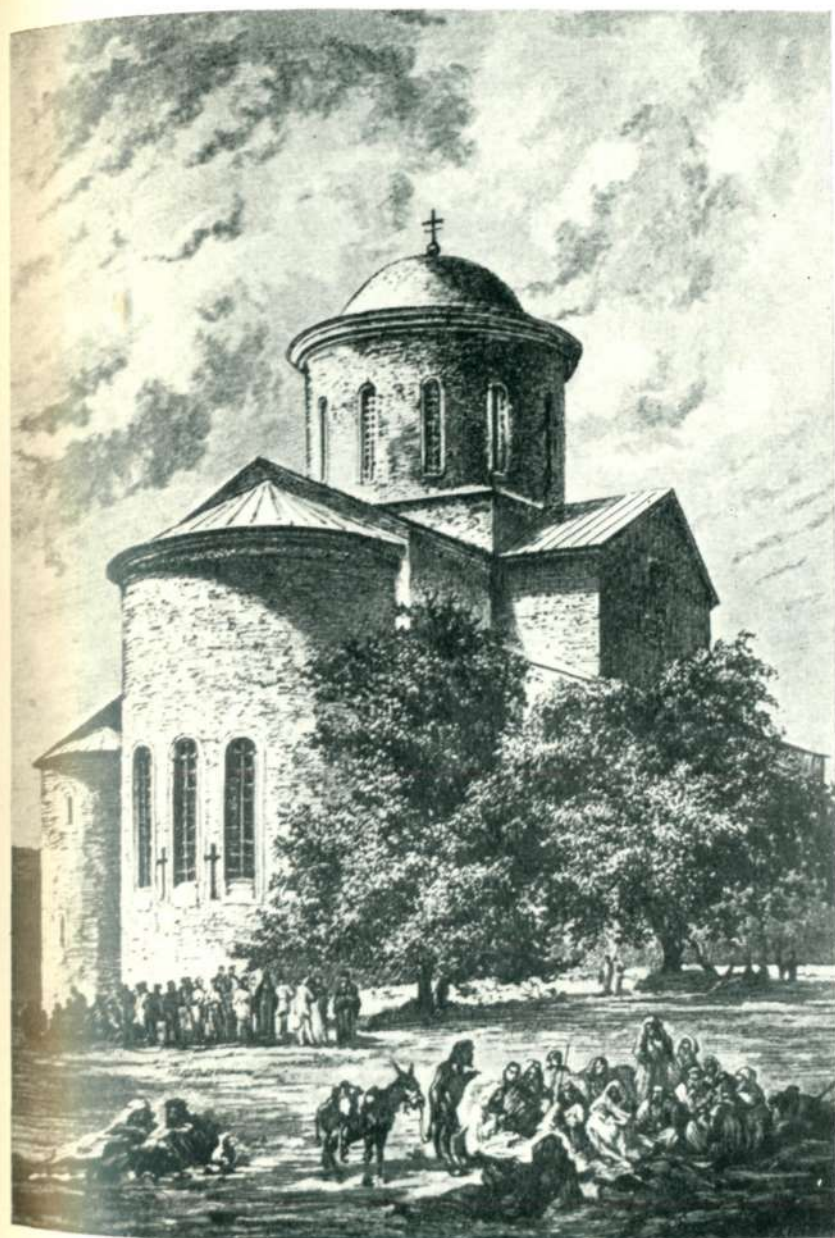
Гагрская крепостная церковь
(VI—VII вв.)

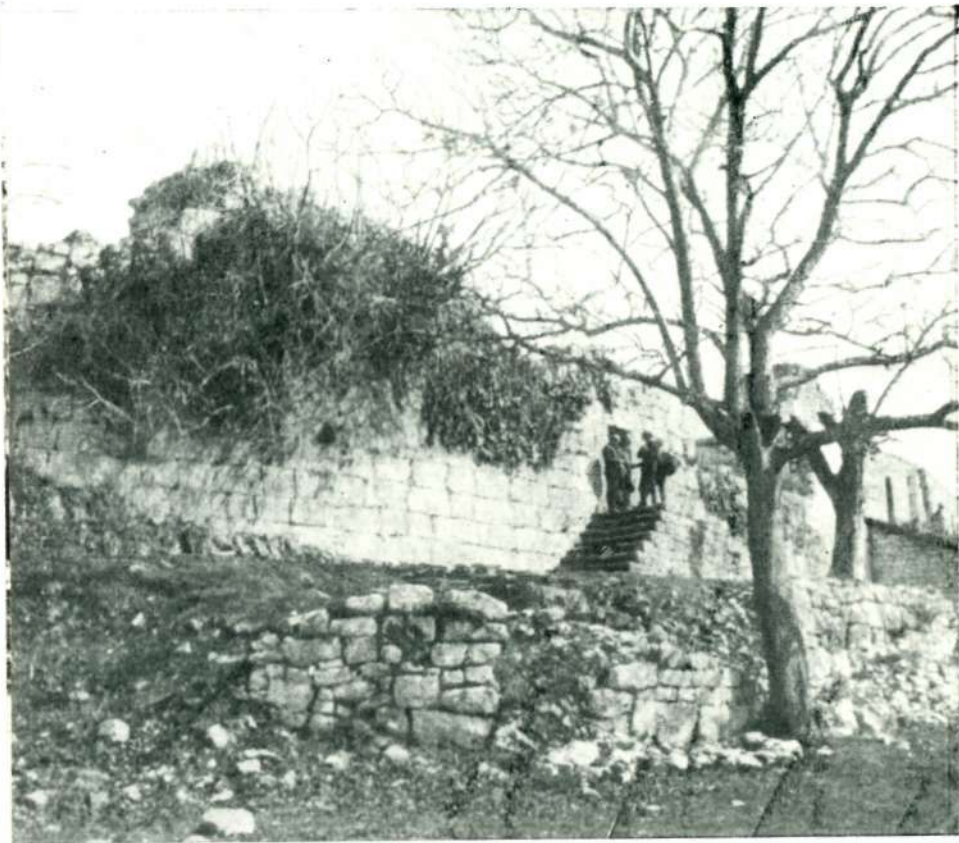
Развалины храма в окрестностях Гудауты.
Рис. акад Н. Г. Чернецова (1836 г.)

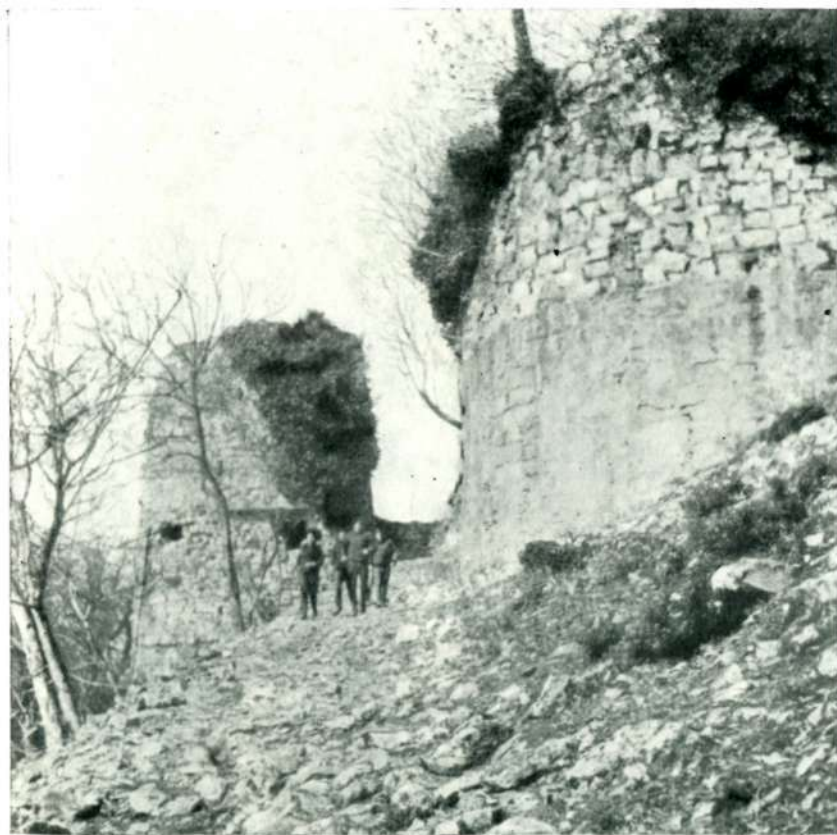
Абреки в горах.
Картина неизвестного художника (XIX в.)

Акрополь древней Анакопии

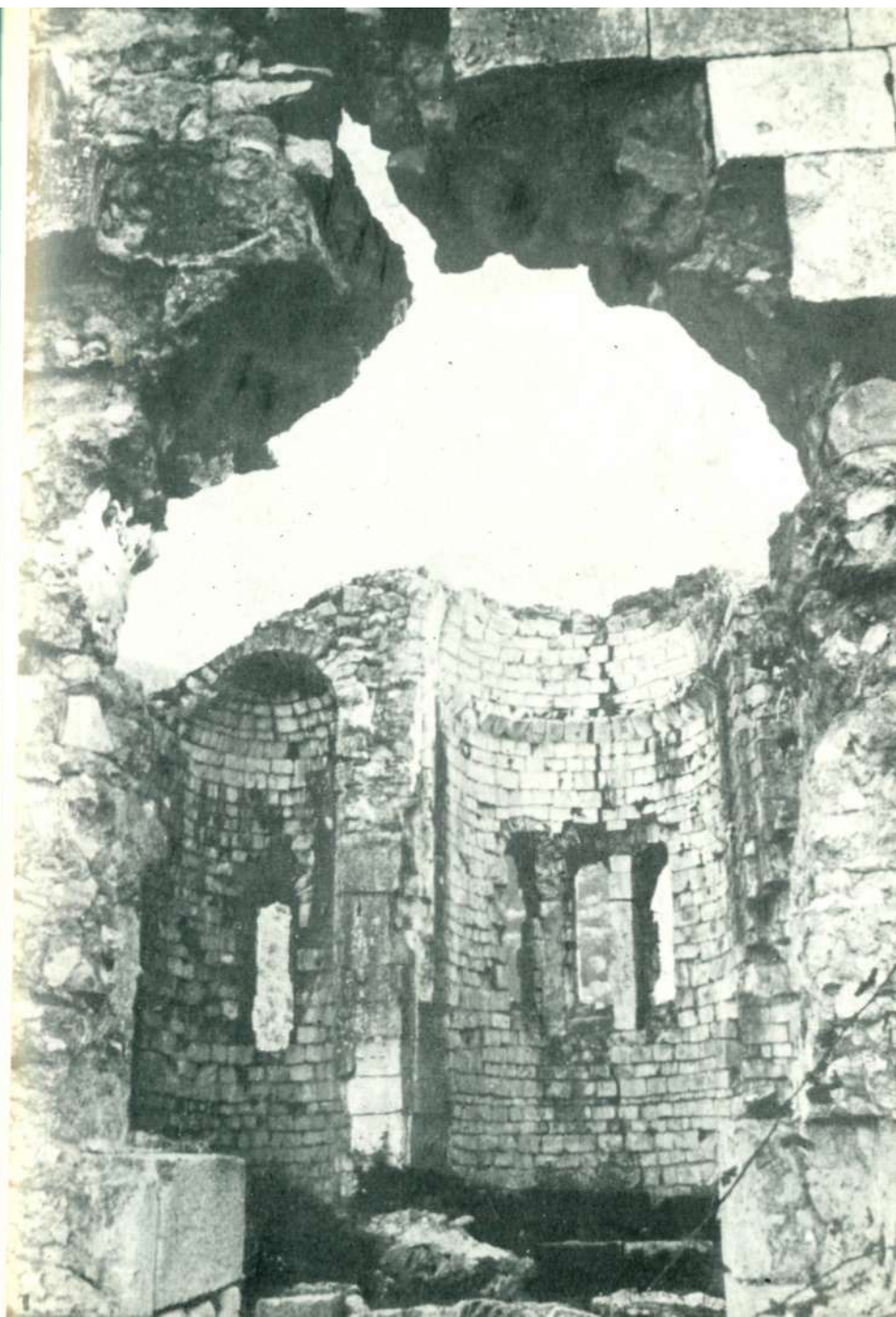

*Остатки воротной башни
Анакопийской цитадели*

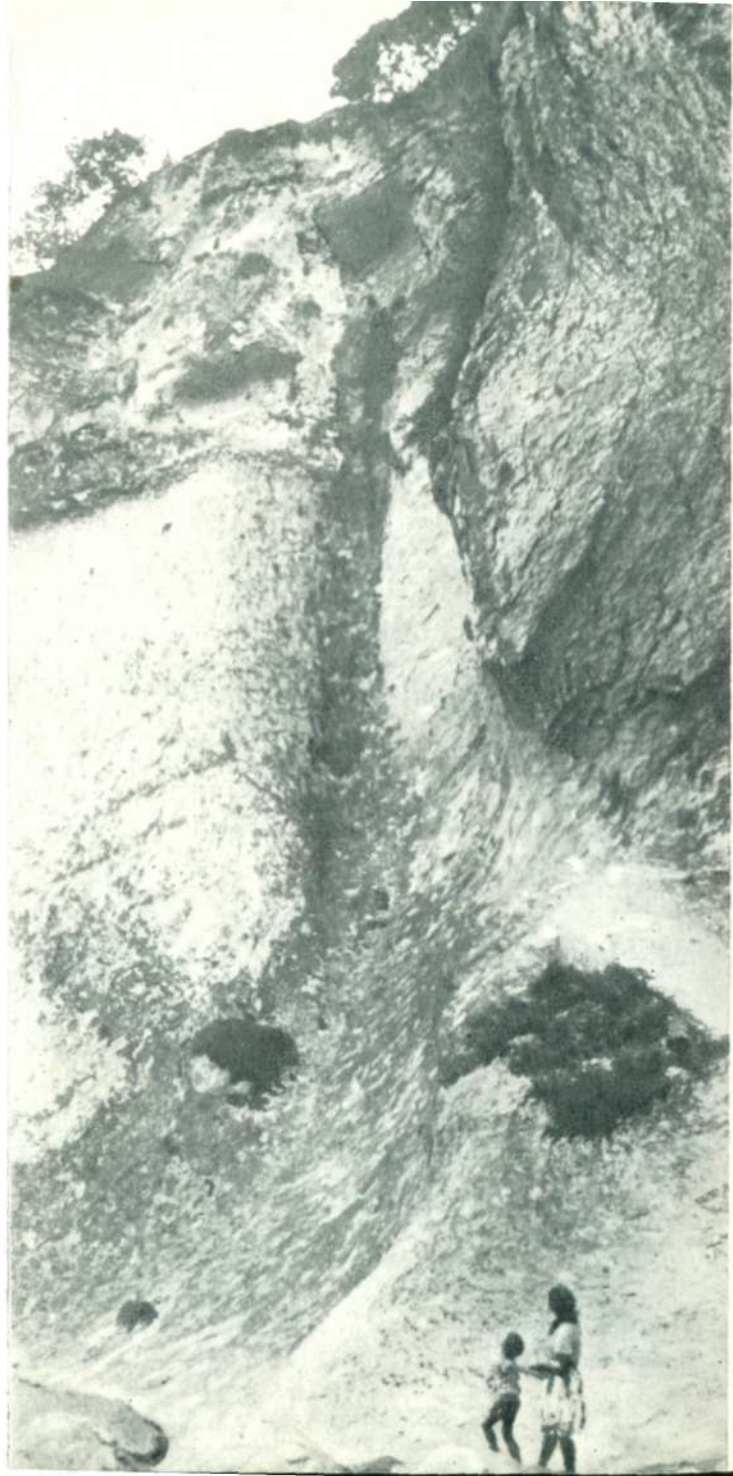

Руины Бзыбского храма →

Бзыбская крепость

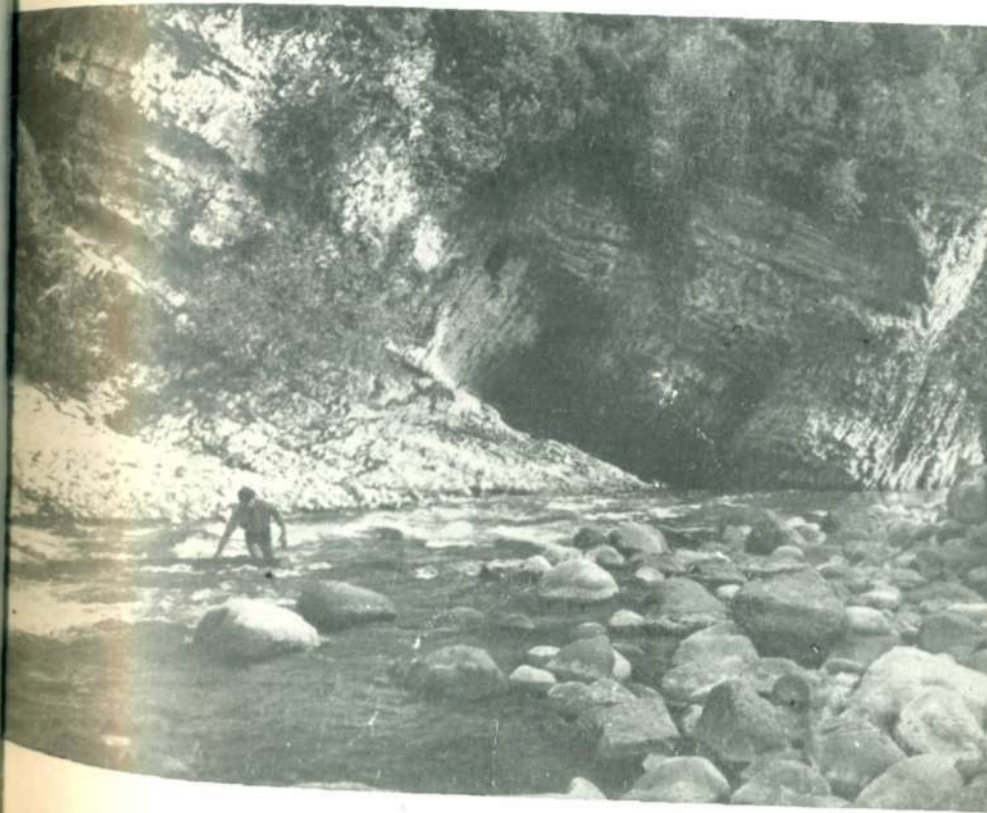

← Скала, где находится Келасурский
пещерный замок

Вход в Келасурские пещеры

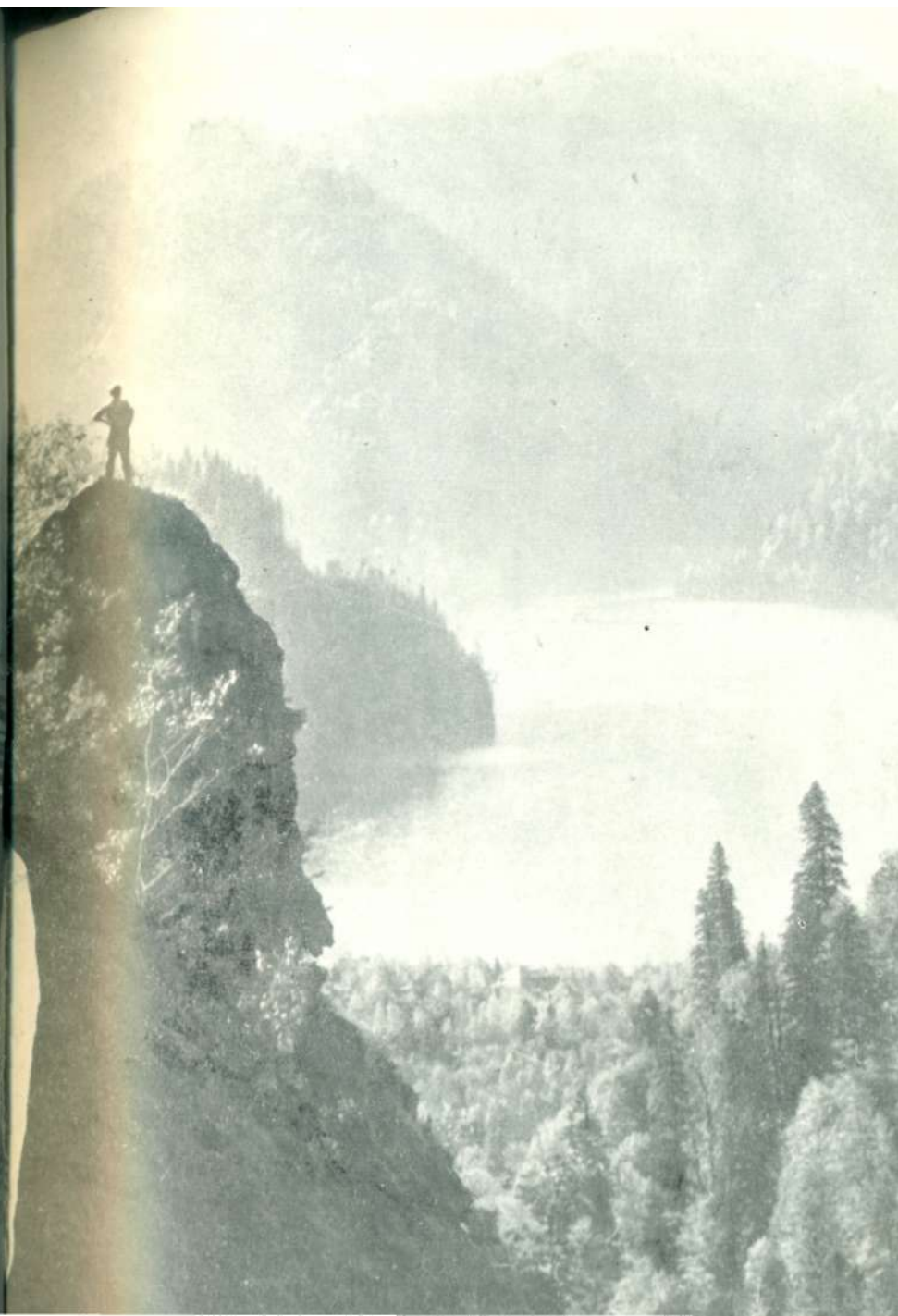
Беслетский мост

Остатки крепости Чиркс-Абаа

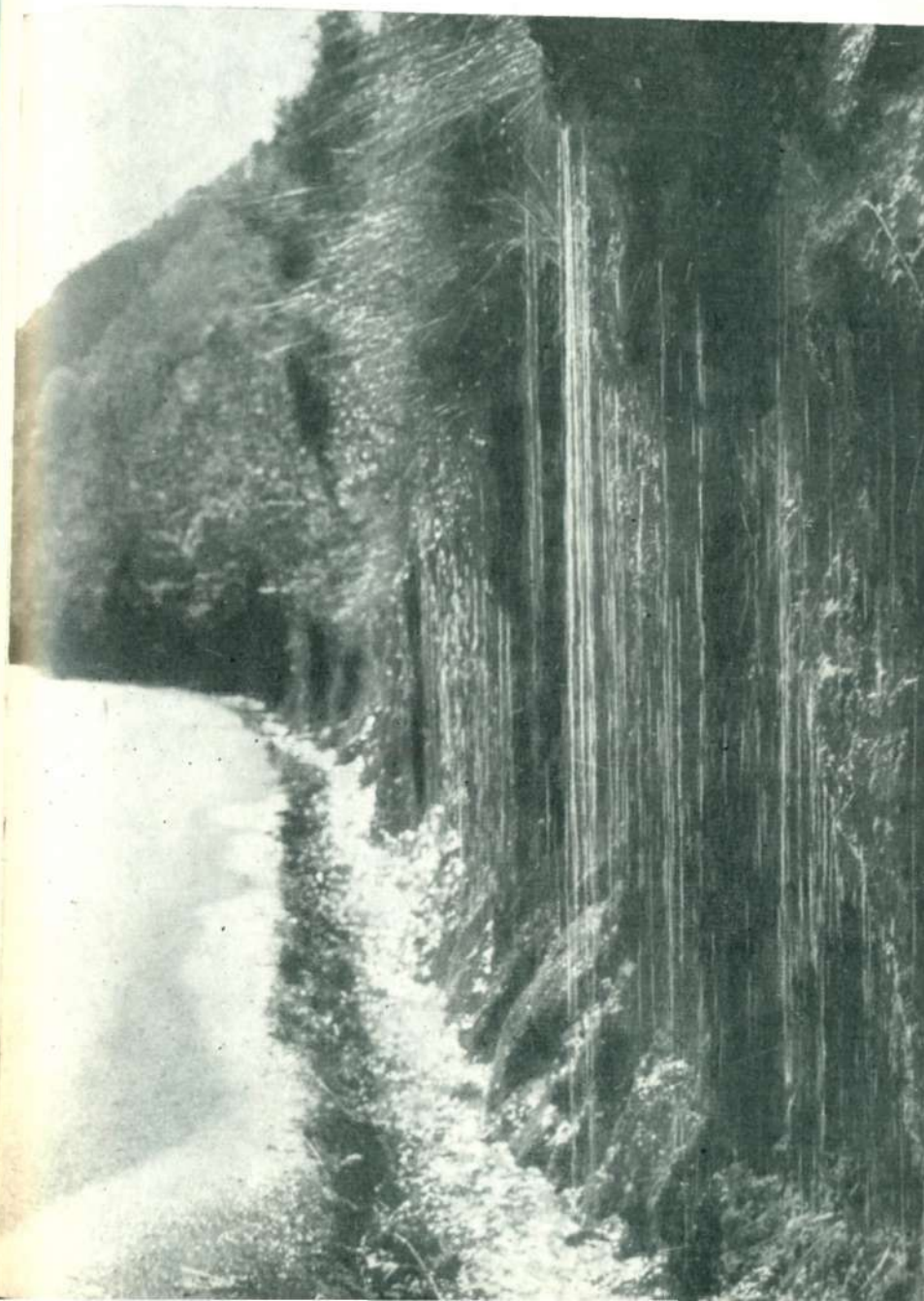
Вид на Моковский собор

Дорога на озеро Рица. Гегское ущелье

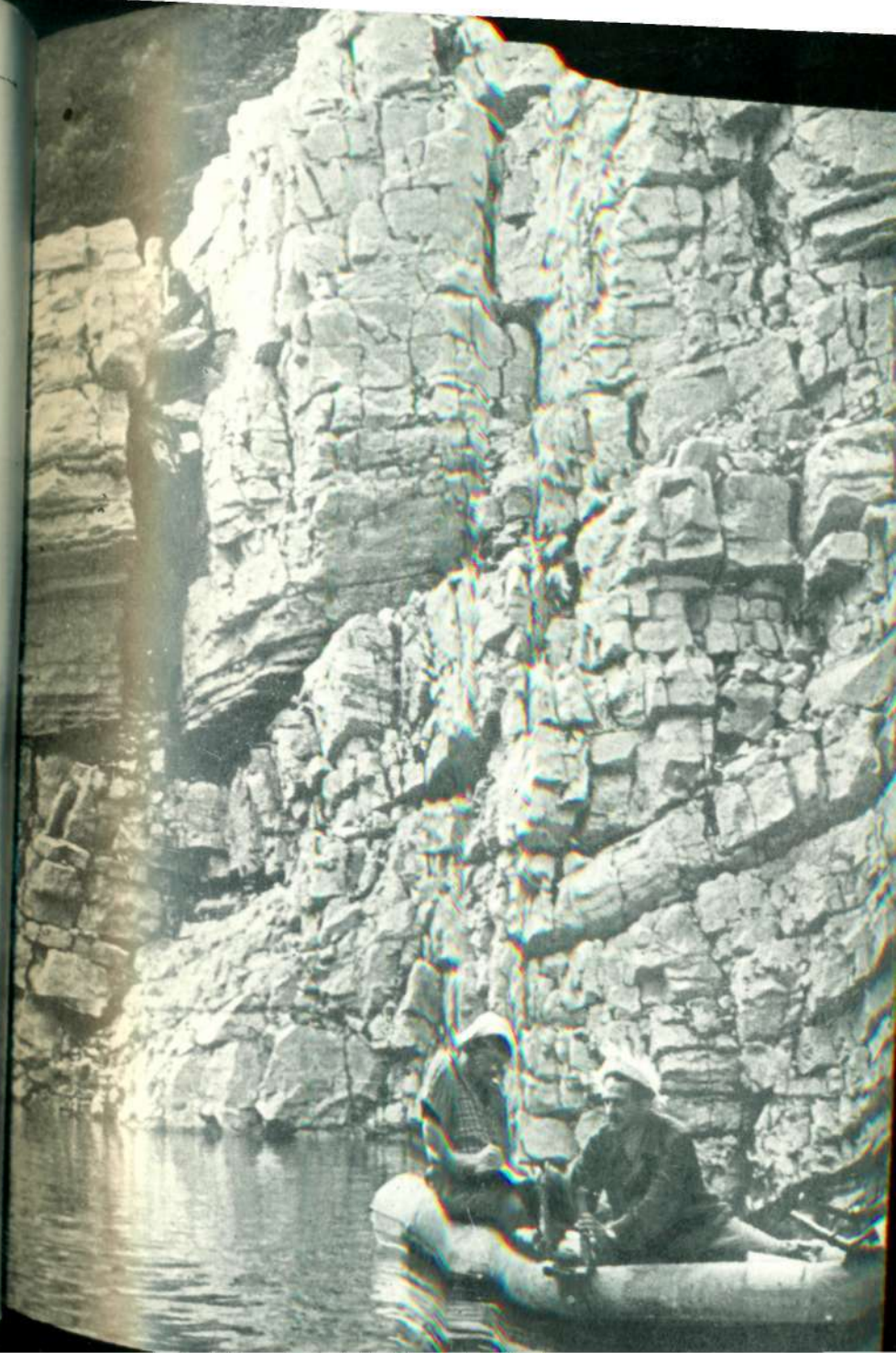

Водопад «Девичьи слезы»

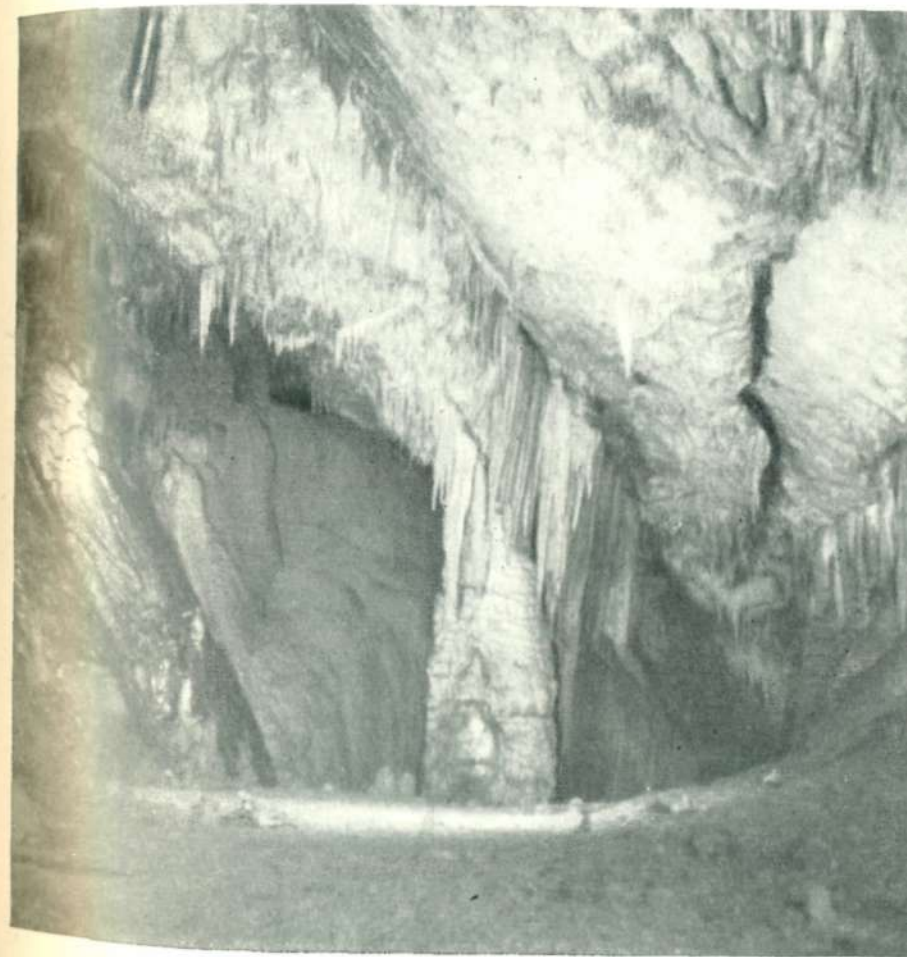
Скалы над озером Амгел

Озеро Амгел

«Зал Абршила»

Было время, когда люди не умели считать. Не зная счета, они не знали и смерти. И вот как-то девятисотлетний молодой человек из местности Мур-Абаа решил жениться на одной шестисотлетней девушке. По указанию отца, который достиг уже довольно зрелого возраста, — четырех тысяч восьмисот лет, юноша в сопровождении друга отправился свататься. Когда они пришли в дом невесты, друг обратился к ее отцу.

— Этот юноша, — сказал он, — хочет жениться на твоей дочери.

Тут вмешалась мать девушки.

— Слушай, — сказала она, — дочь моя еще так молода, как же она сможет вести твое хозяйство?

Жених только улыбнулся в ответ и промолчал. Отец девушки оказался сговорчивей и согласился выдать дочь. Вернувшись домой, юноша рассказал отцу во всех подробностях, как прошло сватовство, не забыв упомянуть, что он улыбнулся, услышав о молодости невесты.

— Что же тут смешного? — с удивлением спросил отец. — Ведь она и в самом деле совсем еще девочка.

Сын ответил:

— Я не могу сказать тебе, почему я улыбнулся.

— Как, ты мне не доверяешь? Тогда мне не стоит жить, — сказал оскорбленный отец.

— Не настаивай, отец, — упрашивал сын, — тебе будет очень горько услышать всю правду.

Но отец схватил кинжал и приставил его к своему сердцу.

— Ну что ж, — со вздохом сказал сын. — Если так, то слушай: когда мать сказала, что такой молодой девушке трудно будет вести хозяйство, я спросил себя, а сколько ей лет? И ответил — шестьсот. И в тот же момент подумал, что если сейчас мы смотрим на шестисотлетних как на молодых, то скоро наступит время, когда хорошим сроком жизни будет 100 лет, а в Абхазию придет смерть, и первой ее жертвой станешь ты.

Так оно и случилось. Потому что едва он понял смысл счета меры, пришло и неотъемлемое понятие всякой меры — конец, т. е. смерть.

Легенда записана со слов сказителя Чики Пачулиа в 1969 г. В сел. Поквеш сохранились до наших дней развалины крепости и храма, носящих имя Мур-Абаа. С ними местное население связывает и другие легенды.

Однажды все сто нартвов надели доспехи, наполнили добротные мешки медовыми лепешками, оседлали огнеподобных коней и двинулись в путь. Вот они едут, едут. Где ночь застанет — там и ночлег. Раскрывают дорожные мешки, достают медовые лепешки, утоляют голод и жажду. Потом ложатся спать... Поднявшись с утренней зарей, умывшись и подкрепившись пищей, сто братьев снова пускаются в путь. Так путешествовали они полтора года. И однажды выехали в полдень на зеленую поляну. Посреди поляны высилось большое развесистое дерево. Нарты направились к дереву, спешились под его тенистыми ветвями, поставили коней вокруг, не просто поставили, а накинули узду одного коня на луку седла другого. А сами расстелили бурки и уселись в тени дерева. Младшие из них принялись разжигать костры и готовить пищу. Когда же огнеподобные кони отдохнули немного, нартвы, привязав уздечки к стремянам, выпустили коней в широкое поле. Дым от костров взметнулся к небу. И заметили этот дым далекие люди, жившие на расстоянии дневного пути от дерева, под которым отдыхали нартвы. Была у тех людей кожа черная-черная, а зубы белые-белые...

Снарядили черные люди своих воинов и наказали им разузнать, что это за дым, и сообщить обо всем виденном незамедлительно.

Направились воины к дереву и увидели издали нартвов. Разве могли они идти дальше? Напуганные видом героев, вернулись чернолицые к своим и рассказали обо всем.

И вот собрались чернолицые — мужчины и женщины, старые и молодые, одним словом, все, кто только мог ходить. Посоветовались между собой и решили так: пока мы живы — будем биться. Давайте строить укрепления с той стороны, откуда идут богатыри.

Начали они рыть землю и возводить стены.

А нартвы и не подозревали, какой из-за них переполох у чернолицых. Сидят себе спокойно, а за ней утро. С первыми лучами солнца отправились нартвы в путь и к исходу дня заметили чернолицых. Очень обрадовались нартвы. Еще бы — неизвестные люди, неизвестная страна!

Чернолицые тоже заметили нартвов и стали готовиться к битве. Решили они подпустить нартвов поближе — на расстояние полета стрелы, чтобы вернее поразить врага.

Нартвы были смелыми и умными. Отобрали они нескольких воинов и послали их к чернолицым без оружия, чтобы те убедились, что к ним идут не враги, а друзья. Вот подошли безоружные нартвы на близкое расстояние, а чернолицые пустили в них стрелы. Острые стрелы ранили двух нартвов, и пришлось всем нартвам вернуться к своим.

Хоть локти кусай от досады! Что же оставалось делать?

Еще раз послали к чернолицым своих безоружных братьев, но и на этот раз случилось то же, что и в первый. Решили нартвы идти силой.

И вот все сто сели на огнеподобных коней и бросились на чернолицых. Бросились, как разъяренные зубры, разрушили стены укреплений и порубили шашками самых отчаянных храбрецов, многих из них потоптали копытами своих коней.

Увидели чернолицые нартвов и поняли, что невинным злом они не причиняют. Успокоились. Попросили мира. И помирились с ними нартвы.

Прожили братья у чернолицых ровно месяц. А когда собрались в обратный путь, то сказали так:

— Пошлите вместе с нами своих людей, пусть они увидят и нашу землю.

Чернолицые задали на прощание пир. А затем выделили в провожаемые сто чернолицых. И подарили нартвам много скота.

Вот вернулись в Аpsны сто братьев, а с ними и сто чернолицых из далекой земли. От этих, от чернолицых, и происходят чернолицые, живущие и дoныне в с. Адзюбжа.

Много исторических загадок таит в себе древний край золотого руна. Одна из них — «абхазские негры», проживающие здесь с незапамятных времен. Когда и каким образом появились они на берегах Кавказского Причерноморья? На этот вопрос письменные источники не дают ответа. Их просто не существует. Ведь письменность у абхазов появилась только в конце прошлого века. Правда, из иностранных источников можно привести высказывания Геродота, посетившего Колхиду в V в. до н. э. В них упоминается о каких-то обитателях исторической Колхиды, имевших негроидный облик, и о том, что во время одной из битв несколько отрядов египетского фараона Рамзеса II вынуждены были отойти на север и затем осели в Колхиде. Но эти сообщения ничем не подкреплены и не могут считаться достоверными. Некоторые более поздние разрозненные сведения о контактах Древнего Египта и сопредельных стран Африки с Абхазией находим у греческих, византийских, арабских и других авторов. Наличие таких контактов вполне допустимо. В то далекое время в результате работорговли негры могли попасть на Черноморское побережье Кавказа и стать его обитателями. Можно с уверенностью предположить, что приток людей черной расы на Кавказское побережье усилился в позднее средневековье. Это было время, когда территория Абхазии находилась под турецким игмом, входя в состав Османской империи. Под турецким владычеством находился и Египет, ставший одним из крупных центров работорговли. Попадая в разное время на территорию Абхазии в качестве рабов или слуг, негры постепенно ассимилировались, утрачивали родной язык и обычаи, растворялись в местной этнической среде. По воспоминаниям старожиллов, в начале нашего века принц Ольденбургский, родственник царя, намеревавшийся превратить Гагру в великосветский курорт, держал при своем дворе по несколько представителей от каждого из народов Кавказа, в том числе двух местных негров.

Первые сведения об абхазских неграх проникли в русскую печать в 1913 г. Некто Е. Маров в газете «Кавказ» писал: «Проезжая в первый раз абхазскую общину Адзюбжу, я был поражен чисто тропическим ландшафтом: на яркой зелени густых девственных зарослей вырисовывались хижины и постройки из дерева, покрытые тростником, копошились курчавые негрятята, важно проходила с какой-то ношей негрятянка. На ослепительном солнце черные люди в белых одеждах представляли характерное зрелище какой-либо африканской сценки... Негры эти ничем не отличаются от абхазцев, среди которых живут уже с давних времен, говорят только по-абхазски, исповедуют ту же веру. Мне думается, что негры в этих местах являются случайным элементом и привезены сюда не ранее появления на Черноморском побережье Кавказа турок, у которых, как известно, всегда было много слуг из африканцев, доставляющихся из африканских владений. Ничего удивительного нет в том, что часть этих бывших рабов осела кое-где на побережье и во всем, кроме цвета кожи, ассимилировалась с окружающим их населением». (Цит. по: В. Пачулиа. Негры в краю золотого руна. «Техника молодежи», 1969, № 6, стр. 23.)

В настоящее время, кроме Адзюбжи, негры проживают в селениях Члоу, Ачандаре, Тхине, Меркуле, Киндге, Поквеше — всего в 11 населенных пунктах Абхазской АССР. Предки их попали сюда, по-видимому, в основном во времена турецкого владычества. Они трудятся на чайных и цитрусовых плантациях, работают на предприятиях и в советских учреждениях, говорят на ставшем родным абхазском языке, восприняли нравы и обычаи своей новой родины и чувствуют себя равноправными членами дружной братской семьи советских народов.

Как уже говорилось, в письменных абхазских источниках никаких сведений о пребывании негров на Кавказском побережье не зафиксировано. Зато упоминания об этом сохранились в замечательном памятнике устного народного творчества абхазов — Нартских сказаниях. В фрагменте из «Приключений нарта Сасрыквы и его девяти братьев» (М., 1962), публикуемом выше с небольшими сокращениями, содержится своеобразная и не лишенная правдоподобия версия о приходе негров в Абхазию. Конечно, произведение народного эпоса не может считаться достоверным историческим источником, но, являясь итогом коллективного творчества, создаваемого на протяжении многих столетий, эпос способен отразить в своеобразной символике правду исторического прошлого народа. Нарты «путешествовали полтора года», — говорится в сказании. Действительно, этого времени достаточно, чтобы достичь тропической Африки. «Вот вернулись в Апсны сто братьев нартов. С ними — сто чернолицых из далекой земли. Разве не могло быть такое? Во времена больших миграций случалось неоднократно, что целые народы оказывались за тысячи километров от родины.

Окончательное заключение по вопросу происхождения «абхазских негров» можно будет сделать лишь после завершения исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор, т. 1. М. — Л., 1949 (гл. «Проездка в Абхазию»).
- Абхазский фольклор. Состав. О. Каменецкая. М., 1936.
- Абхазские сказки. Под ред. А. Хашбы и В. Кукбы. Сухуми, 1936 (на абх. яз.).
- Абхазские сказки. Под ред. А. Хашбы и В. Кукбы. Сухуми, 1935.
- Абхазские сказки. Пер. с абх. и обраб. Н. Санешко. Сухуми, 1939.
- Абхазская народная поэзия. Состав. Д. И. Гулиа и Х. С. Бгажба.
- Абхазские сказки. Состав. К. С. Шакрыл и Х. С. Бгажба, т. 1. Сухуми, 1941 (на абх. яз.).
- Абхазские сказки, записанные И. Гулиа. СМОМПК, вып. 10, отд. 2, 1909.
- Аджинджа И. А. Из этнографии Абхазии. Сухуми, 1969.
- Адзинба И. Э. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми, 1958.
- Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии. «Живая старина». СПб., 1893, № 3.
- Аншба А. А. Мифологическая подоснова нартского эпоса. «Алашара», 1963, № 3 (на абх. яз.).
- Аншба А. А. Некоторые художественные особенности абхазских нартских сказаний. Сухуми, 1968 (на абх. яз.).
- Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI—XVII вв.). Сухуми, 1959.
- Бгажба Х. С. Об абхазском героическом эпосе. В сб. «Вопросы изучения эпоса народов СССР». М., 1958.
- Боги. Брахманы. Люди. М., 1969.
- Гадагата А. Н. Героический эпос «Нарты» и его значение. Краснодар, 1957.
- Гарикия В. Из абхазских народных преданий и поверий. СМОМПК, вып. 13, 1892.
- Гатцук В. Абраскил (абхазское предание). «Юная Россия», 1907, № 2.
- Гатцук В. Набег (абхазское предание). «Юная Россия», 1907, № 3.
- Гулиа Д. Абхазские сказки. Тифлис, 1909 (на абх. и русск. яз.).
- Гулиа Д. И. История Абхазии, т. 1. Тифлис, 1925.
- Гулиа Д. И. Сухум не Диоскурия. «Труды Абх. научно-исслед. ин-та краевед.». Сухуми, 1934.
- Далгат У. Б. Фольклор и литература народов Дагестана. М., 1962.
- Державин Н. Абхазия в этнографическом отношении. СМОМПК, вып. 38. 1907.
- Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960.

- Ефремов Ю. К. Тропами горного Черноморья. М., 1963.
- Зухба С. А. Абхазская народная сказка. Тбилиси, 1970.
- Зухба С. А. О некоторых элементах первобытного фольклора в абхазской волшебной сказке. «Труды Сухумского гос. пед. ин-та им. А. М. Горького», т. XVIII—XIX. Сухуми, 1966.
- Инал-ипа Ш. Д. Об абхазских нартских сказаниях. «Труды Абх. ин-та яз., литер. и истор. АН ГССР», вып. XXIII. Сухуми, 1949.
- Инал-ипа Ш. Д. Героический эпос абхазского народа. «Литературная Абхазия», 1958, № 3 (8).
- Инал-ипа Ш. Д. Нартский эпос абхазцев. «Нартский эпос». Орджоникидзе.
- Инал-ипа Ш. Д. О содержании термина «апсха». «Труды Абх. ин-та яз., литер. и истор. АН ГССР», вып. XXXIII—XXXIV, 1963.
- Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми, 1965.
- Картвин Ф. Д. Смерть царя Митридата Эвпатора. «Черноморский альманах», № 1, 1914.
- Картвин Ф. Д. Гнев Диоскуров. «Черноморский альманах», № 2, 1914.
- Ковач К. В. А. М. Горький об абхазском народном творчестве. «Литературная Абхазия», 1957, № 2.
- Ковач К. В. Два Маджа. Абхазские легенды и рассказы. Сухуми, 1935.
- Кун Н. А. Легенды и мифы древней Греции. М., 1954.
- Лихачев И. Чиловская пещера и легенда об Абрскиле-Прометее. «Труды V археологического съезда в Тифлисе (1881)». М., 1887.
- Метелинский Е. М. Происхождение героического эпоса. М., 1963.
- Метелинский Е. М. Предки Прометея (культурный герой в мифе и эпосе). «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 3.
- Миф о Прометее. М., 1967.
- Мегрелидзе И. В. Руставели и фольклор. Тбилиси, 1960.
- Нарты. Кабардинский эпос. М., 1957.
- Пачулия В. П. В краю золотого руна. М., 1968.
- Пачулия В. П. По древней, но вечно молодой Абхазии. Сухуми, 1969.
- Пачулия В. П. Легенды, прошедшие сквозь века. «Алашар», 1969, № 11 (на абх. яз.).
- Пачулия В. П. Туризм и национальные традиции. СЭ, 1969, № 5.
- Салакая Ш. Х. Абхазский народный героический эпос. Тбилиси, 1969.
- Салакая Ш. Х. Вопросы собирания и исследования абхазского фольклора за годы Советской власти. «Труды Абх. ин-та яз., литер. и истор. АН ГССР», вып. XXXII, 1961, стр. 105—114.
- Салакая Ш. Х. О некоторых общих фольклорных истоках литератур абхазо-адыгейских народов. «Уч. зап. Адыг. НИИ яз., литер. и истор.», т. III. Майкоп, 1964, стр. 173—184.
- Салакая Ш. Х. О некоторых абхазских исторических преданиях. «Мацне», «Вестник Отделения общественных наук АН ГССР», № 4, 1965, стр. 152—159.
- Тресков И. В. К вопросу о происхождении и истории бытования образа Прометея. «Уч. зап. Кабардино-Балкарского НИИ», т. XVI.
- Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1956.
- Чиковани М. Я. Народный грузинский эпос о прикованном Амირани. 1966.
- Шинкуба Б. В. Об абхазской народной поэзии. «Труды Абх. ин-та яз., литер. и истор. АН ГССР», вып. XXIV, 1951 (на груз. яз.).

СОДЕРЖАНИЕ

Абхазские легенды и история	5
Откуда пошел народ Апсны?	19
Легкомысленная Питис	20
Как возникло древнее поселение Гагра?	21
Откуда взялось название Гудаута?	24
Как появился в Абхазии «город Каман»?	30
Смерть Митридата	32
Пшкяч-ипа Манча и красавица Мадина	35
Как были спасены жители Пицунды?	37
Пицундский храм	37
О пицундской стене	39
Падение Анакопии	40
О Бзыбской и Калдахварской крепостях	43
Лыхненский дворец	44
Беслетский мост	46
Тайна пещерного замка	47
Легенды о Великой Абхазской стене	48
Крепость Чиркс-Абаа	50
О великом зодчем	52
Нартская крепость	54
Штурм крепости Гуинтвинт	55
Лашкендар — собачий храм	57
Сказания о Рице	58
Водопад «Девичьи слезы»	63
Откуда взялось Голубое озеро?	64
Дочери подземного духа	64

<i>Каменный риф Нагв-Ихаху</i>	65
<i>О возникновении озера Амткел</i>	66
<i>Абрскил — Прометей Аспны</i>	68
<i>Как исчезли ацаны?</i>	76
<i>Сказание о возвращении огня</i>	79
<i>Как абхазцы узнали смерть?</i>	81
<i>Нарты у чернолицых людей</i>	82
<i>Литература</i>	85

Вианор Панджевич Пачулиа
Легенды лазурного берега

*Утверждено к печати Ученым советом Абхазского института языка,
литературы и истории им. Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР*

Редактор издательства *Г. В. Шелудько*. Художественный редактор *В. Н. Тикун*
нов. Художник *Е. П. Суматохин*. Художественно-технический редактор
Т. А. Прусакова

Сдано в набор 16/II 1973 г. Подписано к печати 2/VIII 1973 г. Усл. печ. л. 6,97
Уч.-изд. л. 7,9. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага № 2. Тираж 20 000 экз. Тип. зак. 1827.
Т-11729. Цена 60 коп.

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, К-62, Подосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10